

Казанский федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

кафедра социальной
ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

КАЗАНЬ, 16 МАЯ 2025 Г.

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

ФИЛОСОФИЯ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

**Материалы I Казанской студенческой
научно-философской конференции**

Казань, 15–16 мая 2025 г.

КАЗАНЬ
2025

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

**INSTITUTE OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SCIENCES
AND MASS COMMUNICATION**

PHILOSOPHY IN THREE DIMENSIONS

**Materials of the I Kazan Student Scientific
and Philosophical Conference**

Kazan, May 15–16, 2025

**KAZAN
2025**

**УДК 13
ББК 87
Ф56**

Редакторская группа:
И.Р. Гильмутдинов, Д.М. Петров, Р.М. Сагитова,
М.З. Сташевски, Н.В. Хайруллина

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор **Т.М. Шатунова**;
кандидат философских наук, доцент **С.А. Либерман**

- Ф56** **Философия в трех измерениях** [Электронный ресурс]: материалы I Казанской студенческой научно-философской конференции (Казань, 15–16 мая 2025 г.) / под ред. И.Р. Гильмутдинова, Д.М. Петровой, Р.М. Сагитовой, М.З. Сташевски, Н.В. Хайруллиной. – Электронные текстовые данные (1 файл: 1,79 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – 171 с. – URL: <https://kpfu.ru/isfnmk/struktura/otdeleniya/filosofii-i-religiovedeniya/kafedra-socialnoj-filosofii/filosofiya-v-treh-izmereniyah>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-912-3

Материалы I Казанской студенческой научно-философской конференции «Философия в трех измерениях» включают доклады студентов и аспирантов КФУ, КГМУ, КГЭУ и других университетов России. Анализируются проблемы философии религии, философской антропологии, различных направлений философского реализма, а также связи философии и современности.

Предназначено для всех, интересующихся проблемами современной философии.

**УДК 13
ББК 87**

ISBN 978-5-00130-912-3

© Издательство Казанского университета, 2025

**UDC 13
LBC 87
Φ56**

Editorial team:
**I.R. Gilmutdinov, D.M. Petrosov, R.M. Sagitova,
M.Z. Stashevski, N.V. Khairullina**

Reviewers:
Doctor of Philosophy, Professor **T.M. Shatunova**;
Doctor of Philosophy, Associate Professor **S.A. Liberman**

Φ56 **Philosophy in Three Dimensions:** Materials of the I Kazan Student Scientific and Philosophical Conference (Kazan, May 15–16, 2025) / edited by I.R. Gilmutdinov, D.M. Petrosov, R.M. Sagitova, M.Z. Stashevsky, N.V. Khairullina. – Kazan: Kazan University Publishing House, 2025. – 171 p.

ISBN 978-5-00130-912-3

The materials of the I Kazan Student Scientific and Philosophical Conference «Philosophy in Three Dimensions» include reports by students and postgraduates of KFU, KSMU, KSPEU and other Russian universities. They analyze and criticize problems of the philosophy of religion, philosophical anthropology, various directions of philosophical realism and the relationship between philosophy and modernity.

Designed for everyone interested in the problems of modern philosophy.

**UDC 13
LBC 87**

ISBN 978-5-00130-912-3

© Kazan University Publishing House, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ»	10
<i>Баринова Л.В.</i> Именованный Моисеем: о соотношении иудейской мистики с безумием	10
<i>Гимадетдинова Г.И.</i> Религиозное сознание как объект философского исследования.....	13
<i>Замилова Л.Л.</i> Предначертание и ответственность: сравнительный анализ христианской и исламской теологии действий	15
<i>Некрасов Н.С.</i> Средневековый идеал досуга: античная мудрость и христианская добродетель	17
<i>Нодирова С.А.</i> Наука и религия: конфликт или совместимость? Как научные открытия влияют на религиозные убеждения	19
<i>Нуриева С.Д.</i> Проблема соотношения божественных атрибутов: антропоморфизм и парадокс всемогущества	21
<i>Останин Д.А., Гавrilov Д.М.</i> Концептуальный перевод мутазилитского таухида в парадигму спекулятивного реализма	23
<i>Садайлы С.А.</i> Философия убийства в исламе	26
<i>Чинухина О.А.</i> Атеизм как источник смысла, бытия, взросления и милосердия	28
СЕКЦИЯ «НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ»	30
<i>Бугаев В.А., Гавrilov Д.М.</i> Реинтерпретация товарного фетишизма карла маркса в онтокартографии Леви Брайанта	30
<i>Васбиев А.Д.</i> Концепции альтернативных реальностей в философии Г. Лейбница, А. Шопенгауэра, И. Канта	32
<i>Камалетдинов А.Р., Гавrilov Д.М.</i> Интерпретация анимитических интенций ислама в эпистемах спекулятивного реализма.....	34
<i>Камбеев Д.И.</i> Философия критического реализма: сравнительный анализ концепций Р. Бхаскара, И. Барбура и Дж. Полкинхорна в контексте современной философии	36
<i>Миллер А.С.</i> Проблемы реализма и антиреализма в этике	38

<i>Потапов Л.В.</i> Реализм в отношении вымышленных объектов: абстрактные артефакты или платонические формы?.....	40
<i>Рустамов А.А.</i> Проблема семантического реализма в философии языка	42
<i>Симакова А.С.</i> Альтруизм и эгоизм: естественнонаучная интерпретация	44
<i>Сташевски М.З.</i> Проблема реальности отношений между неактуальными объектами	46
<i>Усова А.В.</i> Научность клинической работы врача с точки зрения реализма и антиреализма	48
<i>Фасхутдинова В.А.</i> Существуют ли моральные факты?.....	50
<i>Шаехова Р.Р., Зарипова А.Р., Хабирова А.Ф.</i> Антипсихиатрия как антиреалистический взгляд на сущность психических патологий.....	52
СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»	
<i>Воливач И.В.</i> Антропологический и социальный аспект в изменении образа героя	54
<i>Жигунова В.А.</i> Опыт исследователя в антропологии религии: на примере Маргарет Мюррей	57
<i>Насыров Ш.Р., Каримов К.М.</i> Цифровая идентичность как вызов философской антропологии: может ли человек остаться «незавершённым проектом» в мире алгоритмов?.....	59
<i>Петрова Е.А.</i> Афро-бразильские культуры через призму интерпретативной антропологии К. Гирца	61
<i>Петросов Д.М.</i> Материализм и текстологические сообщества	63
<i>Пигин Д.В.</i> Постюгославский кинематограф – эволюция или деградация?	65
<i>Соковнина Е.Л.</i> Геймификация как культурная практика метамодерна.....	67
<i>Тюкаева Г.А.</i> Трансформация человека в условиях развития искусственного интеллекта.....	69
<i>Щукина А.В.</i> Симбиотическая идентичность в постмодернистской культуре: «Веном» (2018) Р. Флэйшера	71

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ».....	73
<i>Абдуллина А.М., Киреева М.О., Низамова Р.Р.</i> Дизайн-метод: экзистенциальные аспекты философии хайдеггера в контексте современности	73
<i>Аминов Д.Д.</i> Зачем лингвисту философия?.....	76
<i>Амирханова А.Р.</i> Нужна ли философия современному искусству?	78
<i>Багаутдинова Н.И.</i> Философия и современный мир: кому она действительно нужна?	80
<i>Бикчантаева К.М., Гафиатуллин А.Р.</i> Философия боли: границы субъективного и объективного в медицине.....	82
<i>Валиева Э.Л.</i> Сохранение культурной идентичности в эпоху глобализации: философское осмысление.....	84
<i>Веселов К.А.</i> Мертвые предметы и отсутствие невербальной коммуникации на уровне повседневности	86
<i>Ганина К.А.</i> Эпистемическая несправедливость и её влияние на процесс обучения студента медицинского университета.....	88
<i>Гатауллина К.И.</i> Философия и современный мир: кому нужна философия сегодня с точки зрения медицины?	90
<i>Гирфанова А.Р., Ханова Э.И.</i> Одиночество: социально-философский анализ	92
<i>Глушкова А.Ю.</i> Проблема перевода как философская проблема: У. Дж. Куайн и концепт «непереводимости»	94
<i>Голубев С.А.</i> Цифровая любовь: философский анализ любви в эпоху технологий и соцсетей.....	96
<i>Гордеева К.В.</i> Философия в эпоху нейросетей: утратила ли она свой голос?.....	98
<i>Деньгоф А.В., Лохман Е.В.</i> Философия счастья: стоицизм против гедонизма	100
<i>Ермолаева В.А.</i> Проблематика значения философии в различных социальных слоях человеческого общества.....	102
<i>Житбимбаева С.Б.</i> Философия и я: взгляд первокурсницы на роль философии в современной жизни	104

Загидуллина А.Р., Козоренко А.В. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании	106
Закирова Д.И. Философский камень как метафора поиска смысла.....	108
Зиннатова Р.Р., Шарифуллина Л.Д. Кантовская философия и искусственный интеллект	110
Мехри И.И. Философия в современном контексте: пределы необходимости и вопросы пригодности.....	112
Колмычек А.А. Философия и лингвистика. Нужна ли философия лингвистике?.....	114
Кучумова Р.Р. Для чего нужна философия в современном мире?.....	116
Малов Д.А. Место философии в современном мире	118
Маринина И.В., Бурганова К.И. Философия страдания в эпоху кризисов: от Будды до Ницше	120
Молодейкина П.А. Философия в современном мире. Кому нужна философия сегодня?.....	122
Наумова Д.Д. Философия и современный мир. Кому нужна философия сегодня?.....	124
Нестерова Д.Д. Истина – это не просто соответствие фактам, а согласие между сознаниями.....	126
Пешехонов Д.А. Сущность философии негативной этики в практике медицинского работника	128
Потанин Л.А. Проявление концепции детерминизма в праве: между предопределенностью и предсказуемостью	130
Репин М.А. Эмпиризм Дэвида Юма и «проблема наполненного бокала»	132
Сабрекова А.Д. Монтажность в жизни и монтажность жизни.....	134
Сайфутдинова Д.А. Актуальность философии в технологическом мире. Философия как основа для саморазвития и личностного роста.....	136
Саттарова А.Р. Философия и современный мир: кто нуждается в философии сегодня?	138
Сафина Г.Р. Роль философии в исламской медицине	140

<i>Сафонова Е.Е.</i> Философия в современном мире: кому нужна философия сегодня?.....	142
<i>Соломенникова А.А.</i> Философия – компас в эпоху неопределенности	144
<i>Суровцева В.А.</i> Философия как источник вдохновения в современном творчестве	146
<i>Суровцева В.А.</i> Кому нужна философия сегодня?.....	149
<i>Тихонова Д.В.</i> Язык как способ познания мира.....	152
<i>Торопова В.Д., Ахметханова Э.Р.</i> Актуальность философии для студентов медицинского университета	154
<i>Хабирова А.Ф.</i> Философия в эпоху цифровизации: роль критического мышления в современном обществе.....	156
<i>Хакимянов Р.Р.</i> Дао программирования: минимализм, спонтанность, эффективность	158
<i>Халитов Т.Р.</i> Цифровое бессмертие: можно ли перенести человека в цифровое пространство?	160
<i>Шабарова М.Э., Казаковцева М.С.</i> Гений и безумец – две крайности одной сущности.....	162
<i>Шарипова Ж.Ю.</i> Философия и космос: зачем философия современной науке?	164
<i>Шемардова Е.Е.</i> Нейросети и философия сознания: могут ли алгоритмы понимать язык, как человек?.....	166
<i>Щёлков Э.Д.</i> Молчание как философский практис	168
<i>Шинова Д.В., Герасимова Е.А., Игнатьева А.О.</i> Влияние идей гуманизма эпохи возрождения на образ человека в медицине современного мира	169

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ»

Баринова Лия Владимировна
бакалавриат, 2 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
vajcehovskijmojsa@gmail.com

ИМЕНОВАННЫЙ МОИСЕЕМ: О СООТНОШЕНИИ ИУДЕЙСКОЙ МИСТИКИ С БЕЗУМИЕМ

Кризис самоидентичности частью людей видится разрешенным при принятии в набор своих характеристик религии, отождествлении себя с сотворенным Б-гом.

По данным ВЦИОМ [1], более половины жителей России считают себя верующими. В той же статистике печально постулируется, что имеет место незнание религиозных догматов, нерегулярное посещение храма, несоблюдение ритуалов. Маркер ли это нашего столетия? Или отхождение *от канона* – потребность человека со времен появления религии?

И чем же объяснить потребность верующего, в нашем случае, иудея, заглянуть за пределы понимаемого, что не дано в Откровении, не представляется догмой? Иудаизм порождает следующие ответвления, признанные мистицизмом: *Хейхалот*, *саббатианство*, *Меркава*, *профетизм Авраама Абулафия*, *хасидизм* (выросший из мистицизма он становится «новым каноном», особенно, *Хабад*) и др. Но наиболее известной традицией в иудейской мистике является...

...*Каббала*. Это течение будет осмыслено в моей работе. До XVII века на изучение Каббалы был «ценз» – к мистическим страницам не допускались женщины и мужчины, не достигшие возраста зрелости души (примерно сорок лет). М. Лайтман сообщает о своем пути в *иррационализм*: «...после многолетних поисков было необычайно острое ощущение наконец-то найденного, того, что так всегда хотелось найти и не получалось!» [2, с. 18]. Мистический экстаз, открытие *тайного смысла, озарение* – то, что обещает Каббала как «методика восхождения к духовности, практическое руководство к постижению себя и всего мира» [3]. К начинаяющим каббалистам выдвигаются требования и ныне: «...важно, чтобы человек, который хочет изучать Каббалу, выполнял все заповеди Торы ещё более тщательно, чем тот, кто Каббалу изучать не собирается. В противном случае человек не только не преуспеет в изучении Каббалы, но и принесет себе большой вред» [4].

Каббала основана на *Зохаре* [5] – комментарию к Пятикнижию –, автор которого *Шимон бар Иохай*. В нём постулируются идеи о последовательном проявлении Творца (*сфиrom*), вящих снах, перемещении в иных мирах. Сфиrot – *не эманация*, как в неоплатонизме, прежде всего «...различные фазы в проявлении Б-жества, переходящие одна в другую и следующие одна за другой» [6, с. 208]. Система зохарической мысли в *понимании нового Б-га* – Творца, явленного в страницах Писания, и человека *в-бытии-с-ним*. Каббала «зnamенует собой в основном попытку сохранить сущность наивной народной веры, которой в этот период бросила

вызов рационалистическая теология философов» [см. п. 5, с.205]. Книга Зохар уделяет внимание атрибутам Б-га, постулируя их отсутствие в присутствии. Атрибут Творца – то, что у него *нет атрибутов*. Б-г – Бесконечность (*Эйн-соф*) – потенциал творчества в единой Сущности.

А что если безумность Каббалы не нова и сама религия иудаизма уже *безумна*, а мистификация – ответ, предлагающий продолжение иудейской мысли?

Обратимся к З. Фрейду, психоаналитической интерпретации веры и *мистики-в-вере*, к трудам «Тотем и табу» [7] и «Человек Моисей и монотеистическая религия» [8]. *Kodausch* древних евреев – то, что несёт запрет *само-в-себе*, сочетая *благое и священное с нечистым и запретным*. Страх перед табу, выраженный в «благоговении и отвращении» [см. п. 7, с. 51], влечет превращение соблюдающих запреты в «*страдающих нервозностью*». Общее у нервно-больных с соблюдающими табу – *немотивированность, загадочность запретов*, порожденных внутренним необъяснимым страхом. Метафорическое прикосновение к неуловимому при вытеснении порождает *психическую фиксацию*. Конфликт между запрещением и влечением – причина нервозности и, предположу, явного желания мистификации религиозного опыта. Боящийся нарушить табу на бессознательном уровне боится влечения к нарушению.

Переосмыляет Фрейд и Писание, обосновывая, что Моисей – освободитель евреев – *не приходится их братом по крови*: «...истолкование привязанного к Моисею мифа об оставленном ребенке вынуждает к выводу, что он был египтянином, которого потребность народа захотела сделать евреем» [см. п. 8, с. 71]. Судьба Моисея определена рождением «против воли отца» [см. п. 8, с. 67] и *спасением вопреки внешним силам*. Предположу, что мистические элементы в иудаизме вошли из египетской веры («магические обряды, церемониалы, заклинания и амулеты») [см. п. 8, с. 74], вследствие *игнорирования еврейским народом факта египетского происхождения пророка Моисея*, а с течением времени *стали основой* Каббалы.

Навязывание народу «святости», делание его исключительным («работает» и *обряд обрезания* как облагораживания) вызывает *нервозность*, бессознательное чувство вины, транслируемое в будущее. Проявления можно найти в традициях – например, строгий пост и облачение в белые одежды на Йом-кипур. Главное табу – *произнесение имени Творца*.

Итак, «тёмная сторона» иудаизма имеет много тайн. Сумею ли я распутать клубок нитей, пронзающих собой многовековую историю еврейского народа, определить природу влечения человека религиозного к мистицизму? Борух Ашем, попытаться стоит.

Литература

1. ВЦИОМ (2023) Религия и общество: мониторинг / URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 24.08.2025).
2. Лайтман М. Каббала в контексте истории и современности / М. Лайтман В. М. Розин. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 300 с.
3. Лайтман М. Каббала как форма иррационального сознания: автореферат дис. кандидата философских наук: 09.00.13 / Ин-т философии РАН. – Москва, 2004. – 34 с.
4. Хлебников Г. В. Еврейский мистицизм: часть 2 / Г. В. Хлебников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 3. – Философия: Реферативный журнал. – 2021. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evreyskiy-mistitsizm-chast-2> (дата обращения: 01.05.2025).
5. «Зоар» / русский перевод Ярослава Ратушного и П. Шаповалова. – URL: https://lit.lib.ru/j/jaroslaw_r/ (дата обращения: 01.05.2025).

6. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Г. Шолем. – М.: Ассоциация «Мости культуры» Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме. – 2004. – 521 с.
7. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд; пер. с нем. М. В. Вульфа. – СПб.: Азбука классика, 2005. – 256 с.
8. Фрейд З. Человек Моисей: психология религии / З. Фрейд; пер. с нем. А.М. Боковиков. – М.: Академический проект, 2020. – 186 с.

*Гимадетдинова Гузель Ильнаровна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
g.Guzel06@yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность: в современном мире религиозная ситуация предоставляет множество возможностей для выбора религиозного направления. Люди, чье сознание было подорвано, все чаще обращаются к «старым» религиям. Однако глубинное понимание сущности религии. Отсюда возникает вопрос о важности философского учения религиозного сознания людей. Философский анализ позволяет критически осмыслить различные формы религиозного опыта, природу веры, соотношение разума и откровения, а также метафизические основания религиозных представлений.

Цель исследования: комплексный философский анализ религиозного сознания, охватывающий его когнитивные, эмоциональные, волевые и поведенческие аспекты, с акцентом на выявлении его сущностных характеристик, структуры и влияния на человеческое бытие.

1. Классические философы, такие как Платон с его идеями о высшем блаже [см. 4, с. 112-120], Аристотель с его концепцией перводвигателя [см. 4, с. 121-130], Кант с его анализом морального закона и постулатов веры [см. 4, с. 131-145] и Гегель с его диалектикой духа [см. 4, с. 146-155], заложили основы для философского понимания религиозного опыта и убеждений.

2. Современная философия религии продолжает эту традицию, предлагая разнообразные философские инструменты для анализа религиозного сознания, такие как феноменологический метод Гуссерля [1], экзистенциальный анализ Кьеркегора [2] и герменевтическая интерпретация Рикёра [6].

3. Эмоциональная составляющая представлена широким спектром религиозных чувств, таких как благование, страх, любовь и надежда, которые играют важную роль в формировании религиозного опыта [5, с. 45-52]. Волевой и поведенческий аспекты проявляются в религиозных интенциях, стремлении к сакральному, а также в участии в ритуалах и практиках, которые являются внешним выражением религиозной веры [8, с. 101-115].

5. Герменевтический подход позволяет исследовать процессы интерпретации религиозных текстов и символов, через которые верующие осмысливают свой религиозный опыт и формируют свое религиозное сознание [см. 6, с. 63-75].

6. Важным аспектом философского анализа религиозного сознания является вопрос о соотношении рациональности и иррациональности в религиозной вере. Философская традиция предлагает различные точки зрения на возможность рационального обоснования религиозных убеждений [3, с. 201-215].

7. Философская проблема свободы совести и толерантности в контексте плюрализма религиозных взглядов [7].

Заключение: комплексный философский анализ религиозного сознания позволяет глубже понять этот многогранный феномен, выявить его существенные характеристики и исследовать его влияние на различные аспекты человеческого бытия.

Литература

1. Гуссерль Э. Феноменология религиозного сознания / Э. Гуссерль // Логос. – 1992. – № 3. – С. 20-55.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – Москва: Академический Проект, 2010. – 190 с.
3. Плантиnga Э. Бог и другие умы / Э. Плантиnga. – Москва: Территория будущего, 2006. – 416 с.
4. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
5. Шлейермакер Ф. Речи о религии к образованным людям её презирающим / Ф. Шлейермакер. – М.: Наука, 1994. – 312 с.
6. Рикёр П. Герменевтика религии / П. Рикёр. – М.: КАМД, 1995. – С. 55-160.
7. Тейлор Ч. Секулярная эпоха / Ч. Тейлор. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 560 с.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – М.: Восточная литература, 2018. – 672 с.

Замилова Лейла Лемаровна
Студентка 2 курса, «философия»
Казанский Государственный Медицинский Университет
(г. Казань)
zamilova.05@mail.ru

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХРИСТИАНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ТЕОЛОГИИ ДЕЙСТВИЙ

Христианство и ислам, сохраняя общую основу авраамического теизма, предлагаю принципиально разные метафизические и этические решения парадокса совмещения божественного всемогущества и свободы воли человека. В исламе доктрина кадар утверждает абсолютную власть Аллаха над мирозданием, но через концепцию касб сохраняет за индивидом ответственность за выбор. Как отмечает А.В. Журавский в статье «Предопределение и свобода воли в исламской теологии» (2018), касб трактуется как «присвоение» человеком действий, предопределенных Аллахом, что формирует основу моральной ответственности [1]. Запрет Пророка Мухаммада на споры о предопределении, поддержаный богословами (ашариты, матуридиты), предотвращает фатализм, подчеркивая, что Аллах, творя даже зло как испытание, не лишает человека свободы намерения. Это сближает ислам с философским компатибилизмом, где свобода переопределяется как осознанное принятие предустановленного порядка, что подробно анализирует Т. Винтер (Тим Дж. Винтер, «Ислам и проблема свободы» 2006) [2].

В христианстве ключевым становится принцип синергии – сотрудничества благодати и свободной воли, выраженный в формуле Максима Исповедника: «Бог становится человеком, чтобы человек стал богом». Как подчеркивает В.Н. Лосский[3] в работе «Мистическое богословие Восточной Церкви» (1944), синергия исключает механистическое понимание предопределения, превращая его в динамичный процесс обожения. Предопределение здесь – не механический план, а призыв к преображению, где спасение реализуется через личный выбор между добром и злом. Даже учение Августина о первичности благодати и кальвинистское «двойное предопределение» не отменяют нравственных усилий, подобно парусу, требующему ветра. Как отмечает Дж. Пэликан в «Христианская традиция» (1971), августинианская модель сохраняет парадокс: благодать предшествует воле, но не уничтожает её. Православие акцентирует тайну Промысла, избегая жестких формулировок и делая акцент на экзистенциальном диалоге с Богом (пример Иова), что раскрывается в исследовании С. С. Хоружего «Богословие исихазма» (2015) [4].

Различия в понимании справедливости углубляют это противостояние. Для христианства страдание – путь к преображению, где даже ад интерпретируется как добровольное отвержение любви, что аргументирует Д. Харт в книге «Двери света» (2019). В исламе справедливость Аллаха непостижима: наказание неверных – следствие их выбора, предвиденного, но не навязанного. Как пишет М.А. Шиммель в «Ислам: Введение» (1990), Коран подчеркивает, что Аллах «не поступает несправедливо даже весом в пылинку» (4:40), но логика этого баланса остается за пределами человеческого разума. Если христианский рай – единство с Богом через преодоление своей воли, то исламский Судный день – абсолютное торжество божественного

закона, где ад становится « занавесом » из собственных поступков, как отмечает Р. Джексон в статье « Эсхатология в Коране » (2003).

С позиции агностика, попытки христианства и ислама разрешить парадокс божественного всемогущества и свободы воли сталкиваются с фундаментальными логическими противоречиями. Как указывает Д. Деннет в « Свобода эволюционирует » (2003), обе религии утверждают, что Бог существует вне времени и пространства, но при этом встраивают его в линейную причинно-следственную цепь человеческого выбора. Это создает проблему: если Бог заранее знает все действия человека, свобода воли становится иллюзией, а ответственность – условностью.

Концепции вроде синергии (христианство) и касба (ислам) не устраниют противоречия, а лишь маскируют их через теоретические конструкции. Например, идея « присвоения » действий в исламе не объясняет, как Аллах, предопределяющий все события, не становится автором зла, что критикует А.Ю. Сагдеева в работе « Философия исламского права » (2010).

В христианстве утверждение о сотрудничестве благодати и воли не проясняет, как Бог, будучи первопричиной всего, не контролирует человеческие решения, о чем пишет Дж.Л. Шелленберг в « Божественное сокрытие и человеческая рациональность » (1993).

Эти системы также игнорируют проблему теодицеи: если Бог всемогущ и всеблаг, существование зла и страданий остается необъяснимым. Религиозные ответы (« испытание » в исламе, « преображение через страдание » в христианстве) не опираются на эмпирические доказательства, а апеллируют к вере, что подчеркивает Дж. Хик в классическом труде « Зло и Бог любви » (1966) [5].

Христианство и ислам, предлагая различные метафизические модели (синергия и касб), стремятся согласовать божественное всемогущество с человеческой свободой, но сталкиваются с логическими противоречиями, особенно в вопросах теодицеи и причинности. Обе традиции акцентируют нравственную ответственность, однако их решения остаются теоретическими конструкциями, опирающимися на веру, а не эмпирическую рациональность. Критика агностиков подчеркивает фундаментальную неразрешимость парадокса в рамках теистического мировоззрения.

Литература

1. Журавский А. В. Предопределение и свобода воли в исламской теологии / А. В. Журавинский // Журнал сравнительного богословия. – 2018. – Т. 12 – № 3. – С. 45-67.
2. Winter T. J. Ислам и проблема свободы / T. J. Winter // Muslim World Book Review. – 2006. – Т. 26 – № 2. – С. 3-15.
3. Лосский В. Н. Мистическое богословие Восточной Церкви / В. Н. Лосский. – Кембридж: James Clarke & Co., 1944. – 252 с.
4. Хоружий С. С. Богословие исихазма / С. С. Хоружий. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2015. 400 с.
5. Хик Дж. Зло и Бог любви / Дж. Хик. – Нью-Йорк: Palgrave Macmillan, 1966. – 416 с.

Некрасов Михаил Сергеевич

аспирант, 1 курс, «социальная и политическая философия»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(г. Казань)

mikhnekrasov-1@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИДЕАЛ ДОСУГА: АНТИЧНАЯ МУДРОСТЬ И ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Философия в Средневековье во многом стала результатом смешения учений античных философских школ и христианского учения о спасении, продолжив развивать античные понятия в религиозном контексте. Взамен древнегреческим мудрецам и римским ораторам новой интеллектуальной элитой стали монахи и монашеские ордена. Именно они закладывали основы регулирования мирской жизни и формировали средневековое мировоззрение.

Средневековое понимание досуга, как и многие другие социальные аспекты, имело свои корни в античности. В древнеримской традиции для обозначения «досуга» использовался термин *otium*. Одна из его интерпретаций – это досуг, который посвящается самовоспитанию, самосовершенствованию, практике самостоятельного мышления. Все эти занятия, как предполагалось, позволяют приблизиться к истине. В Средневековье же такой *otium*, оставаясь интеллектуальным досугом, доступным лишь социальной элите, приобретает божественное лицо, становится инструментом, открывающим врата к спасению души. Проследим путь данной мысли в сочинениях некоторых законодателей средневековой мысли.

Otium, связанный с религиозными поисками и познанием Бога был уже в сочинениях Августина Блаженного [1], но в монашеской среде одним из первых на него обратил внимание Бенедикт Нурсийский, и далеко не в положительном ключе. Так, например, мы читаем у него следующее: «Праздность – враг души» [2]. Во всех других случаях в «Уставе» Бенедикта *otio* и производные приобретают значение и переводятся именно как праздность. В связи с этим мы видим здесь лексикологическую проблему, которую ещё предстоит разрешить. Формально же Бенедикт Нурсийский в своем «Уставе» закрепляет идеал монашеского досуга, провозглашая принцип “*ora et labora*”. Данное противопоставление уникально тем, что досуговое время для интеллектуальных занятий здесь объединилось с трудовой деятельностью. Но данная деятельность должна быть направлена исключительно на служение Богу, что создает пространство для благочестивого досуга.

В данном контексте интересно будет обратиться к Бернарду Клервоскому, одному из значимых христианских средневековых богословов и мистиков. В отличие от Бенедикта Нурсийского его наставления не ограничиваются стенами монастырей: в трактате «О размышлении» Бернард обращается к самому могущественному человеку эпохи – папе Евгению III. Как мы можем отметить, для Бернарда существует два вида досуга: праздность и богоугодный досуг.

Для начала рассмотрим словоупотребление *otium* в значении «праздность», «покой». К примеру, обращаясь непосредственно к Евгению III, он пишет: «Вы поставлены на высокое место, откуда видно все разом, и естественное следствие этого бдения – не покой, а труд» [3, с. 54-55], или, далее: «Хотя мудрец справедливо советует возделывать мудрость на досуге, следует осторегаться праздности в свободное время и всячески избегать её...» [3, с. 74]. Здесь

otium близок к нейтральной оценке досуга, понимаемой как «ничего-не-делание». Христианин же, тем более, такой высокопоставленный, как Папа Римский, который должен быть примером для всего христианского сообщества, должен избегать такого досуга в пользу досуга богоугодного. В качестве такого досуга Бернард рассматривает размышление: «И действительно, что более подобает в служении Богу, чем то, к чему Сам Бог увещевает нас устами псалмопевца: “Пребывайте в святом отдохновении и познавайте, что Я – истинный Бог” (Пс 46 (45), 11). Вот самая главная роль размышлений» [3, с. 29-30]. В размышлении, считает богослов, происходит очищение души, чувства приводятся в порядок, укрощается нрав, «умеряются крайности», определяется путь к порядочной и честной жизни. Созерцательная жизнь приводит к единству и гармонии всех добродетелей. Заканчивая своё размышление о добродетелях, Бернард вопрошают: «Разве провести всю жизнь, не занимаясь деланием столь богоугодным и душеполезным, не значит потратить её напрасно?» [3, с. 34]. Именно здесь у Берна尔да появляется трактовка досуга как времени, полезного для христианина, если оно направлено на совершенствование души и познание Бога. Таким образом, христианин должен способствовать очищению души в благочестивом размышлении, чтобы его деяния не превратились в слепую суэту.

Расцвет схоластики принес новые смыслы. Фома Аквинский как один из самых влиятельных философов средневековья продолжает тенденцию, заложенную предшествующими богословами. Для Аквина также досуг ценился не сам по себе, а лишь как путь к Богу. Более того, как нам сообщает исследователь Бранко Йозич, Фома отдает предпочтение созерцательной жизни, нежели активной, которая имеет дело с материальными вещами. Тем не менее, здесь у философа чувствуется влияние перипатетизма, поскольку он всё же призывает к некоторому равенству в данных форматах деятельности. Жизнь людей, которые посвящают всё время чистому созерцанию, демонстрирует в них эгоистичную заинтересованность только в собственном спасении. Поэтому более совершенной будет активная жизнь, наполненная в том числе и созерцательным опытом [4].

Сегодня досуг воспринимается в многом как время, которое можно посвятить себе, отдохнуть от рутинных занятий, получить новые впечатления. Как мы можем увидеть, формально в средневековом монашестве, которое задавало тон всему обществу, поскольку было проводником божественной воли, досуг тоже был временем для себя, однако вопрос о нем ставился не в контексте удобства, комфортного времяпрепровождения или самосовершенствования как самоцели. Правильно организованный досуг во многом был условием спасения души. Истинный досуг для средневекового монаха – не праздность, а труд духа; не бегство от мира, а способ понять и преобразить его.

Литература

1. Блаженный Августин. Против академиков / Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – С. 5-85.
2. Regula S. P. N. Benedicti / URL: <https://www.thelatinlibrary.com/benedict.html> (дата обращения 10.04.2025).
3. Св. Бернард Клервоский О размышлении / Св. Бернард Клервоский – М.: Издательство Францисканцев, 2017. – 204 с.
4. Branko J. Otium i Negotium – Marulić o docolici i Radu / J. Branko // Church in the World. – Vol. 49. – No. 2. – 2014. – PP. 248-258.

Нодирова Сабрина Азамжоновна
специалитет, 2 курс, «Педиатрическое дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
sabrinanodirova02@gmail.com

НАУКА И РЕЛИГИЯ: КОНФЛИКТ ИЛИ СОВМЕСТИМОСТЬ? КАК НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ ВЛИЯЮТ НА РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ

Наука и религия представляют собой две важные сферы человеческого опыта, каждая из которых имеет свои особенности и цели. Наука, с её стремлением к прогрессу и оптимизму, особенно ярко проявляется в стабильные времена, когда открытия и достижения вдохновляют человечество. В то же время религия, обращаясь к трудностям и страданиям, предлагает надежду и утешение в кризисные моменты, утверждая существование сверхъестественной силы, которая придает упорядоченность жизни и помогает находить смысл даже в самых сложных обстоятельствах [1].

Фома Аквинский выделял два типа истин: научные и откровенные. Откровенные истины, имеющие божественное происхождение, охватывают более широкий спектр реальности и подчеркивают важность учета религиозных истин для ученых и философов. Наука стремится к пониманию бесконечного мира, исследуя его законы и явления, в то время как религия ищет осмысление абсолютного Бога, предлагая ответы на вопросы о смысле жизни и человеческом существовании. Научное познание делает истину относительной, подверженной изменениям и уточнениям, тогда как религия основывается на вере, что может приводить к неопределенности в восприятии мира [2].

Единство науки и религии проявляется в их взаимодополняемости: рациональный подход необходим для удовлетворения материальных потребностей, в то время как духовные ориентиры помогают определить смысл жизни. Харун Яхья в своей книге «Крах теории эволюции» подчеркивает ограничения случайных процессов в объяснении возникновения жизни, что поддерживает религиозные взгляды [3].

Научный прогресс может оказывать значительное влияние на религиозное мировоззрение человечества. Например, новые биомедицинские методы широко применяются для лечения бесплодия. С точки зрения Православной церкви, манипуляции, связанные с донорством половых клеток, нарушают целостность личности и святость брачных отношений. Особенно противоестественным и морально недопустимым считается суррогатное материнство, которое разрушающее эмоциональную и духовную близость между матерью и ребенком. Церковь также считает нравственно недопустимыми все разновидности экстракорпорального оплодотворения, признавая человеческое достоинство за эмбрионом.

При этом научный прогресс не умаляет значения религии и не загоняет ее в угол. Напротив, новые открытия в сфере психологии и других областях научного знания могут служить подтверждением ранее известных, но до сих пор необъяснимых явлений духовного мира [4].

Также одним из факторов, доказывающих непротиворечивость науки и религии, Ньютон, открывший законы движения небесных тел, как бы разоблачивший величайшую тайну мироздания, был верующим человеком и занимался богословием. Дарвин, учение которого

было потом использовано учеными для опровержения религии, не только никогда не думал сам, что его учение о происхождении животных видов и человека противоречит религии, но, напротив, всю жизнь оставался искренне верующим человеком. Другие учёные, такие, например, как Эйнштейн, хотя и не были очень религиозными, но ввиду своей научной грамотности, видели, как сложно устроен мир, как он бесконечно прекрасен, как много, невероятнейших событий привело к появлению человека.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наука и религия не вступают в противоречие. Во-первых, потому что религия – это мировоззрение, а наука эта система знаний и методов их дополнительного получения. Во-вторых, потому, что у религии и науки разные предметы исследований. В рамках дискуссии об отношениях между религией и наукой, бывают не совсем объективны не только учёные, опровергающие с помощью науки, религиозные знания смысла которых они сами не понимают. Также необъективными бывают и защитники религии, которые пытаются показать, что вся наука есть некая недоказанная, основанная на принятых, на веру постулатах, и вообще, возможно, неверная система знаний.

В итоге наука и религия не являются ни союзниками, ни врагами; они существуют параллельно, помогая людям искать смысл своего существования [5].

Литература

1. Горюнов В. П. Наука и религия: единство и борьба противоположностей / В. П. Горюнов. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17000745&ysclid=memrx2q3xi686421074> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Бакирова А. У. Томистская традиция в гносеологии / А. У. Бакирова, В. А. Иванов, Ф. Ф. Хаматов // Молодой учёный. – 2017. – № (3). – URL: <https://moluch.ru/archive/137/38346/> (дата обращения: 27.04.2025).
3. Рахматуллин Р. Ю. Религия и наука: проблема взаимоотношения (на примере ислама) / Р. Ю. Рахматуллин // Молодой учёный. – 2014. – № (4). – С. 793-795. – URL: <https://moluch.ru/archive/63/9667/> (дата обращения: 27.04.2025).
4. Коваль С. Н. Религиозно-этические аспекты современной медицины / С. Н. Коваль, В. А. Румянцева // В: Медицина и христианство: материалы Республ. науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных; под общ. ред. С. Д. Денисова. – Минск: БГМУ, 2007. – 242 с.
5. Козлова И. В. К вопросу о соотношении науки и религии / И. В. Козлова // Молодой учёный. – 2015. – №11(91). – С. 1811-1814. – URL: <https://moluch.ru/archive/91/19116/> (дата обращения: 02.05.2025).

Нуриева Севджул Джасарат кызы
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) Федеральный университет
(г. Казань)
@sevg.nurieva@internet.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ БОЖЕСТВЕННЫХ АТРИБУТОВ: АНТРОПОМОРФИЗМ И ПАРАДОКС ВСЕМОГУЩЕСТВА

В философии религии вопрос о соотношении божественных атрибутов занимает центральное место, вызывая множество споров и дискуссий. Одним из ключевых аспектов этой проблемы является антропоморфизм – приписывание человеческих качеств божественной сущности. Этот феномен можно проследить в различных религиозных традициях, где боги часто изображаются с человеческими эмоциями, слабостями и желаниями. Антропоморфизм позволяет людям легче воспринимать божественное, однако он также создает логические противоречия и парадоксы, которые требуют глубокого анализа и переосмысления.

Ксенофан Колофоны в своей критике антропоморфизма подчеркивает, что такое представление о Боге ограничивает его истинную природу и создает логические противоречия, такие как «парадокс всемогущества». Этот парадокс ставит под сомнение возможность существования Бога, способного сделать все, что угодно, включая создание логических несответствий, таких как создание камня, который он не сможет поднять. Этот вопрос обнажает глубокие противоречия в традиционном понимании божественной природы и требует более тщательного философского подхода.

Парадокс всемогущества можно сформулировать следующим образом: если Бог всемогущ, то он должен иметь возможность совершать любые действия, включая те, которые противоречат логике. Однако если он может создать камень, который не сможет поднять, то это означает, что он не всемогущ, так как существует действие, которое он не может выполнить. С другой стороны, если он не может создать такой камень, это также ставит под сомнение его всемогущество. Таким образом, парадокс всемогущества поднимает важные вопросы о природе божественной силы и логики.

Для преодоления этих парадоксов необходимо переосмысление атрибутов Бога, а также их соотношения с человеческим опытом и пониманием. Важно рассмотреть различные подходы к божественным атрибутам, включая возможность их интерпретации через призму философского реализма. Например, модальный реализм может предложить новые взгляды на возможность существования различных миров, в которых действуют разные божественные законы. Это открывает путь к более глубокому пониманию божественной природы и ее взаимодействия с миром.

Одним из возможных решений проблемы является введение концепции ограниченного всемогущества Бога. Согласно этому взгляду, Бог может делать все, что логически возможно, но не может совершать логические противоречия. Это позволяет сохранить его всемогущество в рамках логики и избежать парадокса.

Следующий важный аспект обсуждения – это логический и теологический фатализм. Эти концепции ставят под сомнение свободу воли человека и его способность к моральному

выбору в свете божественного предопределения. Если Бог предопределяет все события, включая поступки человека, то возникает вопрос: насколько свободен выбор человека? Это ведет к важным вопросам о том, как божественные атрибуты влияют на моральные факты и наше понимание этики в современном мире.

Философы, такие как Св. Августин и Фома Аквинский, пытались примирить идеи о божественном предопределении и человеческой свободе. Однако современная философия предлагает новые подходы к этому вопросу. Например, некоторые современные мыслители утверждают, что свобода воли может существовать с божественным предопределением через концепцию «средств» – Бог может знать будущее без непосредственного контроля над каждым действием человека.

Таким образом, обсуждение соотношения божественных атрибутов не только углубляет наше понимание философии религии, но и открывает новые горизонты для исследования вопросов, касающихся морали, свободы воли и человеческого опыта в контексте современной философии. Важно продолжать исследовать эти вопросы, чтобы лучше понять не только природу Бога, но и наше собственное место в мире.

Литература

1. Ксенофан Колофонский Критика антропоморфизма / Ксенофан Колофонский – М.: Издательство философской литературы, 2020 – 150 с.
2. Леви-Строс К. Структурализм и антропология / К. Леви-Строс. – СПб.: Наука, 2019. – 250 с.
3. Хармс Д. Спекулятивный реализм: новые горизонты / Д. Хармс. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2021. – 180 с.

Останин Дмитрий Антонович
бакалавриат, 3 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Dimaostanin64@gmail.com

Гаврилов Даниил Михайлович
Бакалавриат, 4 курс, «Теология»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Bugazinga@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД МУТАЗИЛИТСКОГО ТАУХИДА В ПАРАДИГМУ СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА

Таухид, именно так обозначается божественное единство в исламе, в традиционной интерпретации отсылает к единому Богу, у которого нет сотоварищей, нет равных ему, но мутазилиты вносят свое уточнение Таухида, разрабатывать которое начал Васил ибн Ата, но в оформленный вид привел его Ал-Аллаф, на которого мы и будем опираться в работе. Ал-аллаф говорил, что атрибуты составляют единство с сущностью Аллаха, они тождественны его сущности. По мысли Аллафа, если мы признаем существование вечных атрибутов, то мы признаем существование еще одного вечного, кроме бога. В контексте перевода мутазилитского таухида в спекулятивный материализм сделаем акцент на одном из атрибутов Бога, который также вписывается и в учение Мейясу, а именно справедливость Бога. В соответствии с божественной справедливостью мутазилиты утверждают такие положения: а) Бог творит наилучшее в вопросах, относящихся к религиозной сфере и ахирату б) Аллах не творит дела людей, так как получилось бы, что он сам приписывает грехи и за них же наказывает, что делает бессмысленным божественное воздаяние: наказание грешников и вознаграждение верующих [см. 1, с. 30].

Также, говоря о мутазилитском переживании священного, следует ввести 2 понятия: субут и вуджуд [см. 1, с. 41], которые связаны с их теорией вещей. Вещь для мутазилита – это то, о чем можно сформулировать рациональный дискурс, не впадая в противоречия. Такая вещь имеет деление на вуджуд (актуальное существование) и субут (утвержденностъ вещи), то есть та же вещь со всеми своими характеристиками, но без материального воплощения. Бог тоже является вещью и может быть помыслен в категориях субут и вуджуд. Но так как по мутазилитам считать, что бога нет – это логическое противоречие, то мы можем сделать вывод, что субут и вуджуд совпадают в бого.

Отсюда мы можем перейти к критике онтотеологии Хайдеггера [см 2, с. 55-71]. Онтотеология – это философская установка, согласно которой некоторое X больше X, чем все остальные X. Другими словами: параметры одной сущности интерпретируются как универсальные и подлинные заключаются в утверждении несводимости X к своему присутствию.

Через критику онтотеологии мы отбросили актуальность бога, то есть вуджуд, оставив при этом субут. Субут без вуджуд это как раз то веяние священного, понимание Бога, у которого теперь нет материального воплощения.

Чтобы помыслить субут Бога в спекулятивном материализме, мы должны вспомнить теорию гиперхаоса Мейясу [см. 3, с. 92]. ГиперХаос является совокупностью возможностей, которые с необходимостью существуют в качестве возможностей. В ГиперХаосе любая контингентность может спонтанно возникнуть и так же спонтанно исчезнуть. Бог (субут), по этой логике, можно сказать, возможен, но не необходим. Онтологический статус бога ничем принципиально не отличается от онтологического статуса других возможностей. Потому он характеризуется модальностью субут, вместе с тем рационально допустимо и, более того, можно обрести надежду, что бог воссуществует в будущем, то есть обретет модальность буджуд.

Мейясу по поводу священного говорит, что оно появится для того, чтобы разрешить дилемму призрака [см. 4, с. 70-80]. Призрак – это усопший, утрату которого не смогли перенести близкие. Чтобы выйти из этого состояния, можно поверить в бога, хотя Богу теизма, по Мейясу, веры быть не может, так как при нем происходили все злодеяния, смерти. Это окажется злой Бог, который заставил людей пройти через муки и страдания. Позиция атеизма также не подойдет, так как в целом нет того, кто мог бы помочь перенести утрату, нет надчеловеческой сущности, из-за чего Мейясу и предлагает поверить в священное, которое является событием и ознаменованием появления 4 мира. Это бог, которого попросту еще не было во время злодеяний, из-за чего снимаются обвинения, связанные с допущением и непредотвращением злодеяний. Этот Бог находится в статусе быть-может, то есть в рамках физических законов нашего мира нет предпосылок его появления, но при этом исходя из логики развития мира мы имеем основания предполагать появление такого Бога, так как законы нашего мира уже претерпели 3 ступени изменений: появление неживого бытия, его становление живым, становление из живого неразумного бытия разумным. Так вот 4 ступенью развития Мейясу предполагает высшую ступень развития разумного бытия, когда оно становится справедливым: то есть бытие без угнетения и тревог, и этот мир, предполагает Мейясу, будет богом, понимаемым, как событие, в рамках которого будут воскрешены близкие, которые смогут воссоединиться и жить в период, который не будет иметь завершения [см. 5, с. 20].

Для того, чтобы приблизиться к божественному бытию, нужно, по Мейясу, заниматься политикой, направленной на восстановление справедливости, то есть о божественном мире нужно заботиться заранее, идя по намеченному вектору, который и приведет к «чуду», то есть появлению божественного бытия, в рамках которого настанет всеобщая справедливость.

Подытоживая, священное мутазилитов с характеристиками: а) необходимое существование б) справедливость в) наличие непреодолимой дистанции между ним и человеком становится божественным событием, которое целиком завязано на векторе деятельности по созданию всеобщей справедливости, а также, так как эта деятельность приближает божественный мир, переживание священного строится на действиях человека в настоящем, на вере человека в наступление божественного чуда, что также предполагает непреодолимую дистанцию между человеком и священным.

Литература

1. Вольф М. Н. Классический калам: учебное пособие. / М. Н. Вольф. – Новосибирск: ООО “Офсет ТМ”, 2021. – 264 с.
2. Гагинский А. М. Онто-теология и преодоление метафизики: М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион и христианская традиция / А. М. Гагинский // Вестник ПСТГУ. 2015. – № 4 (60) – С. 55-71.

3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / К. Мейясу. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – 196 с.
4. Мейясу К. Дилемма призрака / К. Мейясу; пер. А. Писарева // Логос. – 2013. – № 2 (92). – С. 70-80.
5. Мейясу К. Имманентность потустороннего мира / К. Мейясу // ЕЩЕ ОДИН/ANOTHER ONE. – Т. 2 – С. 125-162.

Садайлы Садиг Адалят оглы
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
sadiqsadayli2005@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА В ИСЛАМЕ

Ислам рассматривает убийство не только как правонарушение, но и как серьезное духовное преступление, подрывающее божественный порядок. Согласно Корану, жизнь принадлежит исключительно Аллаху, и её лишение возможно только «по праву» [1, с. 254]. Это указывает на исключительную ценность человеческой жизни и её сакральный статус в религиозном контексте.

Смерть в исламской философии воспринимается не как конец, а как переход в ахират – вечную жизнь. Такое понимание усиливает ответственность за каждое действие человека, поскольку оно имеет последствия за пределами мирской жизни [2]. Убийство при этом – это вмешательство в судьбу, предопределенную Творцом, и нарушение установленного баланса между жизнью и смертью.

С юридической точки зрения исламская традиция (фикх) строго осуждает преднамеренное убийство. Оно рассматривается как один из тяжелейших грехов, подлежащих сугубому наказанию – как в этом мире (например, через кисас – ответное возмездие), так и в будущей жизни [3, с. 120]. Согласно хадису Пророка Мухаммада, грех убийства может быть прощен только в случае, если сам убитый простит своего убийцу [см. 3, с. 122].

Исламские мыслители по-разному осмысливали проблему убийства. Ибн Таймия рассматривал его как разрушение общественного доверия, а аль-Газали – как проявление духовной деградации, при которой страсти побеждают разум [4, с. 211]. Современные авторы, например, Юсуф аль-Кардари, подчеркивают, что убийство отнимает у человека шанс на покаяние и искупление.

Отдельное место занимает феномен кровной мести – кисас. Ислам признаёт его как право семьи убитого, однако Коран одновременно призывает к прощению: «А если кто простит и установит мир, то это – искупление ему» (Коран, 2:178) [1, с. 255]. Таким образом, философия кисас отражает баланс между справедливостью и милосердием, где идеалом выступает духовное возвышение через прощение.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в современном мире насилие, в том числе религиозно мотивированное, остаётся одной из острых проблем. Понимание исламского взгляда на убийство важно не только для правильной интерпретации религиозных норм, но и для противодействияискаженному представлению о религии как оправдании насилия. В условиях глобальных конфликтов и межрелигиозного диалога знание подлинной позиции ислама по вопросам жизни и смерти способствует формированию культуры мира и взаимоуважения.

Лично мне ближе подход аль-Газали, который подчеркивает, что убийство – это проявление духовной слабости и утраты нравственного компаса. Я разделяю его мнение о важности внутренней борьбы с желаниями и страстями, как основного пути предотвращения зла. Позиция, призывающая к прощению вместо мести, также кажется мне особенно актуальной в наше

время – она отражает глубину духовной зрелости и может стать основой для примирения и исцеления даже в самых трагичных ситуациях.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что убийство в исламе воспринимается не просто как преступление против человека, а как нарушение высшего порядка. Подход ислама подчёркивает священность жизни и предлагает путь духовного очищения даже в самых трагических ситуациях.

Также стоит отметить, что в исламе большое внимание уделяется не только самому акту убийства, но и намерению, стоящему за ним. Намерение (нийя) играет ключевую роль в оценке поступка с религиозной точки зрения. Даже если результатом действия стало убийство, но намерение не заключалось в причинении смерти, степень греха может быть иной. Это подчеркивает важность внутреннего морального состояния человека и его осознанности.

Особое внимание в исламской традиции уделяется предотвращению насилия и поддержанию социальной гармонии. В этом контексте важную роль играют институты примирения, такие как «дайя» – выкуп, выплачиваемый семьей убийцы семье погибшего. Такой подход, основанный на прощении и компенсации, позволяет избежать дальнейшей эскалации конфликта и кровной мести, сохраняя устойчивость общества.

Таким образом, исламская философия убийства включает в себя не только религиозные предписания, но и глубокий этический анализ мотивов, последствий и путей восстановления справедливости. Она демонстрирует стремление к сохранению жизни, нравственному совершенствованию и социальной стабильности, что делает её особенно значимой в условиях современного мира, где проблема насилия остается актуальной.

Литература

1. Коран / пер. Э.Р. Кулиева. – М.: Умма, 2012. – 656 с.
2. Наср С. Х. Жизнь после смерти: исламское видение / С. Х. Наср. – Казань: Хузур, 2016. – 320 с.
3. Аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари / М. Аль-Бухари. – М.: Диля, 2005. – Т. 2. – 468 с.
4. Аль-Газали А. Возрождение наук о вере / А. Аль-Газали. – М.: Ладомир, 2013. – 456 с.

Чуничина Олеся Александровна
бакалавриат, 1 курс, «Лингвистика. Перевод и переводоведение»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Deaddreams66dream@gmail.com

АТЕИЗМ КАК ИСТОЧНИК СМЫСЛА, БЫТИЯ, ВЗРОСЛЕНИЯ И МИЛОСЕРДИЯ

Работа призвана актуализировать проблему атеизма не как простого отрицания божественной сущности, но как особого способа мышления, отказывающегося от апелляции к трансцендентному как к источнику смысла, порядка и бытия. Атеизм в философском измерении – это не провокация, не пустое бунтарство, а скорее тонкая работа разума, стремящегося к радикальной честности.

Тезисы:

1. Отказ от онтологического Утешителя: нигилизм как условие подлинной свободы (Ницше, Камю);

«Бог мёртв. Бог остаётся мёртв. И мы убили Его». Современный атеизм – не победный марш разума над предрассудком, а трагическая и вместе с тем героическая драма мысли, отказавшейся от онтологического утешителя. Отказ от Бога – это не радостный жест освобождения от суеверия, а глубокое экзистенциальное испытание: что остается человеку, когда исчезает Абсолют? С Богом умирает не только религия, но и идея объективной истины, ценностей, морального закона как универсального долга.

Мы убили Бога, но продолжаем жить так, словно Он существует – чтим старую мораль, боимся произвола, при этом не сохраняя прежней искренности, но ожидая утешения, а Бог молчит. Мир – молчалив, бесстрастен, но в этой молчаливой пустоте и рождается пространство человеческой ответственности. Абсурд – это столкновение стремления к смыслу и молчания мира. Но это не повод для отчаяния. Это вызов – мы сами художники своей судьбы и своего смысла.

С другой стороны, это скорбь. Не гордое «я знаю», а честное «я не могу верить, не обманув себя». И в этом отказе – не гордыня, а, быть может, сострадание. Не к Богу – но к человеку, страдающему, у которого отняли смысл, но оставили боль. Отказ от веры – акт уважения к страданию, к недоразумению жизни, которую нельзя объяснить, но можно прожить достойно. [1, с. 125]

2. Бог как проекция: психоаналитический и антропологический векторы (Фейербах, Фрейд);

«Бог есть открытая внутренняя природа человека, его откровенная самость». Человек проецирует на небо всё то, что ощущает как высшее, доброе, вечное – но в себе не находит силы сохранить. Бог – это идеал человека, вынесенный вовне, отчужденный. Отказ от Бога здесь – акт возвращения себе своей же духовности, изъятой и отчужденной веками метафизики. Это антропологический поворот: богословие сворачивается в антропологию, в науку о человеке как творце значений.

С другой стороны, «Бог – это возвеличенный отец». Человечество не справляется с тревогой перед смертью, страданием, природной стихией – и создает фигуру «отца», который

якобы спасёт, накажет, объяснит. Но мы не сироты, оставленные на произвол. Мы есть у самих себя, поэтому «Религия – это иллюзия, порожденная желаниями». Освобождение от иллюзии открывает путь к зрелости: к ответственности за свои поступки, за выбор смысла и направленности жизни. «Отказ от Бога – не хулиганский жест, а попытка вернуть святое в человеческое».

Такой атеизм – не гордость, но милосердие: отказ от подчинения перед внешней истиной ради внутреннего взросления, ради права страдать, ошибаться, любить – не от чьей-то воли, а по свободному решению. [2, с. 75]

3. Спиноза: Бог без лица – субстанция без молитвы;

Спинозин Бог – не отец, не друг, не судья. Это структура бытия, не персона. Не потому, что Бог мёртв, он никогда и не был жив в человеческом смысле. Его нельзя умолить. Ему нельзя пожаловаться. Он не печалится, не радуется и не слушает. Это – абсолютная инаковость, которая лишает человека традиционной религиозной интимности.

Спиноза не отрицает любовь к Богу, но это любовь без надежды, как любовь к симметрии, к законам логики, к математике. Но может ли человек по-настоящему любить то, что не отвечает? И не требует ответа? Эта любовь – не движение души, а форма мышления, где эмоция обретает холодную ясность.

В христианстве человек – существо, услышанное Богом. У Спинозы – он никогда не был услышен. Мир не создан для человека, он не объясняется через человека, и потому человеку некуда направить свои мольбы. Это – метафизическое сиротство, но в нём заложена иная свобода. Мы не просим, а понимаем. Мы не страдаем, а объясняем. Наши слёзы становятся схемами, мольбы – теоремами. Это не жестокость, а мужество. В наших руках наше бытие. Если молитва – это акт надежды, то надеяться – значит не понимать. [3, с. 89].

Таким образом, атеизм – это не потеря, а обретение: освобождение от иллюзии трансцендентной истины ради самопонимания и подлинной человеческой свободы.

Литература

1. Бродский И. А. Часть речи. Стихи о Боге и тишине / И. А. Бродский. – М.: Захаров, 2003. – 400 с.
2. Делез Ж. Спиноза: практическая философия / Ж. Делез; пер. с фр. В. Махлина. – М.: Ad Marginem, 2001. – 152 с.
3. Камю А. Бунтующий человек / А. Камю; пер. с фр. В. Сакова. – М.: АСТ, 2019. – 352 с.

СЕКЦИЯ «НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ»

Бугаев Владислав Александрович, Гаврилов Даниил Михайлович
бакалавриат, 1 курс, «философия»,
бакалавриат, 4 курс, «теология»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Vladick697@gmail.com, Bugazinga@yandex.ru

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА КАРЛА МАРКСА В ОНТОКАРТОГРАФИИ ЛЕВИ БРАЙАНТА

Товарный фетишизм по Марксу это овеществление производственных отношений между людьми в условиях товарного производства, основанное на частной собственности. Сущность товарного фетишизма состоит в том, что стихия общественных отношений, господствующая над людьми, внешне выступает в виде господства над ними определённых вещей. Отсюда – мистическое отношение к товару как к сверхъестественной силе, порождаемое товарной формой, прикрывающей зависимость товаропроизводителей от рынка. Товарный фетишизм – явление историческое и носит объективный характер. Своего высшего развития он достигает при капитализме, где товарно-денежные отношения становятся абсолютной и всеобщей формой хозяйственной деятельности. Овеществление экономических отношений между людьми определяется особенностями организации общественного производства, а не естественными свойствами самих вещей. К примеру золото само по себе не имеет свойство денег, оно является денежным средством лишь в условиях товарно-денежных отношений. Когда человек идёт покупать курицу, он видит в ней лишь вещь, то есть курицу, видит лишь отношение курицы и себя, а ведь эта курица, есть сгусток производственных отношений. Товарный фетишизм это такое явление, которое делает возможным превращение вещи в товар. [см. 1, с. 80-93]

Брайант же, как представитель ООО вскрывает так называемый корреляционизм Маркса, ведь в марксистской оптике, товарный фетишизм про первичность отношений и вторичность товаров. Товар – ширма общественных отношений, что перечит позиции плоской онтологии. Само свойство товарности – результат корреляции мышления(связи между производителями) и бытия(потребительные стоимости). Мир существует из машин [см. 2] и каждая машина, есть самостоятельный объект и каждая машина находится в равном отношении с другой машиной, отрицается онтологическая иерархичность. Мир – всего лишь условное обозначение для взаимодействия между сущностями, мира как субстанции в ООО не существует. Машина это есть, то что не сводится к сумме своих частей, то что обладает эмерджентностью. Большая часть машин состоят в отношении друг с другом, как прямо, так и косвенно, здесь выражается внутренняя и внешняя энергия. Картошка может прямо вступать в отношение с травой, но при этом и скрыто с капитализмом, как таковым. В связи с этим Брайант формирует своё представление о товарном фетишизме. Если у Маркса первичны отношения, а вторичны товары, то здесь первичен объект а вторичны отношения между этими объектами. Мы должны

воспринимать картошку не в связи с отношениями, а саму по себе. Картошка, как таковая не имеет свойства меновой стоимости, как это видит капиталист и не является продуктом потребления, как это видит потребитель. Товарный фетишизм не должен редуцировать машину до отношений, машина в ходе экзоотношения может приобрести эффект, потерять его или даже подвергнуться уничтожению, но самое главное будет сохраняться виртуальная самость у машины во время её существования.

Леви Брайант, для объяснения отношений между машинами интерпретирует сверхдетерминацию Альтюссера [см. 3]. Брайант считает, что производственные отношения играют такую же роль в воздействии на машину, как и другие отношения сборки (все отношения одинаково первичны; сверхдетерминация).

Так как:

1. Машина не исчерпывается сверхдетерминирующими практиками
2. Все машины за исключением темного объекта сверхдетерминированы
3. Невозможно точно предсказать поведение машины при помещении её в новую сборку, так как сборки, как правило, представляют собой открытые системы, по Рою Бхаскару, что делает учет всех эффектов машин невозможным

Несмотря на отрицание онтологической иерархии, ООО признаёт все остальные виды иерархичности (культурная, биологическая, социальная и т.д.). К примеру когда мы отправляем друг другу текстовые сообщения, мы обращаем внимание только на текстовое сообщение, рассматривая сообщение как исходящее исключительно от другого человека, игнорируя ряд машинных посреднических действий, которые обеспечивают эту косвенную связь между двумя людьми. [см. 4, с. 118]

Исходя из этого Леви Брайант выделяет 4 вида картографирования, то есть способа выявления пространственно-временных ритмов машин в сборке, источников энергии машин, специфическое преобразование энергии каждой машиной по принципу "вход-выход". Первый вид это топографические карты – здесь идёт описание того, какие машины задействованы, описываются все их эффекты и как они переплетены, а так же в чём выражается эмерджентность машин. Второй вид это генетические карты – здесь же про генезис машин. Брайант особо хвалил Маркса за объяснение генезиса капитализма выстроившего, его на основе соучастия человеческих и нечеловеческих машин. Третий вид карт это векторные – прогнозирование будущего состояния машин, если отношения не будут изменены. Четвёртый вид карт это модальные – прогнозирование будущего машин, с учётом изменения отношений. В связи с этим Брайант выделяет 3 вида энтропии, показывая сущность сборки машины. Низкая энтропия это предсказуемость энергии машины. Высокая энтропия это невозможность предсказания будущего. Негаэнтропия это умение машины стабилизировать саму себя.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1: Процесс производства капитала / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1969. – 908 с.
2. Брайант Л. Демократия объектов / Л. Брайант. – П.: Гиле Пресс: HylePress, 2019. – 314 с.
3. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3 (77). – С. 14-58.
4. Bryant L. Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media / L. Bryant. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. – 300 р.

Васбиеев Артур Динарович

бакалавриат, 1 курс, автоматизация технологических процессов и производств

Казанский государственный энергетический университет

(г. Казань)

vasbievarthur@yandex.ru

КОНЦЕПЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ Г. ЛЕЙБНИЦА, А. ШОПЕНГАУЭРА, И. КАНТА

Идея альтернативных реальностей занимает умы философов на протяжении веков. В этом контексте рассмотрим взгляды Готфрида Вильгельма Лейбница, Иммануила Канта и Артура Шопенгауэра, чьи теории по-своему раскрывают возможность существования множественных реальностей.

Лейбниц вводит концепцию возможных миров в рамках своей монадологии и теодицеи. Он утверждает, что Бог, обладая совершенным знанием, создал наилучший из возможных миров, где сочетаются максимальная гармония и порядок [1]. Однако это не означает, что иных миров не существует – они могли бы быть реализованы, но не были выбраны Богом. Важным аспектом его философии является представление о реальности как совокупности монад – неделимых, независимых сущностей, каждая из которых отражает всю Вселенную. Таким образом, каждая монада живет в своем индивидуальном мире, который отличается от других, что позволяет говорить о множестве субъективных реальностей. Это ведет к идеи предустановленной гармонии, согласно которой все монады существуют в согласии друг с другом, несмотря на свою автономию [1]. Именно это единство и предопределяет существование одного конкретного мира среди бесконечного множества возможных вариантов. Лейбниц также вводит понятие принципа достаточного основания, согласно которому все, что существует, имеет причину, объясняющую, почему именно эта реальность стала действительностью. Таким образом, идея альтернативных реальностей в его системе тесно связана с проблемой причинности и рационального устройства бытия.

Иммануил Кант радикально изменил представление о реальности, введя разграничение между феноменами, то есть миром, каким он представляется нам, и ноуменами, миром самим по себе, недоступным нашему познанию [2, с. 91]. В этом смысле у каждого субъекта своя альтернативная реальность, так как восприятие мира формируется априорными структурами разума, такими как пространство и время. Согласно Канту, наш ум накладывает определенные формы и категории на опыт, создавая таким образом упорядоченный и предсказуемый мир. Однако это лишь конструкция сознания, а не объективная реальность. Его философия не предлагает множественность объективных миров, как у Лейбница, но утверждает, что сама реальность не является объективно данной – она сконструирована нашим восприятием. Таким образом, можно сказать, что Кант постулирует существование альтернативных реальностей в том смысле, что каждый человек живет в мире, структурированном его собственным разумом, и никогда не может постичь реальность в ее истинном виде. Кант также вводит понятие трансцендентальной апперцепции, означающее, что субъект познания всегда привносит в процесс восприятия что-то от себя, тем самым создавая уникальную субъективную картину мира.

Шопенгауэр, развивая идеи Канта, предлагает свою картину реальности, согласно которой мир делится на мир явлений и мир вещей самих по себе. Он соглашается с кантовским

разделением, но в отличие от Канта считает, что ноумен – это не просто непознаваемая сущность, а воля – иррациональная, слепая сила, движущая всем существующим [3, с. 191]. Индивиды видят лишь обманчивую поверхность явлений, в то время как под ней скрывается единое, универсальное волевое начало. Альтернативные реальности в интерпретации Шопенгауэра – это различные проявления воли, а также способы, которыми сознание искажает реальность. Шопенгауэр считает, что наше восприятие реальности – это вуаль, скрывающая истинную природу вещей, и человек способен осознать эту иллюзию лишь в исключительных случаях, например, через искусство или философское прозрение [3, с. 26]. Его учение подчеркивает, что все многообразие реальностей на самом деле есть лишь разные способы, которыми воля выражает себя, оставаясь при этом единой и непрерывной. Воля, по Шопенгауэру, является универсальным началом, пронизывающим всю реальность, и осознание этого факта ведет к пессимизму, так как существование человека становится выражением бесконечной борьбы и страдания.

Источник множественности миров у Лейбница заключается в божественном выборе, у Канта – в структуре восприятия, а у Шопенгауэра – в различии между явлением и волей. Объективность реальности у Лейбница предполагает существование множества объективных миров, у Канта отвергается сама возможность познания объективной реальности, а у Шопенгауэра акцентируется глубинная иррациональность бытия. Роль субъекта у Лейбница представлена в виде монады с индивидуальной перспективой, у Канта он становится центром построения реальности, а у Шопенгауэра субъект является пленником иллюзий, движимым волей. Взгляды этих философов показывают три разных способа понимания альтернативных реальностей: через метафизику возможных миров, через субъективное восприятие и через фундаментальную природу бытия. Их идеи, несмотря на различия, объединяют стремление понять границы и природу человеческого познания. Возможно, каждая из этих концепций по-своему верна, указывая на то, что реальность далеко не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Если у Лейбница множество миров остаются чисто гипотетическими конструкциями, а у Канта каждый человек живет в своем индивидуальном восприятии реальности, то у Шопенгауэра единство бытия предполагает, что все альтернативные реальности суть проявления одной и той же глубинной воли, выраженной в разных формах иллюзий.

Литература

1. Лейбниц Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц. – URL: <http://vzms.org/monada.htm> (дата обращения: 27.02.2025).
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Академический проект, 2020. – 567 с.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – М.: Московский клуб, 1992. – 256 с.

Камалетдинов Амирхан Ракипович, Гаврилов Данил Михайлович
бакалавриат, 4 курс, «философия»,
бакалавриат, 4 курс, «теология»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
razentikplus2333@gmail.com, Bugazinga@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНИМИТИЧЕСКИХ ИНТЕНЦИЙ ИСЛАМА В ЭПИСТЕМАХ СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА

Решением проблемы совместимости ислама и анимистических воззрений может являться, во-первых, пересмотр самого понятия анимизм, а во-вторых, поиск в источниках ислама того, что мы можем назвать анимистическими интенциями, которые преподнесены не в негативном ключе. И уже после этого мы можем говорить о гармоничном совмещении первый взгляд несовместимого. Оба этих пункта затрагивают одну и ту же проблему: проблему отношений человеческого и нечеловеческого.

Анимизм в классическом варианте предполагает религиозные способы отношения к окружающей среде как "поклонение" силам природы. Но также релевантным описанием анимизма является межличностное взаимодействие, предполагающие равноправие всех существ живой и неживой природы. Равноправие как свойственность того, что ранее приписывалось только человеку [1].

Отчётливым отражением равноправия между субъектами является признание за нечеловеческими сущностями каких-либо прав. Например, можно привезти такой хадис: «Посланник Аллаха, благословил его Аллах и приветствовал, сказал: «Если кто-либо из людей убьет не по праву хотя бы даже воробья или кого-либо больше этого, то в Судный день Аллах непременно призовет его к ответу». Тогда кто-то спросил: «А каково его [воробья] право?». Он ответил: «Пусть он зарежет его и съест. Пусть не отрезает ему голову и не выбрасывает ее.»» [2, с. 41]. Это говорит нам о присутствии в правовом дискурсе ислама не-человеческих субъектов как обладателей прав.

Но в контексте анимизма немаловажно упомянуть о взаимодействии человека с объектами неживой природы. Во времена Умара ибн аль-Хаттаба ему было сообщено, что египетский Нил снова остановился. Дабы предотвратить это бедствие, он написал письмо, где просил реку снова начать течь, затем это письмо было брошено в воды Нила. По преданию с тех пор Нил течет не останавливаясь [см. 3, с. 101].

Может показаться, что инициатива при таком взаимодействии принадлежит только человеку, но есть свидетельства обратного: «Время от времени Он, выходя из дома, удалялся от Мекки, направляясь в тихие и безлюдные места. В такие моменты деревья и камни, встречавшиеся на Его пути, приветствуя Его, говорили: «Ас-саляму алайке, О Посланник Аллаха!» Наш Пророк – Гордость Вселенной (саллаллаху алайхи ва саллям) – оглядывался по сторонам, однако никого не видел, только деревья и камни.» [4, с. 150]. Неживые объекты вступают в связь не только друг с другом и с человеком, но и с Богом: «...у Салмана и Абу Дарды была миска, однажды она начала восхвалять Аллаха и они оба слышали это» [4, с. 101].

Мы видим, что, во-первых, дискурс ислама, где фигурируют чьи-либо права, затрагивает не только человека, но и в принципе объекты живой и неживой природы, а во-вторых,

возможны межличностные отношения и взаимодействие между человеком и природой, являющиеся равноправными друг другу. Рассмотрение отношений между природой и человеком не как между средством и тем, кто использует его, а между двумя и/или множеством равноправных субъектов, связанных друг с другом в своём поклонении единому Богу.

Операционализируем анимистические интенции ислама в эпистеме ООО. Уже было показано, что специфически исламскими признаками анимизма являются, во-первых, самость каждой "живой" агентности, во-вторых, несводимость "жизни" одной самости к "жизни" другой самости, в-третьих, манифестация "жизни" в отношении с другой агентностью.

ООО концептуализирует нечеловеческую агентность как нормативную матрицу интерпретацию человека – децентрация субъектности с последующей функционализацией роли субъекта. Специфика данной эпистемы – установка на полипсихизм в онтологии, признающий уникальный способ реагирования за каждым реальным объектом в контексте интеробъективного взаимодействия. Таким образом, полипсихическая установка, во-первых, избегает ретрекции антропомерных характеристик в нечеловеческие сущности, во-вторых, признает субстанциональность реального объекта, в-третьих, атрибутирует уникальный способ реагирования (психику) только сущностям, находящимся в отношении.

Полипсихическая установка предполагает либо плоскую онтологию в качестве эпистемического принципа, либо в качестве онтологической модели [5, 6]. На наш взгляд, концептуализировать анимистические интенции ислама средствами партизанской метафизики Хармана можно следующим образом: 1. Все сущности обладают способом реагирования на внешний раздражители, который Коран называет зикр Аллах, прославлением Бога; 2. Данные способы реагирования не-антропоморфны сами по себе; 3. Сущности взаимоизъяты, редукция одного способа реагирования к другому невозможна; 4. Агентность проявляется только в межобъектном взаимодействии; 5. Онтологический статус Аллаха и других сущностей различен, но в рамках познавательного процесса в качестве отправной точки признается онтологическое равенство божественного и не-божественного.

При концептуализации в теории Леви Брайанта, выраженной в Демократии объектов, первые четыре фигуры сохраняются – принципиальный семантический сдвиг происходит в пятой. Онтологический зазор между Богом и остальными сущностями упраздняется, создавая пространство для взаимной любви между реципиентом и источником религиозного опыта.

Литература

1. Al Jāmi‘ah. Being a Muslim in Animistic Ways / Al Jāmi‘ah // Journal of Islamic Studies. – 2014. – Vol. 52. – n.1. – pp. 149-174.
2. Бигиев М. Д. Мусульманская трапеза / М.Д. Бигиев. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 66 с.
3. Ас-Сади А. М. Исламское вероучение: толкование акыды «ан-Насафия» / А. М. Ас-Сади. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 232 с.
4. Топбаш О. Н. История пророков - (Пророк Мухаммад Мустафа - 1) / О.Н. Топбаш. – М.: ООО «Издательская группа «САД», 2008. – 504 с.
5. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Г. Харман. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. – 272 с.
6. Брайант Л. Р. Демократия объектов / Л.Р. Брайант. – Пермь: Гиле Пресс. – 2019. – 320 с.

Камбеев Динар Ильсуревич
специалитет, 2 курс, «Лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
kambeev0505@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ Р. БХАСКАРА, И. БАРБУРА И ДЖ. ПОЛКИНХОРНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Актуальность: Философия критического реализма занимает значительное место в современной философской мысли, предлагая целостный подход к пониманию истины, познания и взаимоотношения между научными теориями и реальностью. В условиях быстро меняющегося мира, где традиционные научные модели часто сталкиваются с вызовами практики и философии, критический реализм предлагает уникальный способ преодоления дуализма между объективной реальностью и субъективным восприятием. Анализ концепций критического реализма помогает глубже понять его философию и связь с современными научными и философскими практиками. Это делает исследование актуальным в контексте борьбы с редукционизмом и неопозитивизмом в новых и развивающихся областях знания.

Цели работы: сравнительный анализ философских концепций критического реализма Р. Бхаскара, И. Барбура и Дж. Полкинхорна, а также исследование их актуальности и значимости в контексте современной философии.

Методы: сравнительный и концептуальный анализы.

Результаты:

Философская концепция критического реализма Р. Бхаскара

Р. Бхаскар выделяет три уровня реальности:

1. Реальный мир – структуры и процессы, существующие независимо от восприятия.
2. Действительный уровень – последовательности событий в экспериментальных или сложных условиях.
3. Эмпирический уровень – наблюдаемые события, являющиеся лишь частью действительного уровня.

Критический реализм рассматривает причинность не как простую корреляцию, а как "структурную причинность", где взаимодействие между уровнями может быть вызвано неявными механизмами [1, 2].

Р. Бхаскар подчеркивает ограниченность нашего знания, влияние социальных конструкций и различие между эмпирическим и трансцендентальным уровнями, которые включают скрытые механизмы, формирующие явления [1].

Философская концепция критического реализма И. Барбура

И. Барбур, представитель критического реализма, предлагает интеграцию науки и философии, акцентируя внимание на взаимодействии физического и социального миров. Он утверждает, что время не линейно и что восприятие времени влияет на понимание физической реальности и научного знания. И. Барбур подчеркивает, что физические законы неотделимы от человеческого восприятия, вовлекая субъект в процесс познания.

Он также подчеркивает диалог между наукой и религией, где наука объясняет механизм мира, а религия предлагает смысл. И. Барбур отмечает многоуровневую реальность и важность учета социальных факторов в научных моделях. Его философия сочетает эмпирические данные с теоретическими рамками.

И. Барбур исследует, как научные теории формируются культурными контекстами, и стремится создать интегративные модели, соединяющие различные области знаний. Критический реализм подчеркивает важность интеграции знаний и понимания сложных взаимодействий в реальности [3].

Философская концепция критического реализма в интерпретации Дж. Полкинхорна

Критический реализм Дж. Полкинхорна объединяет науку и духовность, подчеркивая важность взаимодействия разных областей знания для полного понимания реальности. Он считает, что наука и религия дополняют друг друга и что научные открытия могут углублять духовные истины.

Дж. Полкинхорн представляет реальность как многоуровневую, от материи до духовности, каждый уровень требует своего подхода. Он признает неопределенность в научных моделях, что открывает пространство для духовного поиска и акцентирует внимание на человеческом опыте.

Учёный считает, что интерпретация эмпирических данных должна учитывать философские и теологические взгляды, чтобы установить связь между научными данными и мировоззрением. Он также подчеркивает этическую ответственность ученых за свои открытия и их социальное влияние. Дж. Полкинхорн выделяет важность диалога между культурами и мировоззрениями для более глубокого понимания научных и духовных истин [3].

Выводы:

Р. Бхаскар, основоположник критического реализма, акцентирует различие между реальным, действительным и эмпирическим мирами. Он подчеркивает, что научное познание – это лишь одна из интерпретаций сложной реальности, что помогает избежать редукционизма и осознать многообразие реальных процессов.

И. Барбур предлагает новый взгляд на взаимосвязь времени и реальности, понимая научное познание как не линейное и механическое. Его идеи о времени как сложной категории открывают новые горизонты для философии науки.

Дж. Полкинхорн объединяет научные и религиозные аспекты, подчеркивая взаимодействие познания и духовного опыта. Его подход показывает значимость критического реализма и доказывает, что философия и наука могут существовать и дополнять друг друга.

Объединение концепций Р. Бхаскара, И. Барбура и Дж. Полкинхорна формирует целостное понимание критического реализма, важного для научного знания и духовного опыта в условиях современных вызовов. Критический реализм подчеркивает сложность реальности и важность междисциплинарного подхода в исследовании истины, создавая основы для дальнейших исследований в философии и науке.

Литература

1. Гончарова Н. А. Критический реализм и современная философия науки / Н. А. Гончарова // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 315. – №6. – С. 89-92.
2. Фигура А. О. Онтологические основания социальной реальности в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара / А. О. Фигура // Вестник Омского университета. – 2012. – №1. – С. 35-39.
3. Кирьянов Д. В. Критический реализм в диалоге науки и религии: подход И. Барбура и Дж. Полкинхорна / Д. В. Кирьянов // Манускрипт. – 2021. – Т.14. – №8. – С. 1669-1678.

Миллер Алина Сергеевна
специалитет, 2 курс, «медицинская биохимия»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
alinamiller05@list.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА В ЭТИКЕ

Каждый человек должен соблюдать законы и нормы права, однако существует и другая важная группа правил – неписанные нормы морали, выраженные через суждения, высказывания, чувства и восприятие. Тем не менее, нет единого мнения и четких критериев для определения моральности. Постоянные споры среди философов, правоведов и психологов делают эту тему актуальной и по сей день. Цель данной работы - сравнить аргументы реализма и антиреализма, выявить основные проблемы и разногласия этих философских течений, а также проанализировать существующие доводы и сделать выводы. В процессе анализа были выявлены ключевые положения представителей реализма и анти-реализма, а также общие определения, которые необходимы для понимания данной проблемы. Моральный реализм – это позиция, согласно которой моральные суждения отражают реальные факты и свойства мира. Моральные реалисты верят в существование объективной морали, истинной для всех людей. Они утверждают, что моральные суждения выражают не эмоции, культурные предписания или субъективные установки людей, а объективные факты или свойства мира. Метаэтика занимается анализом моральных рассуждений с точки зрения их непротиворечивости и обоснованности. Антиреализм, в свою очередь, – это философская позиция, согласно которой истинность утверждения зависит от его доказуемости с помощью внутренних логических механизмов, а не от его соответствия внешней реальности. Антиреализм отвергает убеждение реалистов, что внешний мир существует независимо от познающего субъекта. Например, Сиджвик сформулировал принципы практической рациональности, утверждая, что мораль должна основываться на самоочевидных принципах, таких как справедливость или благородство. Дэвид Юм поддерживал антиреализм, утверждая, что моральные суждения – это не истины, а отражения человеческих чувств. Моральные ценности существуют только в рамках человеческого разума и могут быть подвергнуты анализу. Его основные положения в области этики можно свести к тому, что: моральные суждения не являются истинами, а отражают чувства людей; моральные ценности не существуют вне человеческого разума. Перспективы морального реализма и этического натурализма играют важную роль в современных дискуссиях метаэтики. Моральный реализм утверждает, что существуют объективные факты или истины, которые существуют независимо от моральных убеждений и оценок наблюдателей. Этический натурализм же подразумевает, что моральные свойства людей и их поступков являются естественными, а не скрытыми характеристиками мира. Существует значительная поддержка ряда философских концепций: концепция добра Дж. Э. Мура в «Принципах этики», которая является типичным примером ненатуралистической теории. Обсуждение Мура ненатурализма оказалось большое влияние на метаэтику XX века. Несмотря на критику «этического натурализма», его собственная версия «этического ненатурализма» предъявляла неприемлемые метафизические и эпистемологические требования. В итоге, единственным решением стало отказаться от веры в объективную моральную реальность и принять антиреалистическую теорию этических

ценностей. В целом, ненатурализм в метаэтике представляет собой идею о том, что моральная философия существенно отличается от естественных наук. Одна из основных проблем морального реализма – это проблема практической применимости нравственного знания. Прайс сформулировал эту проблему через вопрос о том, является ли добродетель лишь авторитетным требованием. Другой важной проблемой является мировоззренческий кризис. Научный подход, акцентируя внимание на материальной природе мира, ставит под сомнение существование объективной морали, поскольку нормы и ценности не содержатся в материальном мире и не могут быть объективными. Проблемы антиреализма заключаются в том, что, если моральные суждения используются в логических выводах, они должны быть истинными или ложными. Однако моральные суждения не являются такими, следовательно, их нельзя использовать при осуществлении логического вывода, не нарушая законы. Принятие морального реализма или антиреализма имеет важные последствия для того, как мы воспринимаем и применяем моральные нормы в жизни. Если мы придерживаемся морального реализма, это означает, что мы признаём существование объективных моральных истин, которые универсальны и не зависят от субъективных предпочтений или культурных различий. Напротив, принятие антиреализма предполагает, что моральные суждения являются лишь продуктом человеческих эмоций, соглашений или социальных конструкций, что делает мораль более гибкой и изменчивой. Принятие этих двух направлений оказывает влияние также на биоэтику и этику медицины. В первом случае это приведет к более строгому соблюдению универсальных моральных норм и прав пациентов, укрепит обязательства медицинских работников, подразумевая, что эти обязательства не зависят от индивидуальных взглядов или социальных норм. Принятие же второго направления влечёт за собой более гибкий, но менее стабильный подход к медицинской этике, при котором решение спорных вопросов зависело бы от индивидуальных или культурных предпочтений, а не от объективных моральных истин. В целом, принятие одной из этих концепций определяет, насколько строго и универсально будут применяться моральные принципы в медицинской практике и как будут решаться важные вопросы.

Литература

1. Sayre-McCord G. Moral Realism. / G. Sayre-McCord. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/moral-realism/> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Прокофьев А. В. Моральный реализм как концепция обоснования морали / А. В. Прокофьев // Nomothetica: Философия. Социология. Право. – 2021. – № 2. – С. 122-139.
3. Ястребцева А. В. Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности / А. В. Ястребцева // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 20-35.

Потапов Леонид Вячеславович
магистратура, 2 курс, «философия»
Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)
cnfdh76@mail.com

РЕАЛИЗМ В ОТНОШЕНИИ ВЫМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ: АБСТРАКТНЫЕ АРТЕФАКТЫ ИЛИ ПЛАТОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ?

Реализм в философии – это сложное понятие. В разных дискуссиях оно заключает в себе разные смыслы. Реализм в вопросе о существовании вымышленных (фикциональных) объектов делится на два основных подхода к пониманию их природы. Первый – артефактуализм, представленный Ами Томмассон, утверждает, что такие персонажи, как Шерлок Холмс, являются созданными человеком абстрактными артефактами. Второй – платонизм, развиваемый Саулом Крипке и Эдвардом Залтой, рассматривает их как эйдосы, т.е. вечные, независимые от сознания абстрактные объекты. Основной спор между этими позициями касается вопроса: мог ли Шерлок Холмс существовать до того, как Артур Конан Дойл написал о нём?

Платонизм утверждает, что Холмс существует как абстрактный объект в Платоновском смысле, подобно числам. Согласно этой позиции, Дойл не создал, а лишь описал или попытался описать [см. 1, с. 157–158] уже существующую сущность. Платонизм подчёркивает, что утверждения вроде "Холмс – детектив" истинны независимо от человеческой деятельности, а существование персонажа не требует наличия автора или читателей [см. 2, с. 155]. Однако эта позиция не может объяснить, почему Холмс "появился" именно в викторианскую эпоху.

Артефактуализм рассматривает вымышленные объекты как абстрактные артефакты. Из этого следуют три ключевых тезиса. Во-первых, Холмс начал существовать только в 1887 году благодаря сознательному творческому акту Дойла, подобно тому как законы или деньги являются социальными конструктами. Во-вторых, эта позиция хорошо объясняет, как персонажи могут меняться в различных адаптациях. В-третьих, существование вымышленных персонажей поддерживается культурными практиками и читателями [см. 3, с. 36].

Однако артефактуализм сталкивается с трудностью: не является ли Холмс интенциональным актом автора? Тогда сам Холмс не является самостоятельным объектом и не обладает самостоятельными свойствами, а только свойством быть вымышленным. Ещё существует потребность объяснить противоречие, возникающее между свойством «абстрактности» (то есть вневременностью и внекаузальностью) и «артефактностью», которая предполагает причинно-следственные отношения, развитие во времени и связь с пространством.

Сравнивая эти подходы, мы видим ключевые различия. Артефактуализм считает, что персонажи существуют только после их создания и могут изменяться в адаптациях, а их свойства зависят от культурного контекста. Платонизм же утверждает, что персонажи существовали вечно, неизменны, а истины о них объективны и вневременны. Реализация этих образов является всего лишь рекомбинацией, гиперболизацией имеющихся объектов или комбинацией абстрактных объектов с узнаваемыми ситуациями или локациями. Хорошой иллюстрацией различий в интерпретации двух подходов в онтологии служит Дракула: для артефактуалиста

это продукт творчества Брэма Стокера, тогда как платонист увидит в нём воплощение идеи соединения свойств человека и летучей мыши.

В заключение можно сказать, что артефактуализм лучше объясняет культурные аспекты вымысла со свойственным им динанизмом, а платонизм – вопросы объективной истинности и наличие альтернативных вселенных. Возможным компромиссом могло бы стать разделение: базовые свойства персонажей (например, "быть детективом") могут иметь платоническую природу, тогда как конкретные детали зависят от социального контекста.

Остаются открытыми несколько вопросов. Как объяснить незавершённых фольклорных персонажей? Могут ли современные большие языковые модели вроде ChatGPT создавать подлинные вымышленные сущности? Также интересно рассмотреть, как юридические споры о правах на персонажей отражают их онтологический статус.

Литература

1. Kripke S. A. *Naming and Necessity* / S. A. Kripke. – Oxford: Blackwell, 1980 [1972]. – P. 253–355.
2. Thomasson A. *Fiction and Metaphysics* / A. Thomasson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 195 p.
3. Zalta E. *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics* / E. Zalta. – Dordrecht: Reidel, 1983. – 187 p.

Рустамов Александр Азерович
бакалавриат, 2 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
whygoatall@gmail.com

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Какое значение и важность имеют вопросы в философии языка в метафизических дискуссиях о реализме и антиреализме? Так, программа семантического реализма утверждает, что вопросы в рамках дискуссии о философии языка – супервентны по отношению ко всей метафизической топике и, в частности, к реалистической интерпретации наших онтологических представлений.

Однако можем ли мы признать формулировку Даммета [1], а затем и следствия из этой теории самодостаточными и полными? Постараемся представить позицию в следующей форме:

Теория смысла - это фундаментальная часть философии, которая лежит в основе всех остальных разделов. Поскольку философия занимается главной, если не единственной, задачей анализа значений и, поскольку, чем глубже такой анализ, тем больше он зависит от правильного общего представления о значении, модели того, в чем состоит понимание выражения, теория значения, которая является поиском такой модели, является основой всей философии, а не эпистемологии.

Прежде чем рассмотреть зазор и, как кажется на первый взгляд, категоричность Даммета, проясним еще один момент. Так, семантический реализм (как общая позиция сторонников реалистической позиции в философии языка) отсылает к тому, что при формализации дискурса сущности чисел, либо интерпретации онтологических категорий (как, например, универсалии), или в вопросе философии времени, мы имплицитно отсылаемся к пониманию этих знаков в языковых коммуникациях. Говоря о числах, если мы их представляем как натуралистические, либо номиналистические конструкции, не совсем ясно к чему идет референция. И эта проблема, как достаточно очевидная к сторонникам метафизического (а следствие – языкового) антиреализма, требует решения и объяснения требования референции знаков.

Семантический реализм вводит правило разрешимости валидности высказывания:

P является осмысленным только тогда, когда P является утверждением такого рода, что мы можем за конечное время привести себя в положение, в котором мы будем обоснованными либо в утверждении, либо в отрицании P.

Теперь дадим краткую характеристику. Наше понимание неразрешимых предложений в языке состоит в понимании их истинностных условий. В этом случае истинностные условия соответствующих предложений потенциально доказательно трансцендентны: мы не знаем метода, правильное применение которого гарантировано даст доказательство того, что эти истинностные условия будут получены или нет.

Теперь представим эти положения в более формальном виде [2]:

- (1) Понимание высказывания – это вопрос постижения его истинностных условий.
- (2) Истина по сути своей эпистемически не ограничена: истинность предложения – это потенциально доказательная и трансцендентная материя.

(3) Понимание предложения – это комплекс способностей использовать это предложение практически.

В понимании Кристин Райт, в этих положениях есть противоречие. Оно состоит в следующем. Если в языковой коммуникации знак понимается в том же смысле и в том же значении, что и у других носителей языка, то абстрактные конструкции и высказывания могут быть квантифицированы без проблем в натуралистической онтологии. Следовательно, тот, кто понимает высказывание, тем самым имеет представление о положении дел, которое является условием истинности для него; и, предположительно, представляет его себе так же, как и источник этого высказывания.

Если же семантический реализм не является верным, то и представление о первичности теории смысла перед остальными не может обладать достаточным обоснованием. Поскольку из-за неявного представления и требованием к истинностному пониманию выражения роль знака не является первичным способом интерпретации основ философии и дискуссии реализма – антиреализма, то мы можем признать, что существует такие сущности и, выражаясь по – схоластически, «пласт вещей», которые не поддаются языковому анализу. Поэтому и реалистическая позиция не необходимо сводится к истинности выражения и роли знака в философии.

Литература

1. Dummett M. Frege: Philosophy of Language / M. Dummett. – London: Duckworth, 1973.
2. Wright C. Realism, Meaning and Truth / C. Wright. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 1993.

Симакова Анастасия Сергеевна
специалитет, 2 курс, «медицинская биохимия»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
simka.nas2005@gmail.com

АЛЬТРУИЗМ И ЭГОИЗМ: ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проблема альтруизма и эгоизма чаще всего рассматривается с точки зрения философии и гуманитарных наук в целом и этики в частности. При этом чаще всего используются такие неэмпирические методы исследования как концептуальный и компаративный анализ. Но могут ли такие естественные науки как биология, медицина или генетика внести свой вклад в решение этой проблемы? С нашей точки зрения, научный взгляд на эти феномены может существенно улучшить наше их понимание. В том числе продемонстрировав объективные предпосылки их формирования как на уровне индивида, так и общества в целом. Таким образом, биологический и медицинский взгляд на природу эгоизма и альтруизма приближается к позиции морального реализма, подтверждающего наличие объективных предпосылок у моральных суждений, обуславливающих их истинность или ложность [1]. Как минимум, в контексте рассматриваемого нами подхода, это справедливо для суждений о проявлении человеком эгоизма и альтруизма или даже суждений о его склонности к первому или второму. Но о каких именно объективных основаниях и предпосылках эгоизма и альтруизма мы можем говорить?

С точки зрения эволюционной биологии, происхождение альтруизма объясняется концепциями родственного отбора [2, с. 1-52], реципрокного альтруизма [3, с. 35-57] и группового отбора. Теория родственного отбора говорит об эволюционной выгодности проявления альтруизма только по отношению к членам семьи, тем, с кем у альтруиста есть не менее 75% процентов общих генов. Отдельная особь может пожертвовать собой, если её жертва способствует выживанию её рода. Реципрокный альтруизм объясняет альтруистическое поведение между неродственными индивидами тем, что в будущем эти особи ожидают ответной помощи. Согласно направлению группового отбора выживает та группа индивидов, в которой распространяется аллель, дающая преимущество данному объединению перед другими. В нашем случае продолжит своё существование более альтруистичная группа. Эгоизм же рассматривается как базовая стратегия выживания и размножения и также является неотъемлемой частью механизма эволюции.

Опираясь на совокупность различных эволюционных теорий и мнений, мы можем говорить о генном закреплении как эгоизма, так и альтруизма. Альтруистическому поведению может способствовать стимуляция таких областей мозга, как передняя поясная кора, передняя островковая доля и миндалевидное тело [4, с. 395-405; 5, с. 1622-1625]. Эти области мозга связаны с эмпатией, обработкой эмоций, социальным познанием. Эгоистическое поведение может быть связано с активацией областей мозга, отвечающих за вознаграждение и мотивацию, таких как прилежащее ядро [6, с. 419-427]. Эмпатия и социальное познание являются важными предпосылками для альтруистического поведения, но они могут быть подавлены или усилены в зависимости от ситуации и индивидуальных особенностей человека. Например, демуманизация жертвы может снизить уровень эмпатии и облегчить эгоистическое поведение.

Социальная психология исследует закономерности поведения людей в зависимости от влияния различных факторов: социальных норм, групповой идентичности, диффузии ответственности. Любые из этих обстоятельств могут оказывать существенное влияние на выбор между альтруистическим и эгоистическим действием [7, с. 377-383].

В философии альтруизм и эгоизм рассматриваются в контексте этических теорий. К примеру, утилитаризм предполагает, что морально правильное действие должно приносить счастье наибольшему количеству людей. Деонтология же подчеркивает важность соблюдения моральных правил и обязанностей, независимо от последствий действий. Эгоизм в философии существует в различных формах, но этические теории часто сталкиваются с проблемой реализации на практике.

Таким образом, научное понимание природы эгоизма и альтруизма может дополнить философские исследования этих феноменов. Взгляд на эту проблему сквозь призму морального реализма позволяет переосмыслить убеждения и принципы, которых люди придерживались очень долгое время. Мы считаем, что это очень важно, так как понимание природы альтруизма и эгоизма является ключом к построению лучшего общества, в котором будет существовать общепринятая мораль, основанная на объективных фактах.

Литература

1. Sayre-McCord G. Moral Realism. / G. Sayre-McCord. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/moral-realism/> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Гамильтон У. Д. Генетическая эволюция социального поведения, I и II / У .Д. Гамильтон // Журнал теоретической биологии. – 1964. – №7 (1). – С. 1-16, 17-52.
3. Триверс Р. Л. Эволюция взаимного альтруизма / Р. Л. Триверс // The Quarterly Review of Biology. – 1971. – №46 (1). – С. 35-57.
4. Риллинг Дж. К. Противоположные смелые реакции на взаимный и безответный альтруизм в переднем остривке и вентральном полосатом теле / Дж. К. Риллинг, А. Г. Санфи, Дж. А. Аронсон [и др.]. // Neuron. – 2002. – №35 (2). – С. 395-405.
5. Харбо У. Т. Нейронные реакции показывают предпочтение альтруистического наказания / У. Т. Харбо У. И. Майр Д. Р. Бургхарт // Наука. – 2007. – №316 (5831). – С. 1622-1625.
6. Фер Э. Социальная нейроэкономика: Нейронная схема социальных предпочтений / Э. Фер, К. Ф. Камерер // Тенденции в когнитивных науках. – 2009. – №11 (10). – С. 419-427.
7. Дарли Дж. М. Вмешательство стороннего наблюдателя в чрезвычайных ситуациях: распределение ответственности / Дж.М. Дарли, Б. Латане // Журнал личностной и социальной психологии. – 1968. – №8. – С. 377-383.

Сташевски Марк Зенонович
бакалавриат, 3 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
OperatorasLST@gmail.com

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НЕАКТУАЛЬНЫМИ ОБЪЕКТАМИ

Контрфактуалы сложно поддаются проверке на истинность, так как они буквально строятся таким образом, что предполагают отличие от действительности и имеют форму условного предположения. Пример, «что, если бы моя ручка лежала в пенале», в данном случае не составляет особых трудностей – данное высказывание будет истинным тогда и только тогда, когда моя ручка действительно лежит в пенале, т.е. высказывание соответствует действительности. Однако, если мы не вводим более сложные для проверки условия: «что, если бы эпидемия чумы унесла жизни всего населения Европы?», то мы сталкиваемся с необходимостью анализировать статус неактуальных сущностей [1, с. 194], если хотим оперировать такими высказываниями. Контрфактуалы позволяют моделировать поведение на основе рациональности и подвергать рассмотрению такие явления как желания, намерения, выбор определенного действия, следовательно просто игнорировать их проблему нельзя.

Представим пример, который мы можем проанализировать: «моя ручка лежит в пенале». В данном случае, у нас существует отношение между элементами предложения, в зависимости от совокупности которых возможна оценка на истинность. То есть мы предполагаем, что существует ручка, существует пенал и существует отношение между ними, которое позволяет сказать, что конкретная ручка находится в конкретном пенале, если один из элементов отсутствует, то предложение ложно [2, с. 124]:

Предложение b истинно тогда и только тогда, когда существует некий объект h , существует некий объект p , существует некое отношение R

При рассмотрении примера, мы явно хотим акцентировать внимание на тех объектах, которые статичны и близки к конкретным объектам, их можно представить или даже потрогать в реальности, но их скрупулёзное рассмотрение, может исключить из поля зрения необходимость отношения между ними. Допустим мы исключаем R , тогда существует h и p , но между ними отсутствует взаимодействие, следовательно установить истинность предложение невозможно. Так и в случае контрфактуалов, нам необходимо не только предполагать, каким статусом обладают неактуальные объекты или сущности, но и оценивать, чем являются отношения между ними. В различных примерах контрфактуальных высказываний, мы имеем различный набор последовательностей: набор зависимостей внутри высказываний, которые комбинируются между собой. В нашем примере про чуму, зависимость самая простая – Ситуация А (эпидемия чумы) делает возможной ситуацию В (гибель всего населения Европы), в следствии чего возможно С (неизвестные последствия, о которых мы рассуждаем). Если между А нет связи В, то С невозможно. Как мы можем увидеть, условные вероятности позволяют оценить, как отношения между элементами высказывания влияют на зависимости и возможные суждения, здесь заключается проблема. Истинность контрфактуалов, которые выражаются

в сложных предложениях может быть проверена посредством проверки истинности его частей, то есть разбор предложение, как мы делали это в примере, однако, как мы указали, возможность комбинаций возможных суждений, делают часть элементов ложными, в то время как другие составные истинны (допустим комбинация, где чума зверствовала только в Богемии, но все население Европы переехало в Америку), следовательно анализ контрафактуалов превращается в головоломку.

Возможным решением данной проблемы будет установление необходимости оценки статуса отношения (то, что мы называли R), как реально существующего. Тогда каждый контрафактуал будет представлять из себя систему взаимосвязей между объектами высказывания, чья возможность определяется через оценку реальны ли отношения между ними или нет. То есть если отношения между неактуальными объектами не могут быть представлены, как нечто реальное, то следует пересмотреть комбинацию. Обращаясь к нашему примеру, мы не сможем представить такую реальную связь объектов, где допустим чума привела к падению астероида, отношение между объектами в этом случае сложно представить реальным. Вероятно, самой большой сложностью здесь является определение границ того, что мы понимаем как реального, а именно утверждая, что отношение возможно, если она реальна, мы подвергаем её оценке с точки зрения существующего мира, в котором мы находимся. Однако мы вновь можем обратиться с контрафактическим высказыванием и представить там такую последовательность комбинаций, которая выведен нас к предположению, которое противоречит реальному миру. Возможным решением данной проблемы, будет изоляция [3, с. 64], а именно предполагаемое в одном контрафактуале не может быть рассмотрено, как возможное в другом, если они не являются элементами одной системы.

Таким образом, введение оценки возможностей комбинаций быть реализованными, как реальные совокупности событий, позволяют в некоторой степени избежать сведения всех контрафактических высказываний к абсурду.

Литература

1. Кононов Е. А. Аналитическая метафизика: тематический обзор / Е. А. Кононов. – Москва. – 2023. – 507 с.
2. Kirkham R. L. Theories of Truth / R. L. Kirkham. – Cambridge: MIT Press, 2001. – 401 с.
3. Lewis D. K. On the Plurality of Worlds / D. K. Lewis. – Oxford: Blackwell, 1986. – 276 с.

Усова Александра Владимировна
специалитет, 2 курс, «Лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет (г. Казань)
aus.05@mail.ru

НАУЧНОСТЬ КЛИНИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ВРАЧА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА

Научный прорыв XIX внёс огромный вклад в становлении современной медицины и исцелению многих пациентов с некогда неизлечимыми недугами. Вместе с тем, научно-технологический прогресс увеличил объёмы научной информации, что делает медицину одной из сложнейших областей знания. А популярный с конца XX века феномен «Evidence-based Medicine» (EBM), или Доказательная медицина, и вовсе делает акцент на наиболее авторитетные научные исследования и надежные доказательства из медицинской науки в модели взаимоотношений «врач-пациент» [1, С. 224]. В потоке необъятности материала произошло смещение вектора обучения и развития будущих клиницистов с гуманистарной миссии на научную. Что же лежит в основе подобной перемены ценностей?

В современной философии принято выделять два подхода при ответе на вопрос: что изучает наука [2, С. 20]? Наша задача – разобрать медицину как науку через призму двух полярных взглядов: реализма и антиреализма. Для этого позаимствуем реальную клиническую картину, взятую из эссе под названием "Причастие", опубликованного в серии "О том, как быть врачом" в журнале Annalsof Internal Medicine. Автор эссе Ричард Б. Вайнберг – гастроэнтеролог из медицинского центра Wake Forest University Baptist в Северной Каролине. Некогда подвергшаяся сексуальному изнасилованию и не выдающая данного претендента пациентка обращается за помощью к врачу-гастроэнтерологу с жалобами на боли в животе. С медицинской точки зрения, не должно возникнуть каких-либо вопросов, касающихся факта обращения и выбора специалиста. Однако дальнейшее составление истории заболевания, или анамнеза, и проницательность врача выявляют совершенно иные подробности. Вот какие данные, основанные на диалоге с пациенткой и первом впечатлении о её внешнем виде, были получены врачом-гастроэнтерологом: «пациентка была верующей римской католичкой, но не причащалась»; «Она была одета в драный громоздкий свитер и безразмерные синие джинсы, а ее неухоженные волосы бросались в глаза. Мне показалось, что она намеренно сделала все возможное, чтобы скрыть тот факт, что она была очень привлекательной молодой женщиной» [3, С. 251]. В дальнейшем Ричард Б. Вайнберг становится единственным человеком, кому была поведана тайна причин физического недомогания пациентки, однако последующая медицинская помощь выходила за рамки полномочий врача-гастроэнтеролога. Последнее действительно с точки зрения недостатка знаний врача-гастроэнтеролога в вопросах ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство).

Современный реализм, в описании, представленном Хмелёвской С. А., базируется на корреспондентской концепции истины, кумулятивной модели развития науки и на понимании абстрактных объектов как отражение сущности реальных. Истиной в случае практики врача-гастроэнтеролога является необходимость перенаправления пациента к врачу иной специальности, а именно к психиатру. Теория подразумевает отказ врача от пациента, однако в реально-

сти подобного не происходит. И дело не в экстренной необходимости оказания помощи пациенту. Девушка не желала обращаться за помощью к иному специалисту, по причине уже сформировавшегося коммуникационного моста с Ричардом Б. Вайнбергом, основанного на доверии и проницательности. Таким образом, реализм в представленном примере отрицает наличие развития духовно-нравственной и социально-психологической культуры врача [4, С. 346].

Антиреализм, в противоположность реализму, не утверждает науку как отражение объективности и независимости окружающего мира. Наука в данном случае есть отражение мира, ею и сформированного. И любой теоретический конструкт тогда есть изобретение разума. Антиреализм скорее отражает субъективность мира. Ричард Б. Вайнберг руководствовался собственной теорией: остался верен доверию ближнего и не отказался от помощи. Гуманность врача несёт субъективный характер, она исходит «из себя», является содержанием морального развития [5, С. 110-111].

Применение исключительно реалистских подходов в клинической практике врача невозможно без первостепенного факта коммуникации врача и пациента, представляющую собой нарративность медицины [6, С. 51]. В противном случае, взаимоотношения врач-пациент сводились бы к инженерской модели, главным недостатком которой является технократический подход к пациенту, восприятие его как безличный механизм с физиологическим отклонением [7, С. 49]. Таким образом, истинных клиницистов определяют именно способности к нарративным методам познания проблем пациента. И с позиции антиреализма они более действительны.

Литература

1. Bluhm R. The philosophy of evidence-based medicine / R. Bluhm. – Wiley-Blackwell: West Sussex, 2011. – 229 p.
2. Хмелевская С. А. Яблокова Н. И. К вопросу о споре реалистов и антиреалистов в современной философии науки / С. А. Хмелевская Н.И. Яблокова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №. 4. – С. 20-22.
3. James A. Marcum The epistemically virtuous clinician / Marcum J.A // Theoretical Medicine and Bioethics. – i. 3, vol. 30. – 2009. – p. 249-265.
4. Давыдова Т. В. О роли гуманистических ценностей профессии врача в системе высшего медицинского образования / Т. В. Давыдова // Здоровье—основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2011. – Т. 6. – №. 1. – С. 345-348.
5. Самылов О. В. Симоненко Т. И. Образование, культура и гуманность в философии ИГ Гердера / О. В. Самылов Т. И. Симоненко // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – №. 4-2 (28). – С. 106-114.
6. Montgomery K. How doctors think / K. Montgomery. – New York: Oxford University Press, 2006. – Т. 8.
7. Троицкая Л. А. Деонтологические принципы и психологические особенности профессионального взаимодействия доктора с пациентом / Л. А. Троицкая // Практика педиатра. – 2013. – №. 6. – С. 48-61.

Фасхутдинова Виктория Айратовна
бакалавриат, 1 курс,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Институт международных отношений (г. Казань)
serrifasco@gmail.com

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ МОРАЛЬНЫЕ ФАКТЫ?

Анализ споров между моральным реализмом и антиреализмом.

Постановка проблемы: что значит утверждать, что моральные факты существуют? Почему вопрос об их существовании принципиален для этики, политики и права?

Актуальность: современные общественные и философские дебаты (например, феминизм, вопросы идентичности, прав меньшинств) требуют обоснования моральных суждений. Примеры: fourth-wave feminism (Solomon D.), дискуссии о правах нации и пола (Андерсон, Богатова).

Цель и задачи: проанализировать аргументы морального реализма и антиреализма. Показать, как философские подходы к морали влияют на социальные практики.

Методология: аналитическая философия, герменевтика, социокультурный анализ.

1. Моральный реализм: защита существования моральных фактов.

Определение морального реализма: суждения о добре/зле описывают объективные свойства мира. Сравнение с научным реализмом.

Аргументы в пользу реализма: аргумент от интуиций (моральная интуиция как форма знания), аргумент от несводимости (Мур: «натуралистическая ошибка»), аргумент от межкультурной критики (возможность осуждения чужих норм требует объективных стандартов).

Неореалистические теории: корреспондентская теория истины (развитие Платона, Аристотеля).

Современные философы: Д. Блумфилд, П. Стрэттон-Лэйк.

Связь с социальными движениями: этическое обоснование феминизма и прав человека на основе реализма. Пример: феминизм как утверждение объективного морального зла угнетения (Solomon D.).

2. Моральный антиреализм: отрицание объективных моральных фактов.

Определение и формы антиреализма: эмотивизм (А. Дж. Айер), прескриптивизм (Р. Хэйр), релятивизм и конструктивизм.

Аргументы антиреалистов: отсутствие эмпирических доказательств моральных фактов, историческая и культурная изменчивость морали (см. Андерсон: нации как воображаемые сообщества), проблема «натуралистической ошибки».

Социальная роль морали как конструкта. Богатова Л.М.: гендер как культурно-онтологическая конструкция, а не природная реальность. Мораль как инструмент власти, а не выражение истины.

Политические и культурные последствия: антиреализм может служить основой плюрализма и терпимости.

Опасность морального нигилизма: если всё субъективно – исчезает основание для сопротивления угнетению.

3. Метапозиции как попытки преодоления дилеммы: кантовский конструктивизм (мораль вытекает из разума, но не зависит от эмпирических фактов), объективность как нормативная, а не онтологическая категория.

Ричард Рорти и прагматизм: мораль как продукт сообщества, но с внутренними критериями обоснованности. Критика идеи «правды» как зеркала природы. Сканлон и договорный подход: обоснование морали через разумное согласие между людьми.

Феминистская этика заботы: этические нормы не объективны в традиционном смысле, но укоренены в отношениях и эмпатии. Соломон и Богатова: феминизм не требует метафизических моральных фактов, чтобы быть политически и морально значимым.

4. Критика позиций: сравнительный анализ реализма и антиреализма.

Сильные стороны реализма: обеспечивает моральную устойчивость и возможность критики, поддерживает универсализм.

Проблемы реализма: отсутствие консенсуса о природе моральных фактов, сложность их обоснования.

Сильные стороны антиреализма: учитывает контекст и культурную специфику, позволяет быть гибким и критическим.

Проблемы антиреализма: риск произвола, релятивизма и политической безответственности.

Заключение.

Моральные факты – это не эмпирические объекты, но и не просто эмоции. Гипотеза: возможно говорить о нормативной объективности без метафизики. Практическое значение для политики, феминизма, прав человека. Проблема остается открытой – но обсуждение её необходимо для гражданского общества и демократии.

Литература

1. Solomon D. Fourth Wave Feminism / D. Solomon. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/11/15/magazine/15fob-q4-t.html>
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
3. Богатова Л. М. Эманципация как онтологическая трагедия пола / Л. М. Богатова // Философские науки. – 2008. – № 6. – С. 113-133.

Шаехова Регина Рамилевна, Зарипова Алина Рашидовна, Хабирова Айгиза Флюровна
бакалавриат, 2 курс, «Лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
shaehova.regina@yandex.ru

АНТИПСИХИАТРИЯ КАК АНТИРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СУЩНОСТЬ ПСИХИЧЕСКИХ ПАТОЛОГИЙ

Антипсихиатрия, сформировавшаяся во второй половине XX века в работах Р. Д. Лэнга [1], Т. Саса [2], М. Фуко [3] и Д. Купера [4], представляет собой радикальную критику традиционной психиатрии, отрицая объективное существование психических заболеваний и трактуя их как социальные и теоретические конструкты. Данное направление можно рассматривать как один из возможных ответов на ключевой вопрос философии психиатрии: «Существуют ли психические болезни объективно или являются лишь продуктом культурных, политических и языковых практик?». Антипсихиатры утверждают, что психические расстройства не обладают онтологическим статусом, аналогичным соматическим заболеваниям, а возникают в результате стигматизации, нормативного давления и институциональных механизмов власти. Эта позиция обнаруживает сходство с философским антиреализмом, который отрицает независимое от сознания существование определенных категорий реальности, сводя их к концептуальным схемам или языковым конвенциям.

Антиреалистская установка антипсихиатрии проявляется в отрицании биологической детерминированности психических расстройств и акценте на их социальной обусловленности. Так, Т. Сас в работе «Миф душевной болезни» [2, с. 76] утверждает, что психиатрические диагнозы – это не описания объективных патологий, а метафоры, используемые для контроля над девиантным поведением. Аналогично, М. Фуко в «Истории безумия» [3, с. 57 – 88] показывает, как категория «безумия» конструируется через дискурсивные практики, а не выявляется как естественный феномен. Эти идеи перекликаются с антиреализмом в философии науки, представители которого утверждают, что научные теории не отражают объективную реальность, так как «наука изучает тот мир, который ею самой и сконструирован, а теоретические конструкты – это изобретение разума» [5].

На сегодняшний день антипсихиатрия сталкивается с серьёзными возражениями со стороны науки. Современные нейробиологические и генетические исследования [6] демонстрируют объективные корреляты психических расстройств, такие как изменения нейротрансмиттерного баланса, структурные аномалии мозга и наследственные факторы. Это свидетельствует в пользу реалистской позиции, согласно которой психические заболевания имеют биологическую основу, даже если их диагностика и интерпретация зависят от социокультурного контекста.

Как студенты медицинского университета, мы поддерживаем реалистский подход, подразумевающий, что наука, в том числе в рамках медицинских исследований, «раскрывает (насколько это возможно с позиций сегодняшней теории познания) мир как он есть» [5]. Эта позиция кажется нам более предпочтительной, поскольку она согласуется с эмпирическими данными и клинической практикой. Если бы психические расстройства были исключительно

конструктами, их лечение не могло бы быть эффективным при помощи фармакотерапии, воздействующей на конкретные нейрохимические процессы. Кроме того, универсальность проявлений некоторых заболеваний (например, шизофрении или биполярного расстройства) в разных культурах указывает на их объективную природу. Таким образом, хотя антипсихиатрия и поднимает важные проблемы стигматизации и гипердиагностики, ее радикальный антиреализм не может быть принят в качестве исчерпывающего объяснения психических патологий.

Литература

1. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я» / Р. Д. Лэйнг. – Москва: Академический проект, 2019. – 559 с.
2. Сас Т. Миф душевной болезни / Т. Сас. – Москва: Академический проект, 2010. – 615 с.
3. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 510 с.
4. Cooper D. Psychiatry and Anti-Psychiatry / D. Cooper. – London: Tavistock Publications, 1967. – 305 р.
5. Хмелевская С. А. Яблокова Н. И. К вопросу о споре реалистов и антиреалистов в современной философии науки / С. А. Хмелевская Н. И. Яблокова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 14-32.
6. Kendler K. S. Toward a Philosophical Structure for Psychiatry / K. S. Kendler // American Journal of Psychiatry. – 2005. – V. 5. – P. 141-170.

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

Воливач Илья Викторович

магистратура, 2 курс, «Современная философия»

Казанский (Приволжский) федеральный университет

(г. Казань)

IV.Volivach@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ИЗМЕНЕНИИ ОБРАЗА ГЕРОЯ

Современное общество помимо системы материальных отношений, также активно использует сеть символического обмена. Производство «суррогатов» смысла составляет, своего рода, трансцендентный капитал, который занимается тем, что предлагает жизненные смыслы, дающие удовлетворение высокой интенсивности, но низкой длительности и никогда не закрывает потребность до конца [1, с. 35].

Одной из ключевых фигур через, которые в обществе фиксируется и воспроизводится смысл является герой. Являясь одной из древнейших фигур социального, без которой по версии Т. Карлейля общества не бывает [2, с 17], героя, а точнее его образ, можно рассматривать в качестве характерного маркера эпохи его порождающей. Изменения в образе героя и отношение к нему позволяет отчётливо заметить не только социальную, но и антропологическую динамику, поскольку герой в первую очередь представляет человека [3, с. 27].

Можно выделить следующие характерные воспроизводящиеся черты в современной героике:

- 1) Узкую специализацию и дифференцированность героев.
- 2) Допустимость маргинального обращения с образом героя.
- 3) Отрицание человеческой телесности, обострение отношения к телу.
- 4) Культивацию образа героя-наёмника и коммерциализированного ригоризма.

Закрепление каждой из приведённых характеристик, можно наблюдать в кино и литературе.

Так, например, в исследованиях героизма встречается широкая классификация, по историческим типам, по социальным ролям или психологическим аспектам восприятия героя людьми [2, 3, 4, 5]. Однако, исследования героизма в большой степени способствуют символическому производству. Благодаря ним таргетинг и маркетинг стали способом конструирования героического. Если раньше герой выступал как эталон и образец, к которому нужно соответствовать, то сейчас он стал инструментов сублимации человеческой неудовлетворённости от недостижимости своего личного идеала [6, с.110].

Другой характерной чертой стала дозволенность маргинализации героя, выраженная во-первых, в анти-геройском дискурсе, а во-вторых, в деформации архетипов. В американской киноиндустрии эта тенденция нашла воплощении в фильмах Deadpool где главный «герой» пренебрежительно относится к героическому дискурсу, в который помешён.

В русской кинематографе и литературе также наблюдается подобный процесс через сериалы и книги про «воров в законе», такие как «Учитель в законе», создание кинокартин про ВОВ с особым интересом к деклассированным и репрессированным элементам, таких как «Штрафбат», «Утомлённые солнцем 2» и т.д.

Наблюдается смещение, разрушение традиционной человеческой телесности. Если античный воин-герой должен был иметь совершенное своё собственное человеческое тело, то сейчас, для телесности героя можно выделить четыре основных стратегии: дополнение, улучшение, деформация или устранение.

Также в ряде психологических исследований героизма, люди чаще указывали на больший героизм тех людей, которые выполняли просоциальные действия (героические акты), имея дополнительные ограничения и препятствия, в том числе «дополнительные физиологические потребности» [5, с. 212-215], которые можно рассматривать как отклонение от нормальной телесности. Таким образом, можно фиксировать повышенный интерес общества к конструированию тела.

Й.Хэйзинга отмечал, что к риторике «героизма» общество прибегает, когда категория «долга» становится малопривлекательной [7, с. 110]. Однако, индустриальная и постиндустриальная этика, основывающаяся на труде, развила тип героя-наёмника/ профессионала, гения, вундеркинда - «объекта, вызывающего поклонение в той самой мере, в какой он выполняет образцовую функцию всякой капиталистической деятельности –выигрывать время, сводить деятельность человеческого существования к проблеме количественной совокупности временных моментов, каждый из которых имеет свою стоимость» [8, с. 52].

Архетип наёмника кажется финальной стадией возможной социальной динамики героизма, так как создаёт парадокс, когда альтруистический и эгоистический акт совпадают в про-социальном действии. Разделение на «служение себе» и «служение обществу» составляющее наиболее интуитивно доступный и древний способ определения героя размылось, создалась кризисная ситуация, в которой человеку становится опасно иметь героев и общество не может предложить достаточно надёжный ориентир. Человек рискуя вынужден сам создавать себе образ достойного почитания и нести за него ответственность под угрозой гибели [9, с. 52].

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
3. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы / В. Д. Плахов. – «КАРО», 2008. – 143 с.
4. Francl Z. E. Allison S. T. Kinsella E. L. Kohen A. Langdon M. Zimbargo P. G. Heroism Research: A Review of Theories, Methods, Challenges, and Trends / Z. E. Francl S. T. Allison E. L. Kinsella A. Kohen M. Langdon P. G. Zimbargo // Journal of Humanistic Psychology. – 2016. – С. 1–15. – URL: <https://doi.org/10.1177/0022167816681232> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Goethals G. R. Allison S. T. Making Heroes: The Construction of Courage, Competence, and Virtue / G. R. Goethals S. T. Allison // Advances in Experimental Social Psychology. – 2012. – № 46. – С. 183–235. – URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-394281-4.00004-0> (дата обращения: 16.10.2023).

6. Кравец П. С. Трансформация понятия героизма: от Гомера до «Marvel» / П. С. Кравец // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4 (1(55)). – С. 98–102.
7. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Й. Хёйзинга ; сост., пер. с нидерл. и предисл. Д. Сильвестрова ; comment. Д. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
9. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к. ф. н. Д. Дамте. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.

Жигунова Виктория Алексеевна
бакалавриат, 2 курс, «теология»
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)
vzhigunova@sfedu.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В АНТРОПОЛОГИИ РЕЛИГИИ: НА ПРИМЕРЕ МАРГАРЕТ МЮРРЕЙ

Маргарет Элис Мюррей (1863–1963) – фигура, чьи работы оказали влияние на антропологию религии и на формирование неоязыческих движений, таких как Викка и Нью-Эйдж. Её теория о «культе ведьм» как сохранившемся реликте дохристианского язычества стала мостом между академическими исследованиями и религиозной практикой. В данной работе рассматривается, как личный опыт, философские установки и культурный контекст Мюррей повлияли на её интерпретацию исторических источников, а также как её идеи были восприняты и трансформированы в рамках викканской традиции.

Начав научную карьеру под руководством Флиндерса Питри в области египтологии, Мюррей освоила методы стратиграфического и текстологического анализа для дешифровки иероглифических текстов. Однако её внимание постепенно сместились к европейскому фольклору и судебным процессам над ведьмами. Этот переход стал возможен благодаря сравнительному подходу, унаследованному от Дж. Фрэзера, позволившему ей перенести методы этнографической интерпретации на изучение массовых представлений о «ведьмах». В работах «Культ ведьм в Западной Европе» (1921) и «Бог ведьм» (1933) Мюррей выдвинула гипотезу: обвиняемые в колдовстве были последователями древнего культа плодородия, поклонявшимися рогатому божеству – прообразу Кернунаоса. Она интерпретировала протоколы инквизиции через призму эвгемеризма, утверждая, что шабаши являлись ритуалами тайной религии, а не сатанинскими обрядами [6].

Критики, Р. Хаттон и А. Макфарлейн, отмечали, что Мюррей игнорировала контекст источников: обвинения в ведьмовстве часто были результатом социальных конфликтов, а не свидетельствами реальных практик [1]. Например, Макфарлейн подчёркивал, что процессы над ведьмами в Англии XVI–XVII веков отражали не столько религиозные убеждения, сколько экономические и гендерные противоречия [4]. Однако её подход демонстрирует, как личная позиция – поиск «альтернативной сакральности» в противовес христианской традиции – формирует научную оптику. Будучи одной из первых женщин-антропологов, Мюррей искала в истории религии следы «женского сакрального», что отразилось в акценте на роли жриц и матриархальных культурах [5]. Этот аспект её работы перекликается с идеями Эмиля Дюркгейма о религии как социальном феномене, где сакральное конструируется коллективным сознанием.

Теории Мюррей стали основой для Джеральда Гарднера, основателя викки. В книге «Ведовство сегодня» (1954) он утверждал, что Викка – прямая наследница «культа ведьм» Мюррей. Гарднер заимствовал её идеи о ковенах, рогатом божестве и ритуальных практиках, соединив их с элементами масонства и церемониальной магии [2]. Мюррей сама участвовала в формировании викканской мифологии: она написала предисловие к книге Гарднера, легити-

мизирия его нарратив как «научный» [3]. Однако, как показал Хаттон, Гарднер сконструировал викку, используя не только труды Мюррей, но и работы Фрэзера, Леланда и Грэйвса, создав синтез оккультизма и романтизированного язычества [3].

Опыт Мюррей поднимает вопрос о границе между интерпретацией и проекцией. Её работы – пример того, как субъективность исследователя становится инструментом реконструкции «утраченного сакрального». Её трактовка фейри как аборигенного населения, сохранившего древний культ, была заимствована викканами для обоснования своей идентичности. Д. Валиенте, соратница Гарднера, развила эту идею, связывая фейри с низкорослыми народами, описанными Д. Мак-Ритчи, и интегрируя её в ритуалы [1]. Мюррей также игнорировала проблему анахронизмов: её методология, основанная на сопоставлении разрозненных фольклорных элементов, напоминала подходы викторианских фольклористов, таких как Фрэзер. Это привело к созданию «исторического мифа», который, по словам Хаттона, «был не столько ложью, сколько поэтической правдой» для неоязычников [3].

Философские аспекты работ Мюррей можно рассматривать через призму концепций М. Элиаде о сакральном и профанном. Она стремилась выявить архетипические структуры в религиозных практиках, интерпретируя их как проявления универсального мифологического сознания [1]. Однако её подход, в отличие от феноменологического метода Элиаде, оставался в рамках исторического редукционизма, что вызывало критику.

Теории Мюррей стали частью культурного кода XX века. Её идеи о «старой религии» вдохновили не только Гардарианскую Викку, но и последующие феминистские движения, отделившиеся от нее, такие как дианическая Викка, где акцент делался на почитании Богини как символа женской силы. Стархук, автор «Сpirального танца», использовала концепцию Мюррей о матриархальных культурах для обоснования экологического и антипатриархального активизма. При этом критика Мюррей в академической среде не уменьшила её популярности среди неоязычества. Как отмечает С. Мальокко, виккане ценят её труды за «романтизм» и связь с викторианской наукой, которая воспринимается как более «аутентичная» [5].

Маргарет Мюррей оставила двойственное наследие: её работы критикуются за методологические просчёты, но остаются важным примером того, как академические исследования могут пересекаться с культурным мифотворчеством. Её опыт демонстрирует, что субъективность исследователя – не помеха, а ресурс для интерпретации религиозных феноменов, особенно когда наука становится частью живого религиозного поиска.

Литература

1. Трынкина Д. А. Маргарет Мюррей и эвгемеристическая теория в британской фольклористике первой половины XX в. / Д. А. Трынкина // Этнографическое обозрение. – 2021. – № 2. – С. 111–124.
2. Gardner G. Witchcraft Today / G. Gardner. – London: Rider and Company, 1954. – 210 p.
3. Hutton R. The Triumph of the Moon: A History of Modern Pagan Witchcraft / R. Hutton. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 384 p.
4. Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England: A Regional and Comparative Study / A. Macfarlane. – London: Psychology Press, 1999. – 338 p.
5. Magliocco S. Witching Culture: Folklore and Neo-Paganism in America / S. Magliocco. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. – 280 p.
6. Murray M. E. The Witch-Cult in Western Europe / M. E. Murray. – Oxford: Clarendon Press, 1921. – 312 p.

Насыров Шамиль Рафкатович, Каримов Камиль Мансурович

Специалитет, 2 курс, «Лечебное дело»

Казанский государственный медицинский университет

(г. Казань)

nasyopovsamil@gmail.com, kamilkarimov575@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ВЫЗОВ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ: МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК ОСТАТЬСЯ «НЕЗАВЕРШЁННЫМ ПРОЕКТОМ» В МИРЕ АЛГОРИТМОВ?

Современный человек существует в парадоксальном пространстве цифровой реальности, где обещания свободы самовыражения оборачиваются новыми формами отчуждения. Социальные сети, позиционирующиеся как инструменты раскрытия индивидуальности, на деле становятся фабриками по производству алгоритмических масок, подменяя экзистенциальную аутентичность удобными для платформ шаблонами. Этот феномен ставит перед философской антропологией ключевой вопрос: может ли человек сохранить статус "незавершенного проекта" (Сартр) в условиях, когда его идентичность все больше определяется не свободным выбором, а математическими моделями рекомендательных систем [1]?

Экзистенциальные основания проблемы Концепция Жан-Поля Сартра о человеке как "незавершенном проекте", чья сущность формируется через акты свободного выбора, вступает в радикальное противоречие с логикой функционирования цифровых платформ [1]. Алгоритмы TikTok или Instagram не просто предлагают контент – они формируют паттерны поведения, создавая новый вид "дурной веры", когда пользователь принимает навязанные платформой идентификационные модели за проявления собственной индивидуальности [1]. Парадоксальным образом, чем активнее человек "самовыражается" в соцсетях, тем больше он становится заложником цифрового конформизма. Хайдеггеровское понимание аутентичности через "бытие-к-смерти" также подвергается эрозии в условиях цифровой культуры [2]. Бесконечный скролл новостных лент, перманентная онлайн-доступность и феномен цифрового бессмертия (мемориальные аккаунты в соцсетях) создают иллюзию преодоления экзистенциальных пределов человеческого существования, лишая индивида важнейшего условия подлинности - осознания своей конечности [2].

Жан Бодрийяр с его концепцией симулякров дает ключ к пониманию трансформации идентичности в цифровую эпоху. Профиль в социальной сети – это не отражение реального "Я", а самостоятельная гиперреальность, живущая по законам "лайковой" экономики [3]. Примечательно, что наиболее успешные в цифровой среде личности часто оказываются наиболее "пустыми" с точки зрения содержания – их сила именно в способности становиться чистыми медиаторами, удобными для репликации алгоритмами. Особенно ярко это проявляется в феномене TikTok, где виральный успех напрямую связан со способностью пользователя к точному воспроизведению заданных платформой форматов (трендов, челленджей, звуковых шаблонов). Алгоритм платформы вознаграждает не уникальность, а предсказуемость, создавая парадоксальную ситуацию: чтобы быть "собой", нужно максимально соответствовать чужим ожиданиям.

Эмпирические исследования демонстрируют тревожные последствия этой трансформации: рост тревожных расстройств среди активных пользователей соцсетей, феномен "цифрового выгорания", кризис реальной социализации [4]. Поколение Z, выросшее в условиях перманентной онлайн-присутствия, демонстрирует беспрецедентные уровни экзистенциальной неуверенности – постоянно редактируя свои цифровые образы, молодые люди теряют доступ к собственному подлинному опыту.

Однако этот кризис содержит в себе и потенциал для нового экзистенциального поворота. Движения цифрового минимализма, практики "цифрового детокса", растущая популярность аналоговых форматов общения свидетельствуют о стихийном поиске путей возврата к аутентичности. Философская рефлексия может предложить стратегии сознательного сопротивления алгоритмическому детерминизму – от развития критического цифрового грамотности до создания новых этических моделей взаимодействия с технологиями.

Подлинный вызов современности заключается не в отказе от цифровых технологий как таковых, а в способности использовать их, не теряя экзистенциального измерения человеческого бытия. Как писал Камю в "Мифе о Сизифе", даже в условиях абсурда человек способен к бунту – и сегодня этот бунт может принимать форму сознательного конструирования своей цифровой идентичности как дополнения, а не замены подлинного "Я" [5]. В конечном счете, сохранение человеческого в цифровую эпоху требует не технологических решений, а нового экзистенциального прорыва - решимости быть собой вопреки всем алгоритмам и трендам.

Литература

1. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. – Москва: Республика, 2000. – 639 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Академический проект, 2013. – 460 с.
3. Бордийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бордийяр. – Санкт-Петербург: Петербург, 2015. – 240 с.
4. Тёркл Ш Одиноки вместе / Ш Тёркл. – Москва: АСТ, 2011. – 384 с.
5. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю; пер. с фр. Н. Н. Зубкова. – М.: АСТ, 2020. – 240 с.

Петрова Елизавета Анатольевна
бакалавриат, 2 курс, «теология»
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)
elizape@sfedu.ru

АФРО-БРАЗИЛЬСКИЕ КУЛЬТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ К. ГИРЦА

В рамках антропологии синcretической религии афро-бразильские культуры представляют собой особый тип символически насыщенных практик и верований. В силу своей сложной культурной природы они представляют собой значительный интерес как для этнографии, так и для философии культуры.

Разработанная исследователем Клиффордом Джеймсом Гирцем (1926–2006) интерпретативная антропология – одна из наиболее релевантных подходов к их изучению на современном этапе, представляет собой методологический подход к изучению культуры как системы значений, в которой каждое действие, символ или ритуал приобретают смысл в контексте, заданном самими участниками культурной жизни. Гирц рассматривает культуру не как совокупность норм или моделей поведения, а как «паутину смыслов» [1], в которую человек вплетён и которую он сам создает. Анализ культуры не сводится к объяснению и выявлению универсальных закономерностей, но направлен на понимание и интерпретацию тех значений, которые культура придает определенным действиям. В этом контексте центральным понятием становится «насыщенное описание» [1] – подробное и контекстуально обоснованное описание социального действия, раскрывающее множество уровней его смыслов. Культура проявляется в публичных формах, таких как ритуалы, повседневные практики, язык и жесты, которые можно рассматривать как текст, подлежащий прочтению [1]. Антрополог в таком подходе выступает не как объективный наблюдатель, а как интерпретатор, стремящийся понять культурную реальность изнутри, но при этом осознает пределы собственного восприятия. Этот подход позволяет глубже вникнуть во внутреннюю логику культуры.

В Умбанде, возникшей в XX в. в урбанизированной среде южной Бразилии, ритуальная практика синтезирует элементы спиритизма, католицизма, культов Ориша и народной медицины. Каждое ритуальное действие – от приношения даров до медиунической инкорпорации духов (Гуидами и Кабоклами) – может быть рассмотрено как элемент культурного текста, доступного к прочтению лишь в контексте локальных представлений о добре, социальной справедливости, морали и телесности [3]. В этой системе духовность выступает не как абстрактная категория, но как механизм реорганизации социального опыта. Как подчеркивает Гирц, именно в акте интерпретации, а не в механической фиксации поведения, заключается подлинная сущность этнографического анализа. Кимбанда, часто противопоставляемая Умбанде как «теневая» сторона афро-бразильской религиозности, специализируется на работе с духами Эшу и Помба Жира [2]. Эти фигуры, часто воспринимаемые как трансгрессивные и индифферентные, ассоциируются с городскими низами, сексуальной распущенностью, насилием и нарушением социальных норм.

Однако интерпретативный подход Гирца требует отказа от нормативных суждений и рассмотрения этих фигур как символических репрезентаций социальных напряжений и исторического опыта. Призыв духов Кимбанды в ритуальном трансе предстает как форма выражения голосов, вытесненных из легитимного культурного пространства – женского, черного, бедного. Тем самым ритуал становится местом публичной инсценировки социальной критики, как это понимал Гирц в своей теории культуры как инсценированного дискурса [1]. Методология «насыщенного описания» предполагает необходимость выявления значений в самих действиях, а не вне их, и требует интерпретации интерпретаций, совершаемых самими носителями культуры. Медиум, впадающий в транс под воздействием Эшу, не просто «одержим», но инсценирует культурный текст, в котором встречаются страх, ирония, протест и попытка самоутверждения. Как подчеркивает Гирц, культура существует не в «умах и сердцах» индивидов, а в публичных актах символической коммуникации, значение которых всегда контекстуально и исторически обусловлено.

Работы современных исследователей афро-бразильской религиозности подтверждают эффективность гирцевского подхода. Лусия Негран утверждает, что ритуал в Умбанде следует интерпретировать как форму инсценированной этики, где жесты, костюмы и речи медиумов не просто выражают религиозные убеждения, но воспроизводят и пересобирают социальную действительность [4]. Аналогично, в анализе Кимбанды акцент смещается с бинарной оппозиции «добро-зло» на символическую сложность фигур Эшу и Помба Жира, чьи ритуальные образы отражают глубокие связи религии морали и социальной идентичности в Бразилии. Интерпретативная антропология в этом случае позволяет избежать редукционистского взгляда, ограниченного категориальной оценкой «белой» морали, и открыть путь к более эмпатическому, контекстуальному пониманию религиозного действия.

Таким образом, религиозная практика Умбанда и Кимбанды – не просто объект анализа, но живая текстуальная ткань, в которую вплетены эмоции людей, находящихся на периферии социального устройства в колониальный период католического миссионерства. Такие ритуалы, как прием у Помба Жира, следует рассматривать как семиотически организованные действия, в которых артикулируются фрагменты социальной реальности, недоступные иным формам дискурса. В этой перспективе, следя Гирцу, культура предстаёт не как объяснение, а как форма существования значения.

Интерпретация афро-бразильских культов в ключе Гирца позволяет избежать редукционистских или экзотизирующих трактовок и приблизиться к подлинному пониманию этих практик как динамичных форм культурного действия. Умбанда и Кимбанды – это не архаические утратившие свое значение верования, а современные религиозные ритуальные системы, воспроизводящие, трансформирующие и интерпретирующие социальную действительность. Их анализ в терминах интерпретативной антропологии представляет собой не просто научную задачу, но этически нагруженное стремление к межкультурному диалогу.

Литература

1. Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – [Б. м.: Б. и.], 2004. – 560 с.
2. Фриисвольд Н. ди М. Эшу и Кимбанды: культ ночи и огня / Н. ди М. Фриисвольд. – Москва: Эксмо, 2017. – 320 с.
3. Wigington P. Umbanda Religion: History and Beliefs / P. Wigington. – New York: Harper-Collins, 2019. – 215 p.
4. Negrão L. Umbanda: between the cross and the pentagram / L. Negrão. – São Paulo: EdUSP, 1996. – 180 p.

Петров Даниил Максимович
аспирантура, 1 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
(г. Казань)
petrosov.danil@yandex.ru

МАТЕРИАЛИЗМ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА

Текстологические сообщества, на первый взгляд, являются невозможным феноменом с точки зрения материализма. Как может текст формировать базовую реальность для людей, за отставание которой «они готовы пострадать» [1, с. 93-95]? В расхожем мнении к Марксу нужно обязательно прибавлять Вебера, потому что сам первый не может правильно определить роль культуры, оказываясь редукционистом. Мы попытаемся, оставаясь в границах материалистического понимания истории, дать феномену текстологических сообществ а) описание и б) объяснение.

Начнем с онтологического статуса текста. С т.з. зрения материи как субстанции, текст является идеальным объектом. Систематическую разработку в русле материализма идеальное получает у Э. В. Ильинкова: «Соотношение между... двумя материальными объектами..., внутри которого один объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта» [2, с. 13]. Но материалистическая онтология выделяет несколько форм движения материи, образующих несколько структурных уровней. С т.з. своего структурного уровня – общества, текст является овеществленными общественными отношениями.

Момент захвата текстом читателя является материализацией по формуле «то, что я действительно представляю себе, есть для меня действительное представление» [2, с. 29]. Поэтому материалистически представить текстологическое сообщество, базовую реальность которого формирует общее понимание текста, возможно. Но как объяснить это: от каких факторов зависит, произойдет ли материализация? Может ли базовая реальность текста при этом конфликтовать с идеологией?

А. В. Крестьянинов использует концепцию автокоммуникации Ю. М. Лотмана для анализа материализации. Перевод в язык семиотики закладывает основу для понимания причин. Текст может быть воспринят как сообщение, так и как код [3, с. 77-78]. Лотман вводит три параметра, влияющих на восприятие текста:

- свойства текста, позволяющие его интерпретировать как код. Это внутренний параметр самого текста: к рассмотрению как кода подталкивает избыточность текста для одной лишь коммуникации. Например, игра с ритмом, который не важен для естественного языка [3, с. 84];

- способ функционирования текста, при котором он используется как код. Это внешний параметр: например, текст не прибавляет новых сведений, а переводит имеющиеся в новую систему значений;

- установка воспринимающего. Здесь Лотман не вводит никаких дополнительных пояснений, поэтому мы попробуем порассуждать самостоятельно.

Лотман не описывает три. В качестве исходной посылки мы рассматриваем человека как совокупность общественных отношений. Именно они будут направлять установку воспринимающего.

Мы выделим несколько уровней общественных отношений по степени и характеру:

– Культурный – наиболее общий уровень отношений, связанный с языком, историей, традицией. Об этом уровне пишет сам Лотман, когда говорит о том, что культуры тяготеют к коммуникации/автокоммуникации. Например, для европейской культуры характерно отношение Учитель – Ученик, поэтому текст чаще воспринимается как сообщение [3, с. 87-88];

– Институциональный – позиция в структуре общественного разделения труда. Текст будет воспринят как код, если его содержание синхронизировано с идеологией. Тут восприятие текста описывает понятие интерpellации [4]. Трудовой договор не передаёт сообщение, а ставит нас в позицию «наёмный работник», полагающую под собой определённый тип поведения, которому нужно соответствовать;

– Межличностный – отношения между конкретными людьми. Здесь авторитет прямо может направлять наше восприятие текста через обращения по типу «Это про всех нас!/Тебе стоит взять пример с...». Также может быть ненамеренное направление на интерпретацию как код.

В случае, если уровни посылают противоречие друг другу установки на восприятие, то исходным всегда будет институциональный уровень, производящий «рационально адекватную» установку, т.е. классовое сознание [5, с. 150]. Остальные уровни будут специфицировать эту установку.

Наконец, поскольку идёт речь о сообществе, а не отдельном человеке, то нужно объяснить способ распространения понимания. Р. Коллинз предлагает понятие интерактивного ритуала, состоящего из нескольких элементов: 1) группы, 2) фокуса участников на объекте и знания, что это общий фокус, 3) наличие общего настроения. Это порождает несколько социальных эффектов: взаимный фокус усиливается, происходит объединение в общую реальность, появляется ощущение общих моральных обязательств, общих символов и наполнение эмоциональной энергией пропорционально интенсивности взаимодействия [6, с. 69-70]. Подобный ритуал формирования текстологического сообщества является базовым, но не единственным. Распространение происходит через цикл идеализации – материализации, успешность которого зависит от трёх параметров восприятия текста. Таково материалистическое объяснение.

Литература

1. Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the 11th and 12 th Centuries / B. Stock. – Princeton: Princeton University Press, 1983. – 604 p.
2. Ильенков Э. В. Диалектика идеального / Э. В. Ильенков // Логос. – 2009. – №1 (69). – С. 3-62.
3. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры, т. 1. - Таллин: "Александра", 1992. - С. 75-89.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. – 2011. – №3 (77). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/ (дата обращения: 02.05.2025).
5. Лукач Д. Классовое сознание / Д. Лукач // История и классовое сознание; пер. с нем., предисловие С. Н. Земляного. – М.: «Логос-Альтера», 2003. – С. 145-178.
6. Коллинз Р. Социология философии / Р. Коллинз; пер. с англ. Н. С. Розовой и Ю. Б. Вергейма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1283 с.

Пигин Данил Викторович
аспирантура, «философия»
Уральский федеральный университет
(г. Екатеринбург)
Pigin_danil@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00851)

ПОСТЮГОСЛАВСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ – ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

Когда речь заходит практически о любых изменениях в культуре, война всегда является тяжелым испытанием. Однако гражданская война является особым случаем, так как часто в её генезисе лежат тяжелые социальные противоречия, а постконфликтное восстановление осложняется разрывом прежних личностных связей, переформатированием общественных отношений и культурных устоев [1, с. 162].

Если война с внешним агрессором является мощным консолидирующим фактором даже в многонациональном государстве, то гражданская война обостряет межэтническое противостояние. Как итог конфликтный и постконфликтный период вовремя и после гражданской войны особенно сильно отражается в искусстве из-за сильнейшего запроса на рефлексию быстро меняющейся социальной среды. Примером такого процесса является распад Югославии.

Социалистическая Югославия являлась уникальным для второй половины 20го века государством. Сформировавшееся после второй мировой войны государство населяло множество народов, таких как сербы, хорваты, словенцы, албанцы, черногорцы, боснийцы. Такое разнообразие кроме управленческих проблем усугублялось историей противостояния между этими группами, что повышало социальную напряженность и являлась одной из главных угроз для власти на протяжении всего периода существования независимой Югославии [2, с. 63].

Правительство Тито пыталось решать эту проблему различными методами, как политическими, так и культурно-идеологическими. Так, буквально в первые годы существования страны, Югославия налаживает контакт с СССР в сфере производства кино. Хотя сотрудничество не продлилось долго на фоне внешнеполитического конфликта между Сталиным и Тито, изначальный импульс, которое получила кинематография позволил ей начать самостоятельное развитие по пути становления полноценной массовой культурой и, с одной стороны, стать одним из главных проводников формирования Югославской идентичности, а с другой стороны мощным инструментом постконфликтной рефлексии [3, с. 221-244].

Учитывая, что большинство государственных чиновников (как и самих сценаристов и режиссеров) были участниками сопротивления во время второй мировой войны, одним из основных жанров, оформившихся в Югославской киноиндустрии, стало партизанское кино. Фильмы про партизан стали «визитной карточкой» Югославского кинематографа и главным ретранслятором государственной идеологии. Важно отметить, что благодаря этим событиям кино прошло через этапы становления и эволюции, сформировавшись как полноценная региональная индустрия массовой культуры со своими особенностями и национальными чертами.

«Среднестатистический» герой таких партизанских фильмов как «Козара», «Вальтер защищает Сараево», «Пятое наступление», «Партизанская эскадрилья» внедрял эстетически убедительный образ человека, умеющего выживать путем солидарности со «своими» поверх этнических и конфессиональных различий, прибегающего к оправданному насилию как способу решения любых проблем [4, с. 94].

Распад единого Социалистического Югославского Государства сильно ударили по кинематографу и популярности партизанского кино, в частности. С одной стороны, на индустрию повлияли чисто экономические причины, связанные с резким сокращением государственной поддержки и разрушением инфраструктуры. Однако в том числе обострился идеологический кризис, который нивелировал потребность в образе Югославского партизана. Уже начиная со смерти Тито в 1980 году количество фильмов про партизан сокращается, и смысловая акцентуация всё сильнее смещается от идеологического нарратива.

Начало 90-х ознаменовалось практически полным сворачиванием классического социалистического нарратива. С одной стороны, как уже было сказано выше, распад государства резко сократил централизованное финансирование, но с другой стороны, что даже более важно, пропал запрос от власти на формирование и поддержание вышеупомянутого образа воина-партизана. Как итог исходя из новых условий акценты новых сюжетов смещаются в плоскость осмысления прошлого, как в фантасмагоричной комедии Эмира Кустурицы «Андерграунд» высмеивающий партизанский миф, и отражения кризиса настоящего, как в фильмах «Раны», «Бочка пороха», «Битва за Вуковар». Герои этих фильмов имеют гораздо более сложные и разнообразные характеры, а насилие в этих фильмах не всегда имеет смысл, идеологическую или моральную коннотацию.

При этом важно отметить, что, несмотря на пережитую материальную деградацию и кризис государственных институтов, югославский кинематограф сумел адаптироваться к изменившимся социальным условиям. Кино, как вид художественного творчества, не только отразило актуальные смыслы, но и стало важным инструментом постконфликтной рефлексии, представив новый художественный продукт, который оказался актуален для общества в условиях гуманитарного, социального и идеологического кризиса.

Литература

1. Боянич П. Война и прекращение насилия: проектирование справедливых институтов / П. Боянич // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 156–167.
2. Городецкая Н. Б. "Сербы" или "Югославы": к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии / Н. Б. Городецкая // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2017. – С. 63–76.
3. Stvaranje socijalističkog čovjeka: hrvatsko društvo i ideologija jugoslavenskog socijalizma / И. Дуда (ред.). – Загреб: Srednja Europa, 2017. – 284 с.
4. Тульчинский Г. Л. Кинонarrатив насилия в формировании гражданской идентичности / Г. Л. Тульчинский // Наука телевидения. – 2014. – С. 91–98.

*Соковнина Екатерина Львовна
магистратура, 2 курс, «Философия цифрового общества»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
sokovnina.k@yandex.ru*

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА МЕТАМОДЕРНА

Геймификация как стратегия работы с человеческим поведением в процессе своего развития приобретает статус современной культурной практики. Она внедряется повсеместно во все ключевые жизненные сферы – от здравоохранения, образования и науки до профессиональной деятельности и организации социальных взаимодействий.

По определению С. Детердинга, главы The Gamification Research Network (GRN), геймификация – «это использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах» [1, с. 9], что образует новые способы взаимодействия человека с реальностью, её восприятия и преобразования. Появление и развитие геймификации хронологически совпадает с культурной эпохой, которую Т. Вермюлен и Р. ван ден Аkker определяют как метамодерн – эпоху осцилляции между модерном и постмодерном, искренностью и иронией, единством и множеством [2].

Геймификация может быть интерпретирована как пограничная культурная практика, воспроизводящая метамодернистскую логику. Использование игровых механик и элементов в повседневности создаёт ситуацию осцилляции между игрой и серьёзностью, виртуальным и реальным, развлечением и трудом. Это положение «между» в концепции Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера составляет сущность метамодернистской установки.

Философское переосмысление подхода Дж. Макгонигал позволяет раскрыть метамодернистскую природу геймификации. Исследовательница утверждает, что «реальность, в отличие от игр, разрушена» [3, с. 43]. Под «разрушенностью» реальности понимается её фрагментарность, бессмысленность, утрата целей и структур, что соотносится с постмодернистской логикой. Видеоигры, в свою очередь, хранят структуру, дают мотивацию и цель, что показывает их близость к модернистскому конструктивизму.

Геймификация, в этом случае, оказывается пространством между деконструкцией и реконструкцией, фрагментарностью и цельностью, реальностью и игрой. Именно «между» даёт возможность интерпретировать геймификацию как культурную практику метамодерна.

При этом Дж. Макгонигал предлагает не уйти от реальности, а, наоборот, преобразовать её средствами видеоигр. Как отмечает А.С. Ветушинский, это характеризует её проект геймификации как «антиэскапистский» [4, с. 22]. Таким образом, геймификация становится инструментом реконструкции смысла в пограничной зоне между видеоигрой и актуальной действительностью.

Воплощение антиэскапистского проекта Дж. Макгонигал – игры в альтернативной реальности (ARG, alternate reality games). Они предполагают вовлечение игроков во встраиваемые в повседневность игровые сценарии. Альтернативные реальности, в которых происходят такие игры, не стремятся заменить собой «разрушенную» реальность, но создают возможность пережить её по-другому, благодаря интеграции структур, мотивации, цели и смысла. По верному замечанию А.С. Салина, игрок в ARG одновременно осознаёт, что он в игре, но при этом ведёт себя так, будто это не игра, а реальность как таковая [см. 5, с. 318]. Это позиция «между»:

с одной стороны, ироничная по отношению к игровому процессу, с другой – искренне включённая в него. Игрок пребывает в метамодернистской осцилляции между противоположными друг другу состояниями.

Если ARG представляют собой конкретный метод геймификации, направленный на реструктуризацию индивидуального опыта, то, как показывает В.В. Седов, геймификация в контексте метамодерна начинает моделировать социальную реальность и быть способом её культурного осмысления. Современное общество, по его наблюдению, адаптирует элементы игрового дизайна, в частности «квестовую линию» [6, с. 96]. Так обретение субъектом уникального знания становится сопоставимо с достижением в игре и подтверждает прохождение им символического испытания, в результате которого он получает социальное признание. Геймификация, таким образом, внедряет в социальные практики агональную логику, основанную на статусе, прогрессе и рейтинге.

Геймификация в ситуации метамодерна предлагает новую модель организации культурного опыта, в которой условное и реальное не противопоставляются, а переживаются субъектом единовременно. Тем самым геймификация выходит за рамки своего изначально инструментального предназначения и становится формой культурной практики, позволяющей осмыслять реальность через игровое взаимодействие. Она осциллирует между включенностью и дистанцией, искренностью и иронией, формируя новое пространство переживания культуры.

Литература

1. Deterding S. [et al.] From Game Design Elements to Gamefulness: Defining «Gamification» / S. Deterding [et al.] // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. – September 28–30, 2011. – Tampere, Finland. – Tampere: ACM, 2011. – P. 9–15.
2. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2, № 1. – URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (дата обращения: 14.04.2025).
3. Макгонигал Дж. Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир / Дж. Макгонигал ; пер. с англ. Н. Яцюк ; науч. ред. В. Шульгин. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2028. – 384 с.
4. Ветушинский А.С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации / А.С. Ветушинский // Социология власти. – 2020. – Т. 32, № 3. – С. 14-31.
5. Салин А.С. Геймификация: осмысление и переосмысление / А.С. Салин // Видеогры: введение в исследования. – Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2018. – С. 296-334.
6. Седов В.В. Пост-истина как социально-политический феномен / В.В. Седов // Вестник Российской философского общества. – 2024. – № 1-2(107-108). – С. 92-102.

Тюкаева Галина Александровна

*аспирант, ассистент каф. «Компьютерные технологии и системы»
ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет»*

(г. Брянск)

miss.tolosssky@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Современная эпоха характеризуется ускоренным развитием техники, где ключевую роль играет искусственный интеллект (ИИ). Инструменты на его основе – от генеративных моделей, таких как GPT-4 и StyleGAN, до интеллектуальных роботов и нейроинтерфейсов – активно проникают в повседневность, трансформируя не только профессиональные практики и образ жизни, но и саму природу человеческого существования.

Возникает необходимость переосмысливания антропологического статуса человека в условиях социально-техногенного развития мира. Ещё Г.Маркузе в своих работах писал, что общество посредством технологий: средств массовой информации, рекламы, промышленного менеджмента, – снижает критическое мышление людей, создавая «одномерного человека» [1]. Сегодня техника развита значительно сильнее, алгоритмы уже определяют наши решения и ценности. Так биотехнологии и ИИ поднимают вопросы об угрозе самой идеи автономного субъекта не только в плане корректировки мировоззрения, но и в биологическом смысле. Для понимания данных процессов требуется методология, способная охватить комплексное взаимодействие социальных, технологических и биосферных факторов. Именно такой подход предлагает междисциплинарная научно-философская школа при Брянском государственном техническом университете. Через призму социотехноприродного подхода, развиваемого Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, можно рассмотреть влияние искусственного интеллекта на три взаимосвязанных части: социосферу, техносферу и биосферу [2]. Так ИИ интерпретируется не как внешний инструмент автоматизации задач, а как внутренний элемент процесса антропогенеза в условиях техногенного развития мира.

Согласно работам Э.С. Демиденко, развитие человека проходит через несколько этапов. На первом этапе человек является частью биосферы: его деятельность была ограничена природными циклами, он воспринимался как человек-биосферный. С началом техногенного этапа, особенно в индустриальную и постиндустриальную эпохи, человек вступает в качественно новое состояние – человек техносферный. Это не просто технологически вооружённый человек, но и субъект, погружённый в искусственно сконструированную среду – техносферу [3]. В этом контексте ИИ становится не внешним инструментом, а частью антропологического ландшафта, срастающимся с человеческой идентичностью.

Один из наиболее значимых векторов трансформации связан с понятием субъективности. В цифровую эпоху возникает феномен гибридной идентичности – слияния человека с технологиями. Это выражается в использовании нейроинтерфейсов, создании цифровых аватаров, персонализированных ИИ-ассистентов и даже симуляция личности после смерти (проекты цифрового бессмертия). Возникает «алгоритмическое Я», чья граница между настоящим и виртуальным всё менее различима.

На этом фоне особое внимание уделяется трансгуманизму – философскому движению, утверждающему необходимость технологической эволюции человека. Согласно его ключевым идеологам – Р. Курцвейлу, Н. Бострому и другим – человек будущего должен превзойти

свои биологические ограничения посредством ИИ, нанотехнологий и генной инженерии. Р. Курцвейл, в частности, предсказывает наступление технологической сингулярности – момента, когда ИИ превзойдёт человеческий интеллект и определит ход эволюции [4].

Однако подобные идеи вызывают дискуссии. Так, Ф. Фукуяма называет трансгуманизм «самой опасной идеологией XXI века», а риск разрушения моральных границ человеческого возрастаает [5]. Наша научно-философская школа при БГТУ предлагает альтернативную парадигму: не вытеснение природы технологиями, а их органичное сосуществование. Человек должен оставаться субъектом, не растворяясь в потоке алгоритмов.

Среди множества угроз: потеря автономии и формирование «алгоритмического сознания». Системы социального рейтинга, применяемые в Китае, формируют алгоритмическую норму поведения.

Не менее значим вопрос цифрового бессмертия – сохранения цифровых копий личности. Технологии «воскрешения» через ИИ стирают границы между жизнью и смертью, вызывая моральные и правовые споры.

Кроме того, может возникнуть «цифровой разрыв» – расслоение между теми, кто включён в ИИ-среду, и «цифровыми аутсайдерами». Всё перечисленное требует нового этического каркаса, в основе которого должно лежать уважение к человеческому достоинству и природе как к ценности, а не к ресурсу.

Н. Бостром и Э. Юдкоский подчёркивают, что этика ИИ должна строиться с учётом долгосрочных последствий – особенно при разработке систем с элементами автономности и обучения. Отсутствие контроля может повлечь за собой экзистенциальные риски.

ИИ не просто трансформирует отдельные сферы человеческой жизни, но и меняет саму антропологическую матрицу. Если рассматривать ИИ через призму социотехноприродного подхода, то можно сказать, что данная технология становится фактором коэволюции, а не внешним вмешательством.

Будущее может развиваться по разным сценариям: от слияния человека с ИИ до кризиса идентичности и социального разлома. Главная задача – сохранить в трансформации человеческое измерение и не утратить способность к этическому самоопределению. Кроме того, важно сохранить саму биосферу и связь с ней.

Литература

1. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society / H. Marcuse. – Boston, MA: Beacon Press, 1991. – 272 p. – ISBN: 0807014176.
2. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование: монография / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева. – Москва: URSS, 2023. – 280 с.
3. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева. – Москва: КРАСАНД, 2010. – 288 с.
4. Быков Е. Сингулярность всё ближе: футуролог Рэй Курцвейл о том, как ИИ изменит человечество / Е. Быков // Московские новости. – 10.08.2024. – URL: <https://www.mn.ru/long/singulyarnost-vse-blizhe-futurolog-rej-kurczvejl-o-tom-kak-ii-izmenit-chelovechestvo> (дата обращения: 04.05.2025).
5. Трансгуманизм как идея (по Фукуяме) // Teletype. – 2021. – 22 июня. – URL: <https://teletype.in/@accelrnd/transhumanism-idea-fukuyama> (дата обращения: 04.05.2025).

Александра Валентиновна Щукина
магистратура, 1 курс, «Управление культурно-образовательной
и культурно-просветительской деятельностью»
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(г. Ярославль)
alexandra21shchukina@yandex.com

СИМБИОТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: «ВЕНОМ» (2018) Р. ФЛЕЙШЕРА

Современная массовая культура всё чаще становится пространством, где исследуется и переживается человеческая «инаковость» – тревожная, деструктивная, но и потенциально преобразующая и созидающая категория чувств [1]. Фигура Венома из одноимённого фильма Рубена Флейшера (2018) позволяет проанализировать культурный опыт «вселения» как метафору внутреннего раскола, кризиса идентичности и трансформации субъекта в условиях постмодернистской культуры.

Постмодерн отказывается от идеи последовательного становления личности, предлагая взамен фрагментированный, симулятивный субъект [1]. Идея инаковости, которая ранее всегда обладала скорее негативной коннотацией («маргинальная», «ненормальная», «патологическая»), становится полноценной частью в процессе становления личности. Мотив «вселения» чужого в человека восходит к древним религиозным обрядам и религиозным образам, шаманским практикам, где иное существо временно «обитает» в теле [4]. В XX веке тема чужого внутри получает новые интерпретации; страх утраты идентичности и контроля над собственным телом становится одной из ключевых проблем в фильме «Чужой» Р. Скотта (1979), где «инаковость» существует в теле героя и буквально разрушает его изнутри. Возникшая вторая «личность» перестает быть только угрозой: она становится частью субъекта, метафорой его внутренней амбивалентности [3, с. 89]. В «Веноме» иной организм – симбиот – вторгается в тело главного героя (Эдди Брука), развивая тем самым внутренний конфликт персонажа. Это не просто художественное решение, характерное для фантастического жанра, но отражение повседневного переживания современного человека, сталкивающегося с множеством идентичностей, социальных ролей, давлением цифровой среды, порождающими и обостряющими внутренние противоречия [2, с. 87–90].

Симбиоз Эдди Брука и Венома – представляет модель трансгрессивного субъекта, в котором «я» уже не принадлежит себе полностью [3]. Это «симбиотическая идентичность», где личность существует во множественном числе и подвержена постоянному изменению. Подобная раздвоенность субъекта обнаруживается не только в массовой культуре, но и в повседневной цифровой реальности: «я» – это одновременно пользователь, аватар, комментарий, алгоритм [3]. В современную эпоху стремительной цифровизации человек всё чаще ощущает себя «чужим» в привычном ему культурном пространстве. Веном не уничтожает героя, но и не растворяется в нём – они учатся сосуществовать. Внутренний диалог между героем и симбиотом воплощает внутреннее расщепление между разумом и инстинктом, телом и речью, долгом и влечением, контролем и стихийностью – все эти оппозиции формируют поле напряжения, где субъект оказывается одновременно и собой, и другим. Этот мотив можно рассматривать

как процесс принятия себя, своих страхов и противоречий – как необходимого аспекта развития идентичности в новых условиях цивилизации, а также в рамках процесса становления личности как таковой [4].

Так, Веном, появляясь в начале как угроза, становится затем ключом к освобождению героя от внутренних проблем и «зажимов»: через Венома Энди Брок получает доступ к подавленным импульсам, становится сильным и решительным. Одним из ключевых эпизодов, иллюстрирующих внутреннюю трансформацию Эдди, становится сцена в ресторане, когда он внезапно врывается внутрь, странно себя ведёт, пробует пищу с чужих тарелок, в панике бросается в аквариум с живыми омарами и начинает их поедать сырыми. Этот жест – не просто странное, неадекватное поведение, но демонстративное выражение отказа от социальных норм и табу, проявление своего природного начала. Именно здесь впервые зримо проявляется симбиотическая инаковость: чужой вкус, чужие желания, чуждая телу сила, которая не подчиняется сознанию. Однако вместе с тем приходит и отчуждение от самого себя. Именно эта амбивалентность и формирует культурную антропологию симбиоза: субъект не может вернуться к себе прежнему, он – уже всегда в состоянии диалога с собой, вечной борьбы со своими внутренними противоречиями. Это состояние можно соотнести с тем, что Жиль Делёз и Феликс Гваттари называли «становлением-другим» – непрерывным процессом, в котором человек не фиксируется в одной идентичности, а постоянно её меняет, теряет и вновь обретает, принимая новый опыт и открывая новые грани своей личности [5].

Таким образом, «Веном» в контексте постмодернистской культуры является собой настоящее философское высказывание о человеческой идентичности. Переживание симбиоза становится образом антропологического опыта XXI века – опыта тревожного ощущения инаковости, слияния и освобождения через присутствие «иного» внутри себя. Через культурный миф массового кино раскрывается драма личности, ищащей своё «я» в мире, где оно уже не перестает принадлежать ей самой.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 416 с.
2. Гурьева С. А. «Я и другие»: субъективность в цифровом обществе / С. А. Гурьева // Вестник философии и культурологии. – 2021. – № 4. – С. 87-90.
3. Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз Ф. Гваттари. – М.: У-Фактория, 2010. – 720 с.
4. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерки социологии / А. Турен. – М.: Логос, 2008. – 248 с.
5. Харрис А. Монстры в нашем сознании: культура страха и кино XXI века / А. Харрис. – СПб.: Алетейя, 2020. – 304 с.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Абдуллина Арина Маратовна, Киреева Мария Олеговна,

Низамова Ралия Радиевна

специалитет, 2 курс, «лечебное дело»

Казанский государственный медицинский университет

(г. Казань)

ralia.ralani@yandex.ru

ДАЗАЙН-МЕТОД: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Мартин Хайдеггер (1889–1976) – немецкий философ и один из самых влиятельных мыслителей XX века, известный своими работами в метафизике, экзистенциализме и феноменологии. Его философия утверждает, что смысл бытия открыт только человеческому разуму, который, сталкиваясь с «Ничто», стремится к общим сущностям и таким образом познаёт своё бытие. Он радикально переосмыслил традиционную онтологию, предложив Дизайн-метод, который представляет собой феноменологический подход к исследованию бытия. Сначала необходимо определить смысл понятия «Дизайн»: в немецком языке слово *Dasein* появилось в 18 веке, изначально означало «Присутствие». В 19 веке оно стало означать и до сих пор означает «существование», «существование сущего», «сущее» [1].

Если рассматривать конкретно философию Хайдеггера, *Dasein* обозначает как конкретное сущее – человека, так и его бытие, его сущность. С одной стороны, *Dasein* – это "сущее, которое мы сами суть, человеческое *Dasein*". С другой – это "бытие человека", а не сам человек, а то, что делает его человеком, ближе к понятию человечности, чем к понятию человека. Это различие подчеркивает онтологическую дифференцию, где бытие не равно сущему [2].

Хайдеггер критикует традиционную метафизику за "онтотеологию", указывая на антропоцентризм, вызванный предположением о Боге. Он предлагает "деструктурировать" метафизику и сосредоточиться на сущности бытия, подчеркивая, что Дизайн существует в контексте взаимодействия с миром и другими людьми. Хайдеггер пересматривает понятие времени как экзистенциального горизонта, определяющего возможности Дизайн. Существование может быть подлинным, связанное с осознанным выбором и признанием конечности, или неподлинным – бегством от себя. Дизайн способен интерпретировать свой опыт, что всегда субъективно и зависит от контекста [3].

В настоящее время *Dasein*-метод применяется в различных областях. Так, например, в *Dasein*-анализе, или экзистенциальной психотерапии, который помогает пациентам осознать, как их существование влияет на восприятие мира и проблемы. Его основателями считаются швейцарские психиатры Людвиг Бинсангер и Медард Босс. Бинсангер проводил исследования, а Босс в 1960-х основал в Цюрихе программу подготовки Дизайн-аналитиков для психиатров и психотерапевтов. Сооснователем школы стал Жион Кондрау, который в 1990 году основал Международную Федерацию дизайн-аналитической психотерапии (IFDA).

Вдохновленные идеями Хайдеггера, психологи начали акцентировать внимание на понимании человеческого существования (*Dasein*). Этот процесс включает два этапа: сначала определяется *Dasein* как существо, для которого важна суть его существования, затем исследуется, как достичь подлинности в этой самоотнесенной структуре. Дизайн-анализ исследует идентичность, свободу выбора и ответственность, рассматривая экзистенциальные кризисы, такие как страх смерти и поиск смысла жизни. Диалог в терапии способствует пониманию эмоций и отношений, а также помогает принимать свои чувства и осознавать влияние социальных факторов.

«Организационное консультирование» в том числе основывается на методике Дизайн. Оно улучшает работу организаций, акцентируя внимание на человеческом факторе. Основные аспекты включают гуманизацию рабочей среды, изменение структуры, развитие лидерства и устойчивое развитие. Это позволяет оптимизировать организацию под потребности сотрудников и бизнес-цели, а также способствует долгосрочному росту.

Дизайн-метод нашел применение также в дизайне и архитектуре, что важно для создания пространств, способствующих благополучию. Человекоцентричный подход учитывает потребности пользователей, используя натуральные материалы и комфортную планировку. Проектирование, ориентированное на взаимодействия, улучшает динамику и чувство принадлежности. Хорошая звукоизоляция и доступ к природе снижают стресс и повышают продуктивность, а учет культурных контекстов делает пространство значимым для пользователей [4].

Смысл «Дизайн» изменился с оригинального понимания Хайдеггера. Ж.-П. Сартр связывает *Dasein* с «человеческой реальностью», антропологизируя его. В *Dasein*-анализе Л. Бинсвангера и М. Босса появляются новые интерпретации. Г. Маркузе рассматривает *Dasein* в марксистском контексте как класс. Э. Гуссерль считает подход Хайдеггера «переносом» феноменологии в антропологию. Н. Гартман критикует онтологию *Dasein* за релятивизацию бытия к субъективному восприятию, а Т. Адорно утверждает, что хайдеггеровское понимание *Dasein* фиктивно и не позволяет ему стать «прафеноменом».

В заключение, концепция *Dasein* Хайдеггера, переосмысливая традиционное понимание бытия, оказала огромное влияние не только на философию, но и на практику. *Dasein*-метод, основанный на идеи "бытия-в-мире", позволяет глубже понять человеческую природу, пути к подлинности, ответственности и смыслу, находя применение в психотерапии, управлении, дизайне для создания гармоничной среды. Знание о *Dasein*-методе полезно студенту, так как способствует глубокому самопознанию, развитию критического мышления и расширению профессиональных горизонтов, позволяя лучше понимать человеческую природу и возможности для более осмысленной и аутентичной жизни.

Литература

1. Ефимович Н. А. *Dasein* Мартина Хайдеггера / Н. А. Ефимович // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2024/11/15/1534> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Вавилов А. В. *Dasein* – (не)человеческое в человеке? / А. В. Вавилов // История философии. – 2020. – № 1. – С. 62-72. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dasein-ne-chelovecheskoe-v-cheloveke> (дата обращения: 13.02.2025).
3. Цветухина Е. А. Проблема бытия человека в философии М. Хайдеггера / Е. А. Цветухина // Омский научный вестник. – 2015. – № 2(136). – С. 89–91. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bytiya-cheloveka-v-filosofii-m-haydegera> (дата обращения: 22.08.2025).

4. Кобзарева И. И. Прилепских О. С. Гончаров А. С. Проблема дазайн-анализа в экзистенциальной психологии / И. И. Кобзарева О. С. Прилепских А. С. Гончаров // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-1. – С. 364-367. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-dazayn-analiza-v-ekzistentsialnoy-psihologii> (дата обращения: 03.05.2025).

Аминов Дмитрий Дамирович
бакалавриат, 1 курс, лингвистика
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
ad.20200@mail.ru

ЗАЧЕМ ЛИНГВИСТУ ФИЛОСОФИЯ?

Лингвистика и философия исторически связаны через изучение языка как инструмента познания и коммуникации. Современный лингвист сталкивается с вопросами, выходящими за рамки чистой структуры языка: как язык отражает реальность?, как значения формируются в сознании?, что такое истина в контексте высказывания? Философия предоставляет концептуальные инструменты для ответов на эти вопросы [3, с. 2-3]. В данных размышлениях я хочу продемонстрировать, что без философского подхода лингвистика рискует стать узкоэмпирической дисциплиной, игнорирующей глубинные связи языка с мышлением и миром.

Философия как методологическая основа лингвистики

На примере книги Б.И. Баркова, Н.А. Жданович и А.Д. Бартковой видно, как философские концепции пронизывают лингвистический анализ. Авторы исследуют, как языки кодируют количество (число, квантификаторы, числительные), подчеркивая, что лингвистические категории отражают философские представления о природе количественных отношений. Например, в одних языках грамматическое число жёстко связано с онтологическим статусом объектов (дискретное против непрерывного), в других – допускает вариативность, что указывает на культурно-обусловленное восприятие количества [1, с. 45-47].

Ярким примером также служит следующее: в русском языке различие между «два яблока» (точное количество) и «пара яблок» (нечёткая совокупность) отражает философскую проблему границы между дискретным и непрерывным.

Квантификация и восприятие

Исследование квантификаторов (“каждый”, “много”, “несколько”) сталкивается с философско-лингвистическими парадоксами. Рассмотрим предложение: “Каждый участник конкурса хорошо подготовлен”. [4, с. 27] Если участников конкурса не существует (предикат обозначает пустое множество), возникает противоречие: квантор “каждый” предполагает существование индивидного объекта, которому можно приписать свойство “быть подготовленным”. Однако при отсутствии объектов ни утверждение, ни его отрицание (“Ни один участник не подготовлен”) не могут быть однозначно истинными, что нарушает закон исключённого третьего. Этот парадокс показывает нам, что квантификаторы не всегда отсылают к реальным объектам, а зависят от конвенций языка и логических моделей. Как отмечают авторы, подобные случаи требуют обращения к философской семантике, чтобы объяснить, как язык “конструирует” реальность даже в условиях эпистемической неполноты (например, отсутствия референтов).

Логика и логическая семантика

Работа Готтлоба Фреге «Логика и логическая семантика» демонстрирует, как философские идеи формируют лингвистические теории: Фреге разделяет смысл и значение (Sinn und Bedeutung) [2, стр. 424]. Например, выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» имеют разный смысл, но одно значение (планета Венера). Для лингвиста это ключ к анализу синонимии и референции. Идеи Фреге легли в основу формальной семантики. Лингвисты

используют логические модели, чтобы описать, как из слов складывается истинностное значение предложений.

Практическая польза философии для лингвиста

Почему в одних языках можно сказать «две воды», а в других – нет? Философский анализ понятий единичности и множественности помогает объяснить эти различия. В.Г. Субич, Л.Г. Чабанова отмечают, что, к слову, Пифагор рассматривал число как субстанцию, существующую не только в вещах, но и независимо от них. Таким образом, число наделялось некоторыми магическими свойствами. [5, стр 1]. От себя предположу, что это также может быть связано с культурами и их взглядами на мир.

Машинный перевод и философия

Без философского понимания смысла алгоритмы, то есть компьютеры, ИИ и другие сервисы для перевода языка на основе машинного перевода не могут адекватно интерпретировать контекст. Например, фраза «I see a bat!» требует различения животного и спортивного инвентаря. Фрегеанский подход к разделению смысла и значения здесь становится критически важным [2, стр 302-303].

Заключение

Философия не просто важна лингвисту. Она необходима для постановки глубоких исследовательских вопросов (например, о природе количества, смысла, истины), понимания связи языка с мышлением и реальностью, разработки методов анализа, выходящих за рамки поверхностных структур.

Литература

1. Бартков Б. И. Жданович Н. А. Барткова А. Д. Лингвистика и философия. Категория количества / Б. И. Бартков, Н. А. Жданович, А. Д. Барткова. – Казань: Бук, 2022. – 194 с.
2. Фреге Б. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Б. Фреге; пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
3. Правдин М. Н. Философия для лингвистов / М. Н. Правдин // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 1999. – № 3. – С. 45–57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-dlya-lingvistov> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Куслий П. С. Кванторы и онтология естественного языка / П. С. Куслий // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 1. – С. 25–41. – URL: <https://pj.iphras.ru/article/view/119/74> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Субич В. Г. Чабанова Л. Г. Языковое количество и его классификации / В. Г. Субич Л. Г. Чабанова // Проблемы типологии языков. – 2011. – Т. 5. – С. 138–146. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1761180055/Statya.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Амирханова Эвелина Рустемовна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
amirkhanova.evelina06@mail.ru

НУЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОМУ ИСКУССТВУ?

Если говорить о философии и искусстве, то можно прийти к такому выводу, что они всегда были связаны: философия находит ответы в вопросах искусства, однако в наше время, а именно в эпоху новых технологий, сложно понять ее значение. Современное искусство находится под риском: она может стать просто развлечением, утратив свой смысл, поэтому целью данной работы является необходимость понимания философии для современного искусства. Основные задачи – узнать, что будет с искусством, если оно полностью откажется от философии и понять, какое влияние оказывает философия на современное искусство.

На самом деле, зависимость искусства от философии вскоре может стать крайне незначительна из-за двух основных причин: 1) современное искусство стремительно меняется, находясь под воздействием различных технологических тенденций, и к его анализу не всегда применимы классические подходы философии искусства; 2) изменения коснулись и познающего искусство субъекта, который выходит за рамки философской рецепции [с. 47] (искусство как объект исследования не пользуется широкой популярностью среди учёных, представляющих различные научные дисциплины). Стоит добавить, что многим зрителям, включая профессионалов, иногда бывает трудно понять актуальное искусство, поэтому для его понимания нужен посредник между «художественным» и «реальным» [с. 50] – то есть философ. Он никак другой сможет объяснить всю суть, которую могли не уловить.

Без философии современное искусство может потерять свою глубину и уникальность. Так, в 2025 году, нейросеть стала актуальной темой для дискуссий. Если раньше она выполняла роль помощника в повседневных задачах (бытовых, математических задачах и т.п.), то сейчас с помощью нее создают различные сгенерированные изображения. Это стало поводом принижения работ огромного числа художников: порой даже сложно узнать, где настоящая картина от руки, а где нейросеть. Философский подход помогает понять, что настоящее искусство – душа и уникальный взгляд художника. Чтобы искусство продолжало развиваться, важно сохранять человеческий фактор.

Влияние философии на современное искусство весьма значительное. В наше время многие современные художники используют философские идеи для своих произведений. Они ставят концепцию выше, чем эстетическую ценность. Среди наиболее популярных направлений, таких как постмодернизм, экзистенциализм, феминизм и герменевтика, каждое вносит свой уникальный вклад и широко используется в современном искусстве. Постмодернизм, например, отказывается от абсолютных истин. В искусстве это выражается в изменении традиционных форм, создании новых произведений. Экзистенциализм фокусирует внимание на свободе и смысле жизни, благодаря чему художники делают акцент на индивидуальные переживания и внутренние раздумья персонажей в своих работах. Феминизм стремится к равенству прав и устранению гендерных стереотипов, вдохновляя многих на создание работ, кото-

рые расширяют возможности для женщин. Герменевтика, в свою очередь, позволяет интерпретировать произведения искусства, что дает возможность зрителям и критикам находить другие смыслы в существующих произведениях.

Исходя из вышесказанного, стоит рассмотреть идеи того, как не допустить разрывов связи между философией и современным искусством. Необходимо предпринять меры, направленные на взаимопонимание между этими двумя областями: чтобы художники не только изучали философские концепты, но и применяли их своих работах. Философы, в свою очередь, для вовлечения в процесс создания искусства, могут участвовать в различных обсуждениях и сотрудничать с художниками. Современные технологии предоставляют большое количество возможностей, упрощая «диалог» между философией и искусством, например: онлайн-курсы, выставки, социальные сети могут стать помощником в обучении или взаимодействия с аудиторией. Это позволит людям получить новые знания и заниматься рефлексией. Философия таким способом помогает понять смыслы, которые заложены в произведениях искусства.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что философия и современное искусство постоянно взаимодействуют друг с другом. Искусство не может существовать без философии, ведь философское осмысление превращает произведения в инструменты познания. Его отсутствие может привести к тому, что искусство может лишиться определенного интеллектуального содержания и стать декоративным объектом. Поэтому философия считается основой в искусстве, она придает суть. Эти два понятия неразрывны.

Литература

1. Попов Е. А. Философская рецепция в современном искусствоведении / Е. А. Попов // Философия и культура. – 2021. – № 11. – С. 47–50.
2. Лисовец И. М. Необходимость философского осмысления актуального искусства / И. М. Лисовец // Философия. – 2016. – №21. – С. 28–35. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45055/1/philosophy21_2016_28.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
3. «Философия XX в. (экзистенциализм, феминизм, герменевтика, постмодернизм)» / StudWood [Электронный ресурс]. – URL: https://studwood.net/955280/filosofiya/filosofiya_ekzistentsializm_feminizm_germenevtika_postmodernizm (дата обращения: 15.04.2025).
4. Экзистенциализм / VeryImportantLot [Электронный ресурс]. – URL: <https://veryimportantlot.com/ru/overview/style/art-style-existentialism> (дата обращения: 15.04.2025)

Багаутдинова Нигина Ильдаровна
бакалавриат, 1 курс, «прикладная математика»
Казанский государственный энергетический университет
(г. Казань)
nigina.ildarovna@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: КОМУ ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖНА?

Ни для кого не является секретом тот факт, что сегодня, в век технологического прогресса и избытка информации, роль философии вызывает разные оценки. Одни считают её устаревшей наукой, которая уже отстаёт от требований времени, другие же считают ее очень важной для осмыслиения сложных проблем, с которыми сталкивается человечество. В представленной работе я попытаюсь доказать, что философия актуальна и необходима для современного мира, так как помогает в развитии критического мышления, формировании этических ценностей, в межкультурном диалоге и даже способствует осмыслиению новых технологий.

Если говорить более детально, то, во-первых, философия развивает аналитическое и критическое мышление. Не секрет, что в условиях избыточности информации человек сталкивается с огромным количеством различных данных – подчас противоречивых и недостоверных. И тогда важнейшим навыком, который помогает ориентироваться в этом потоке информации, становится умение мыслить критически, задавать правильные вопросы и находить аргументы. Именно философские методы: анализ понятий, логика и аргументация – помогают развивать эти навыки [1]. К примеру, современные споры или дебаты о правах человека, об этике искусственного интеллекта или экологической ответственности требуют не только знания фактов или событий, но и умения рассуждать и формировать, и отстаивать собственное мнение.

Во-вторых, философия особо важна в формировании этических ориентиров общества. Глобализация и быстрый научно-технический прогресс способствуют возникновению новых этических дилемм: можно ли использовать генетическую модификацию, как справедливо распределять ресурсы, регулировать развитие технологий? Именно философия, как наука, помогает понять и обосновать основные принципы этической оценки новых явлений [2]. А это в дальнейшем становится «фундаментом» в формировании гуманистических ценностей в построении справедливого и устойчивого мира.

В-третьих, философия служит межкультурному диалогу и толерантности. Известно, что в эпоху глобальной коммуникации «переплетаются» культуры, возникают конфликты на почве недопонимания. То есть, философия выступает некой платформой для осмыслиения различий в культуре и активного поиска общего гуманистического стандарта. Философские идеи, на основе которых строятся взаимопонимание и уважение к другим культурам, достоинству личности, справедливости и взаимной ответственности, помогают избегать конфликтов и строить доверительные отношения между народами [3].

В-четвёртых, можно говорить и о влиянии философии на развитие науки и технологий. Искусственный интеллект, генная инженерия и робототехника – современные мировые достижения, требуют как технических решений, так и этического осмыслиения. И в этом, на мой взгляд, именно философия помогает определить допустимые границы экспериментов «от...»

и «до...», защитить достоинство человека и предотвратить возможные негативные последствия новых технологий [4]. Например, не только научных знаний, но и этического анализа, требуют вопросы о границах вмешательства человека в природу или о «правах» роботов.

Помимо всего прочего, философия важна для развития личности человека. Она помогает ему понять смысл жизни, определять собственные ценности и формировать ответственное отношение к себе и окружающим. В современном мире, где много суеты и происходят культурные изменения, самопознание через философию, как мне кажется, становится особенно актуальным [5].

Подводя итог, хочется отметить, что философия сегодня – это не просто наука, а очень необходимое «интеллектуальное средство» для понимания и активной жизни. Повторюсь, что философия помогает развивать аналитические способности, формировать этические ценности, укреплять межкультурную коммуникацию и осмысливать новые технологические вызовы. В условиях глобальных перемен философия остаётся актуальной и востребованной – она помогает человеку ориентироваться в сложной реальности и искать ответы на важнейшие вопросы жизни человечества.

Литература

1. Понуждаев Э. А. Иванов В. Н. Мирошниченко Л. Н. Философия / Э. А. Понуждаев В. Н. Иванов Л. Н. Мирошниченко. – М.: Директ-Медиа, 2019. – 320 с.
2. XV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность»: материалы конференции / отв. ред. В. Ю. Перов. – СПб.: ООО «Сборка», 2023. – 134 с.
3. От сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. – М.: Наука – Вост. лит., 2022. – 339 с.
4. Третья Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: материалы международной конференции (Москва, 20–23 июня 2023 года) / отв. ред. В. А. Лекторский, В. Г. Буданов. – Москва-Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. – 680 с.
5. Зотова А. Ф. Миронова В. В. Разина А. В. Философия / А. Ф. Зотова В. В. Миронова А. В. Разина. – М.: Академический Проект; Трикста, 2004. – 688 с.

Бикчантаева Карина Маратовна, Гафиатуллин Амир Рафисович
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
karina26052034@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ БОЛИ: ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО В МЕДИЦИНЕ

В данной работе феномен боли, неотъемлемый элемент работы практически любого врача, контактирующего с пациентами, рассматривается на пересечении философии и медицины, с целью выявить пределы объективного подхода и показать необходимость включения субъективного и феноменологического измерения в практику врача. Современная биомедицина стремится объективировать боль, сводя её к измеримым показателям – шкалам интенсивности, диагностическим тестам. Однако с болью связана одна из самых парадоксальных ситуаций в медицине: пациент может испытывать сильные страдания при отсутствии объективных признаков заболевания, что ярко проявляется при хронической боли, психосоматических расстройствах. Такая клиническая реальность ставит перед врачом вопрос: можно ли доверять субъективному опыту пациента, если он не подтверждается объективными методами?

На этот вопрос пытаются ответить философы уже несколько столетий. Рене Декарт в XVII веке заложил основы дуалистической картины мира, в которой тело и разум существуют независимо друг от друга. В рамках этой модели тело рассматривалось как механическая структура, подчиняющаяся законам физики, а разум – как нематериальная субстанция, обладающая способностью к мышлению и осмыслинию опыта. [1] Это повлияло на медицину Нового времени: организм начали воспринимать как объект изучения и измерения, а врача – как специалиста по устранению нарушений в его работе. Но для понимания боли такая модель оказывается неполной: боль дана в переживании – в сознании субъекта, а не только как следствие повреждения тканей. Боль возникает на стыке телесного и душевного, физиологического и личностного, и именно в этом ее философская уникальность. Она может быть несопоставима объективным данным: человек может страдать при отсутствии диагностируемого повреждения, и наоборот – демонстрировать стойкость при серьёзных травмах. Модель тела как механизма, предложенная Декартом оказалась недостаточной для понимания боли, она исключает субъективное измерение страдания. Уже современники Декарта и философы XX века отмечали, что в опыте боли разум и тело неразрывны: человек не просто ощущает боль – он страдает, и этот страдающий субъект не может быть понят как совокупность частей.

Феноменолог М. Мерло-Понти предложил альтернативный взгляд на тело, противоположный дуализму. В своей работе «Феноменология восприятия» он утверждает, что человек не просто «обладает» телом, а есть тело. Он вводит понятие «переживаемого тела» – тела не как объекта анатомического описания, а как субъективно ощущаемой реальности, посредством которой человек вступает в контакт с миром. [2]

В этом контексте боль перестаёт быть лишь биологическим симптомом и становится феноменом, нарушающим структуру бытия, расщепляющим целостное восприятие мира. Боль изменяет наше восприятие пространства, времени, других людей. Человек, страдающий от боли, не просто испытывает дискомфорт – он выброшен из привычной экзистенциальной

схемы, лишён укорененности в теле как основании своего «я». Феноменология подчеркивает, что боль – это опыт, затрагивающий все экзистенциальное поле субъекта, и требует не только клинического, но и философского понимания. Врач, который воспринимает боль лишь как физиологическую величину, рискует упустить главное – изменённое бытие страдающего человека, требующее не только лечения, но и признания.

Американская исследовательница Э. Скэрри в книге «The Body in Pain» утверждает, что боль обладает разрушительной природой. Она не только причиняет страдание, но и «разрушает язык», то есть способность выражать переживание. «Боль не просто сопротивляется языку – она активно уничтожает его» [3, с. 4]. Именно в этом её философская и этическая сложность: она субъективна, неизмерима, часто недоступна наблюдению извне, и поэтому может быть легко поставлена под сомнение. Без объективных подтверждений боль может казаться несуществующей, что порождает двойное страдание – физическое и экзистенциальное. Задача врача – не только устраниить симптом, но и признать боль как подлинный опыт. В этом заключается гуманистическое измерение медицины, которое философия помогает вернуть и осмысливать.

Культурный и философский контекст раскрывает иные смыслы боли: в стоицизме, христианстве, буддизме она рассматривается как путь к очищению или освобождению. Ницше писал: «Тот, кто знает *зачем* жить, может вынести почти любое *как*», – подчеркивая, что страдание обретает смысл через осмысление [4, с. 3]. Философия помогает понять не только природу боли, но и способы её проживания. Для врача это означает, что важно не просто бороться с болью как с симптомом, но и слышать страдающего как личность. Боль нельзя свести к биомаркерам – она требует эмпатии, философского внимания и признания. В паллиативной медицине пациенту часто важнее быть услышанным в своей боли, чем получить очередную дозу обезболивающего. Отсюда необходимость комплексного взгляда на страдание и боль, дополняющего медицинские знания философией и этической чуткостью. Реализация данного подхода является необходимым условием полноценной психофизической реабилитации пациента и достижения им состояния здоровья, определяемой ВОЗ как состояние полного телесного, душевного и социального благополучия, не сводящегося к отсутствию болезней и повреждений [5].

Литература

1. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 2 / Р. Декарт; пер. с лат. и фр.; сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1994. – С. 61–64.
2. Демченко Л. М. Гончаров Н. В. Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти / Л.М. Демченко, Н. В. Гончаров // Вестник ОГУ. – 2012. – №7. – С. 13-22.
3. Scarry E. The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World / E. Scarry. – Oxford Oxford: University Press, 1985. – 385 p.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – С. 368.
5. Юдин Б. Г. Здоровье человека / Б. Г. Юдин // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс] . – URL: <https://bigenc.ru/c/zdorov-e-cheloveka-686a69/?v=8112530>. (дата обращения 15.04.2025).

Валиева Элина Линаровна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Linalieva86@gmail.com

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В условиях глобализации и усиления культурной гибридизации, как сохранить уникальность культурных традиций и не приведёт ли взаимодействие культур к их унификации и потере своеобразия? Какую роль играет философия в понимании процессов культурного обмена и поддержании культурного многообразия?

В наше время мир переживает бурный период глобализации, который выражается в экономической интеграции, развитии информационных технологий и усилении миграционных потоков. Эти процессы способствуют беспрецедентному уровню взаимодействия между разными культурами. С одной стороны, это открывает новые горизонты для человечества и стимулирует появление свежих идей. С другой стороны, это вызывает тревогу по поводу утраты самобытности культурных особенностей.

В современном обществе наблюдается интенсификация культурного обмена, который происходит через смешение различных культурных аспектов. Это вызывает опасения, что культурный ландшафт может стать однородным. Преобладание определенных культурных моделей, которые распространяются через международные медиа и потребительские рынки, может привести к исчезновению уникальных местных традиций, обычаяев и ценностей. Возникает вопрос: не приведёт ли этот процесс к потере культурного разнообразия и формированию единой глобальной культуры, лишенной индивидуальности?

В изучении человека в контексте культуры и в исследовании закономерностей развития и взаимодействия культур ключевое значение имеют философская антропология и культурология. Важно понять, как формируются и поддерживаются культурные идентичности, что способствует их стабильности и какие процессы могут привести к их разрушению. Изучение роли языка, обычаяев и системы ценностей в формировании культурной самобытности – один из ключевых вопросов. Эти элементы представляют собой своеобразный культурный «код», который передаётся из поколения в поколение и обеспечивает ощущение сопричастности и единства. В эпоху глобализации становится актуальным вопрос о том, насколько культурный «код» может противостоять внешним влияниям и приспосабливаться к новым условиям, сохраняя при этом свою самобытность.

Философия способна внести свой вклад в формирование этических основ культурного взаимодействия. Важно изучить проблемы культурного присвоения,уважительного отношения к наследию и поиска равновесия между сохранением уникальности культуры и открытостью к межкультурному общению. Необходимо избегать крайностей: не воспринимать культуру как нечто неизменное и обособленное, но и не отрицать наличие универсальных ценностей.

Разнообразие культур – это богатство человечества, которое стимулирует инновации, творчество и помогает лучше понимать окружающий мир. Если мы утратим наши культурные ценности, то рискуем духовно обеднеть. Мы потеряем способность глубоко понимать мир

и взаимодействовать с ним. Поэтому важно философски осмыслить процессы глобализации и культурного смешения. Нужно найти способы сохранить культурное разнообразие в условиях, когда мир становится все более взаимосвязанным. Это может подразумевать содействие местным культурным начинаниям, продвижение межкультурного обучения и коммуникации, а также исследование воздействия мировых медиа и рынков товаров на культурные процессы. Философия, благодаря своей способности к критическому мышлению и формированию системы ценностей, может помочь в разработке стратегий, направленных на сохранение богатства и разнообразия человеческой культуры в условиях глобализации.

Литература

1. Леви-Строс К. Л. Структурная антропология / К. Л. Леви-Строс ; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практис», 2011. – 352 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство ACT», 2003. – 603 с. – (Philosophy).
4. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 185 с.
5. Лыков А. А. Роль философии в культуре / А. А. Лыков // Экономика и социум. – 2018. – № 5(48). – С. 729-732. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-filosofii-v-kulture> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Место и роль философии в культуре / 2dip.su [Электронный ресурс]. – URL: https://2dip.su/теория/культурология/место_и_роль_философии_в_культуре/ (дата обращения: 15.04.2025).

Веселов Кирилл Андреевич
бакалавриат, 2 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Veselov0002@mail.ru

МЕРТВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ОТСУТСТВИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА УРОВНЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Советский психолог Лев Семенович Выготский в своем труде «Психология развития ребенка» рассматривал развитие ребенка как динамичный процесс, полный скачков и переходов, которые являются неотъемлемой частью взросления. Он выделяет кризисы: 1, 3, 7, 13, 17 лет.

Остановимся на кризисе «1 года» Самый первый кризис – первые 2-3 месяца.

В момент родов ребенок физически отделяется от матери, но не биологически. В основных жизненных функциях ребенок остается еще долгое время биологически несамостоятельным существом. Процесс питания без матери невозможен, да не только питание, любая биологическая нужда невозможна без матери. (Под матерью я подразумеваю не только биологическую мать, а любого взрослого человека)

Рождаясь, ребенок ничего не может и не умеет. Взрослые люди имеют «безграничное тело», допустим, автолюбители, садясь в автомобиль через руль чувствуют каждый камешек, на который наезжает машина. Младенец же использует взрослого в качестве части тела, как мертвый предмет. (ребенок хочет игрушку, взрослый подходит к игрушке он замолкает, отходит – кричит) крик - социальный взгляд/инструмент/ориентир.

Несмотря на биологическую самостоятельность современный взрослый так же зависим как от сторонней помощи, так и вся его жизнь может быть косвенно отдана другому человеку.

Тут помимо функции мертвого предмета как средство достижения определенной цели раскрывается еще один неочевидный момент – социальная значимость.

Для начала стоит разобраться что я понимаю под верbalным и невербальным. Под невербальной коммуникацией стоит понимать метафизику отношений, вот она и отсутствует. В современном мире мы выдрессированные на вынужденную вербальную коммуникацию, с самого детства нам прививают определенные этические нормы. Мы привыкли здороваться, способны даже вступить в светский диалог, но на этом вербальная коммуникация на уровне повседневности заканчивается. Моменты более пронзительные выходят за грань повседневности, не говоря уже о невербальной коммуникации, или как я уже говорил выше – метафизике отношений общения.

Зачастую люди становятся мертвыми предметами на рабочем месте, так как именно там они являются либо посредником достижения чего-либо (сфера услуг) либо прямым или косвенным производителем предметов нашего быта. Чье-то имя забывается, о чьем-то имени создателя даже не задумываются, но их «мертвый» труд ушел в вечность вместе с созданным ими мертвым предметом.

В этом и есть провоцирующая/повелительная функция предмета. Существуют вещи/предметы/места выпрямления, искривления, да просто то что заставляет нас как-либо измениться.

Например, кран, который надо открыть и закрыть, в метро надо молчать и т.д. Парадокс в том, что предметы обладают этой невербальной коммуникацией, в отличии от людей, которые действительно просто выполняют функцию, например субъект логистики.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – М.: Смысл, Эксмо, 2004. – 512 с.

Ганина Ксения Анатольевна
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
noilleh@mail.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТА МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Медицина исторически является сферой, в которой доминируют определенные социальные группы, например мужчины-европейцы с высоким социальным статусом, женщины же примерно до 20 века сталкивались с препятствиями в получении медицинского образования и карьерного роста, что привело к эпистемической несправедливости, последствиями которой стало снижение вероятности достижения членами сообщества эпистемических благ в виде знаний, опыта, например, качество медицинской помощи могло бы быть выше, потому отсутствие представителей различных социальных групп в медицинской сфере привело к менее полному пониманию различных механизмов обмена в женском теле в положении, так как исследования долгое время фокусировались на проблемах мужчин.

Что же такое эпистемическая несправедливость? В нашей работе мы определим данный феномен как неаргументированный систематический отказ в доверии другому или же излишнее доверие на основании каких-либо предрасудков, касающихся его идентичности. Миранда Фрикер в своём труде выделяет два основных вида эпистемической несправедливости[1]:

1) Свидетельская несправедливость: проявляется, когда опыт студентов из маргинализированных групп, например, из-за этнической и расовой и других принадлежностей игнорируется и принижается преподавателями и студентами, поэтому к ним относятся с меньшим доверием, возникает предвзятое отношение к группе, к которой студенты принадлежат.

2) Герменевтическая несправедливость: возникает, когда опыт студента трудно понять и выразить из-за недостатка концептуальных ресурсов в обществе. Например, при недостатке понятий для описания или понимания определенной медицинской ситуации, недостаточным знанием языка, используемого в медицине.

Эпистемическая несправедливость чаще всего рассматривается в контексте более обширной социальной несправедливости. Как утверждает С.Р. Муртазин [2], подобного рода несправедливость может привести не только к распространению неблагоприятных социальных дискриминационных практик, но также иметь пагубные для общества эпистемические последствия. Это, в свою очередь, обусловлено значительной ролью коммуникации в процессе становления познающего субъекта и формирования у него таких важных для достижения истины качеств, как интеллектуальное мужество.

А если человек принадлежит к нескольким маргинализированным группам, то что тогда с ним будет? Эту проблему поднимает Патрисии Хилл Коллинз и ее концепция «матрица угнетения и интерсекциональности» и показывает, как различные формы угнетения переплеливаются и усиливают друг друга. В статье Темкина А. А. [3] показывает, что интерсекциональные материнские практики черной «королевы соцзащиты» представлены как паттерны воспроизводства культуры бедности; ее социальное положение описывается как экономически

зависимое, ее семейный статус – мать-одиночка, в категориях гражданства находится в постоянном ожидании льгот, и формирует у своих детей такие же иждивенческие установки. Анализ материнских практик чернокожих женщин высвечивает взаимосвязь между матрицей угнетения и эпистемической несправедливостью, когда культурные ценности и стратегии выживания интерпретируются через призму доминирующей идеологии, закрепляя тем самым стереотипы и ограничивая возможности социальной мобильности.

Проблема эпистемической несправедливости может оказаться актуальной и для медицинского образования. Представим себе Сару, иностранную студентку-медика, приехавшую из бедной страны, она стремится стать хирургом и одновременно совмещает учёбу с работой. Согласно парадигме Патрисии Хилл Коллинз, Саре предстоит столкнуться с кумулятивным эффектом дискриминации, в котором пересекаются многие факторы, которые формируют предвзятое отношение преподавателя, который руководствуется скрытыми предрассудками и патриархальными установками. Это приводит к свидетельской несправедливости, когда ее опыт и суждения обесцениваются, и к герменевтической несправедливости, когда ее жизненный опыт и борьба не находят понимания в превалирующей академической среде.

Если присутствует необоснованная подозрительность к одним, то не будет ли считаться причиной эпистемической несправедливости чрезвычайное доверие по отношению к другим? Логично, что существуют ситуации, когда кому-то было бы разумнее довериться больше, чем самим себе. Например, студент-отличник, пользуясь своим авторитетом, может заполучить победу в дискуссии с менее авторитетным одногруппником, потому что к нему группа и преподаватель будут испытывать меньшее доверие.

Таким образом, мы пришли к такому выводу, что эпистемическая несправедливость не просто создает отдельные препятствия для обучения, но и деформирует саму структуру учебного процесса, превращая его из инструмента для развития познавательных способностей в инструмент для воспроизведения социального неравенства. Также эпистемическая несправедливость может приводить к потере истинных или способных внести существенный вклад в процесс поиска истины убеждений, так как к студентам, принадлежащим к маргинализированным группам, не испытывают доверия из-за предрассудков, а систематическая эпистемическая несправедливость уже способна лишить юных медицинских работников эпистемического мужества и стимула развивать собственные эпистемические способности, что не будет способствовать успеху определенной группы лиц или общества в целом оказаться на образовательном процессе студентов медицинского университета.

Литература

1. Fricker M. Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing / M. Fricker. – New York: Oxford University Press, 2007. – 188 p.
2. Муртазин С. Р. Эпистемическая справедливость: доверие другому в познании как теоретическая и практическая проблема / С. Р. Муртазин // Антиномии. – 2023. – Т. 23, вып. 4. – С. 43–66.
3. Темкина А. А. Теоретические и методологические подходы к анализу гендера и сексуальности: [интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях] / А. А. Темкина, Е. А. Здравомыслова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 5. – С. 21.

Гатауллина Карима Ильдаровна
специалитет, 2 курс, «педиатрическое дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
kiraagrest99@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: КОМУ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕДИЦИНЫ?

Философия – это тот светильник, который освещает тёмные уголки человеческой души, когда всё вокруг погружено в хаос и суету. Время наше, как никогда, требует от нас глубокого осмыслиения, ибо в каждом из нас скрыты вопросы, на которые не найти простых ответов.

В мире, где наука и техника стремительно развиваются, а медицина становится все более высокотехнологичной, философия может показаться устаревшей дисциплиной, лишенной практического применения. Однако, как показывает практика, именно в условиях сложных моральных и этических выборов, с которыми сталкиваются медицинские работники, философия обретает новое дыхание. Она становится необходимым инструментом для понимания человеческой природы, страдания и смысла жизни.

Современная медицина часто сталкивается с ситуациями, когда необходимо принимать решения, имеющие глубокие моральные и физические последствия. В таких случаях философские размышления о добре и зле, о свободе выбора и ответственности становятся не просто абстракцией, но наущной необходимостью.

Примером может служить ситуация с пациентом, который отказывается от важного лечения по религиозным соображениям. Врач, столкнувшись с этой дилеммой, должен не только учитывать медицинские факты, но и уважать автономию и выбор пациента. Как утверждает Иммануил Кант: «человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли» [1]. Это утверждение подчеркивает необходимость уважения к индивидуальности каждого пациента, что является одним из основополагающих принципов медицинской этики. [2]

Философия также помогает врачам осознать важность человечности в их практике. Врачи зачастую оказываются в ситуации эмоционального выгорания из-за постоянного стресса и давления. Здесь философские концепции, такие как экзистенциализм Жана-Поля Сартра, могут помочь взглянуть на трудности по-другому. Сартр утверждает, что «человек осужден быть свободным» [3], что подразумевает необходимость делать выбор даже в самых трудных обстоятельствах. Это понимание может стать источником мотивации для врачей, помогая им находить смысл в своей работе даже в условиях страдания и утрат.

Например, работа врачей в хосписах, где они ежедневно сталкиваются со страданиями пациентов. В такой обстановке философские размышления о смысле жизни и смерти становятся особенно актуальными. Как писал австрийский психиатр, психолог, философ и невролог, Виктор Франкл: «Страдание – неотделимая часть жизни, как судьба и смерть. Без страдания и смерти человеческая жизнь не может быть полной» [4]. Это утверждение подчеркивает необходимость поиска глубинного значения даже в самых тяжелых обстоятельствах.

Современные технологии ставят новые вопросы перед философией в контексте медицины. Использование искусственного интеллекта (ИИ) для диагностики и лечения поднимает

этические вопросы о роли человека в процессе принятия решений. Какова цена автоматизации? Как сохранить человечность в условиях технологического прогресса? Эти вопросы требуют философского анализа.

Например, алгоритмы могут повысить точность диагностики, но они также приводят к обезличиванию пациента. Врач начинает осмотр уже с того момента, когда пациент входит к нему в кабинет: он оценивает походку, голос, эмоциональное состояние, чего не может сделать в полной мере ИИ. В этом контексте философия напоминает нам о важности индивидуального подхода к каждому пациенту и необходимости сохранять человечность в медицинской практике.

Таким образом, философия является неотъемлемой частью медицины в современном мире. Она помогает врачам осмысливать свою роль в жизни пациентов, устанавливать глубокую связь с ними и находить смысл в своей работе. Философские размышления о свободе выбора, страдании и человечности становятся основой для формирования этических норм в медицинской практике. В условиях современности, когда наука и техника стремительно развиваются, философия остается тем якорем, который помогает нам не потерять свою человечность. В конце концов, философия – это не только наука о мыслях, но и искусство жить, искусство быть человеком среди людей. Философия необходима каждому, кто стремится понять себя и окружающий мир, кто желает не просто существовать, но жить осмысленно, с открытым сердцем и умом. В эпоху потребительства и поверхностных удовольствий философия напоминает нам о том, что истинное счастье не в обладании, а в понимании – понимании своих желаний, страхов и надежд.

Литература

1. Кант И. Основоположения к метафизике нравов / И. Кант. – URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=32> (дата обращения: 29.04.2025).
2. Биомедицинская этика и деонтология / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева // StudFile.net [Электронный ресурс] – URL: <https://studfile.net/preview/9903435/page:3/> (дата обращения: 29.04.2025).
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – URL: https://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 03.05.2025).
4. Франкл В. Сказать жизни "Да!": психолог в концлагере / В. Франкл. – Электронное издание: ООО «Альпина Паблишер», 2012. – URL: https://librebook.me/skaji_jizni_da/vol1/1#page=last (дата обращения: 03.05.2025).

Гирфанова Алина Раилевна, Ханова Эльвина Ильнаровна
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский Государственный Медицинский Университет
(г. Казань)
alinag16082005@mail.ru, Khanovaelia16@mail.ru

ОДНОЧЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Одиночество является одной из фундаментальных проблем современного общества. Стоит отметить, что проблему одиночества рассматривали многие известные философы, начиная с Аристотеля, который заметил, «что человек вне общества либо Бог, либо зверь» [3, с. 47], вплоть до Никола Аббаньяно, по мнению которого, индивид, оставшись наедине с собой, может непосредственно приступить к поиску пути собственного бытия. С недавних пор одиночество стали называть социальным бедствием. Чаще всего оно не афиширует свое наступление на личность [3, с. 47] и поэтому является опасной болезнью, которая вызывает одновременно сострадание и протест. Одиночество – это одно из наиболее глубоких и сложных переживаний человека, затрагивающее его эмоциональное состояние, социальные связи и философские размышления о смысле жизни. Эта тема была предметом изучения не только психологов, но и социологов, философов, писателей и художников на протяжении веков. Одиночество можно определить как состояние, при котором человек ощущает себя изолированным от окружающих, испытывает нехватку эмоциональной поддержки и социального взаимодействия. Характерной особенностью одиночества является не только физическая изоляция, но и эмоциональная – человек может чувствовать себя одиноким даже в толпе. Это состояние может возникать как временно, так и превращаться в хроническую проблему, вызывая осознание конечности жизни, поиск смысла существования (экзистенциальное одиночество). Философы разных эпох по-разному трактовали одиночество. Во времена античности одиночество считалось отклонением от идеала. Во времена романтизма одиночество было признаком избранности и глубины души. Августин Аврелий во времена средневековья писал: «Только тот, и никто другой остается безмятежным, кто пребыванию среди людей предпочитает одиночество». [1, с. 155]. Джон Стюарт считал, что если человек не может быть счастлив в одиночестве, он не сможет быть счастлив и в обществе. Экзистенциалисты, такие как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, рассматривали одиночество как неизбежный элемент человеческого существования. В то же время, Фридрих Ницше оценивал одиночество как возможность для личной свободы и само-размышления. В современном обществе одиночество стало одной из основных социальных проблем. Увеличение урбанизации, развитие технологий, войны и изменение социальных структур приводят к тому, что многие люди чувствуют себя одинокими, даже находясь среди множества людей. Социальные сети становятся основными способами общения из-за людям иногда сложнее установить глубокие, значимые отношения. Профессиональное одиночество возникает в условиях высокой занятости и карьерной гонки, когда человек теряет баланс между работой и личной жизнью. Социолог Эмиль Дюркгейм в своей теории «анатомия одиночества» считал, что одиночество связано с утратой социальных норм и ценностей, что приводит к чувству изоляции. Одиночество может оказывать негативное влияние на здоровье и продолжительность жизни. Исследования показывают, что оно связано с повышенным риском сердечно-сосудистых заболеваний, депрессии, хронического стресса

и даже снижения иммунитета. С социальной точки зрения одиночество может привести к социальной депривации, неравенству и увеличению числа преступлений. Способы преодоления одиночества: профессиональная поддержка (консультации психолога, групповая терапия), развитие социальных навыков (участие в группах по интересам), саморазвитие и забота о себе (новое хобби, обучение), разумное использование технологий. Одиночество является сложным и многогранным феноменом. Оно может быть не только источником страдания, но и возможностью для само-размышления и личностного роста. В современном мире, по мнению Эрик Кляйненберга, одиночество, - это не только следствие случайных обстоятельств, но и сознательный выбор миллионов людей в развитых странах. [2, с. 7]. Понимание причин и последствий одиночества может помочь как индивидам, так и обществу находить пути к его преодолению и созданию более связанных и поддерживающих сообществ.

Литература

1. Гагарин А. С. Одиночество как экзистенциал средневековой философии / А. С. Гагарин // Антиномии. – 2012. – №12. – С. 148-165. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinochestvo-kak-ekzistentsial-srednevekovoy-filosofii> (дата обращения: 22.08.2025).
2. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Э. Кляйненберг. – М.: Альпина нонфикшн, 2014. – 280 с.
3. Пузанова Ж. В. Философия одиночества и одиночество философа / Ж. В. Пузанова // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. – №4-5. – С. 47-58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-odinochestva-i-odinochestvo-filosofa/viewer> (дата обращения: 22.08.2025).

Глушкова Анна Юрьевна
бакалавриат, 1 курс, лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
glushkova.anna48@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: У. ДЖ. КУАЙН И КОНЦЕПТ «НЕПЕРЕВОДИМОСТИ»

Перевод традиционно рассматривается как лингвистическая или техническая операция, однако в XX веке он стал предметом философского анализа. Одним из первых, кто подошел к проблеме перевода как к философской, стал американский аналитический философ Уиллард Ван Орман Куайн. В его работах, особенно в книге «Слово и объект», вводится концепт «радикального перевода» – попытка перевести полностью незнакомый язык на основе наблюдения за поведением его носителей [1].

Куайн утверждает, что для одного и того же набора наблюдаемых данных возможно множество логически совместимых, но семантически несовпадающих переводов. Отсюда он формулирует идею «неопределенности перевода» (*indeterminacy of translation*): не существует единственно правильного способа интерпретации речевых актов, потому что язык не передает смысл напрямую, а связан с определенной системой понятий, восприятий и практик [1, с. 97–103].

Это утверждение ставит под сомнение классическую картину значения как фиксированной сущности, которую можно адекватно передать средствами другого языка. Таким образом, акт перевода – это не просто преобразование, а интерпретация, и границы между переводом и пониманием стираются. В этом контексте можно говорить о «непереводимости» как о философской проблеме: определённые смыслы не имеют прямых аналогов в других языках, потому что они укоренены в культуре и мышлении.

Куайн делает еще один важный шаг, показывая, что даже в пределах одного языка мы сталкиваемся с неопределенностью значения: понимание зависит от теоретического контекста, в рамках которого мы действуем. Это делает язык инструментом не только коммуникации, но и философского мировоззрения. Вопрос «что значит понимать?» становится центральным – и он неразрешим в рамках только лингвистической парадигмы [1].

Дональд Дэвидсон, ученик Куайна, развивает эту тему в своих работах по теории интерпретации. Он считает, что, несмотря на неопределенность, коммуникация возможна благодаря принципам рациональности и кооперации между говорящими [2, с. 131–145]. То есть понимание всегда частично, но практически достаточно.

Проблема перевода, таким образом, переходит в плоскость эпистемологии и философии сознания. Она затрагивает вопросы границ знания, объективности, культуры и реальности. Если язык – это не прозрачное окно в смысл, а форма жизни, то перевод – это не только передача, но и создание смысла.

Следовательно, философия перевода тесно связана с современными вызовами межкультурной коммуникации, глобализации, цифровых медиумов и философии сознания. Вопрос о том, можно ли «перевести» чужую точку зрения, религиозный или культурный опыт,

становится не менее важным, чем перевод с одного языка на другой. Это подтверждает актуальность идей Куайна для философии и современного мира.

Таким образом, философская проблема перевода не ограничивается лишь вопросами лексического соответствия или точности передачи информации. Она затрагивает более глубокие пласты мышления – такие как структура восприятия мира, когнитивные схемы и культурные коды. Перевод – это не только технический, но и философский акт, в котором неизбежно происходит встреча различных языковых картин мира. Особенно в эпоху глобализации, когда диалог между культурами становится всё более интенсивным, осознание ограничений и возможностей перевода приобретает особую значимость. Проблема «непереводимости» в этом контексте помогает прояснить границы рациональности и универсальности человеческого знания. Поэтому обсуждение философии перевода сегодня актуально не только в теории языка, но и в контексте философии и современного мира.

Кроме того, стоит отметить, что философия перевода тесно связана с вопросами идентичности и самобытности. Язык не только выражает, но и формирует мышление, а значит, каждый акт перевода – это всегда интерпретация, а не зеркальное отражение оригинала. Именно поэтому в философии перевод рассматривается как творческий процесс, а не просто техническая операция. Учитывая это, становится ясно, почему проблема перевода требует междисциплинарного подхода – от лингвистики и семиотики до эпистемологии и культурологии.

Литература

1. Куайн У. В. О. Слово и объект / У. В. С. Куайн. – М.: Логос, 2000. – 416 с.
2. Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation / D. Davidson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 297 p.

Голубев Степан Андреевич

бакалавриат, 1 курс, «философия»

Казанский государственный энергетический университет

(г. Казань)

Pikcher170621@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ЛЮБОВЬ:

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЛЮБВИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦСЕТЕЙ

Информационные технологии, повсеместное распространение интернета, социальные сети и приложения для общения изменили не только образ жизни, но и внутренний мир человека. Одним из наиболее чувствительных к этим изменениям является феномен любви, который, несмотря на свою древность и философскую глубину, сегодня приобретает принципиально новые черты.

Любовь в философском смысле – это не только чувство или эмоция, но и форма познания, способ смыслообразования [1], существования в мире и установления связи с другим. Платон, Аристотель, Августин, Соловьев, Франк, Бердяев, Фромм и другие мыслители подчеркивали уникальность и трансцендентность этого состояния, его способность преодолевать индивидуальное и устремляться к иному – будь то другой человек, Бог или идея. В условиях цифровой эпохи любовь сталкивается с новыми вызовами [2]. На первый план выходят виртуальные формы взаимодействия: мессенджеры, видеосвязь, лайки. Это создает особую форму привязанности – «цифровую любовь», где чувства выражаются в эмодзи, голосовых сообщениях и визуальных образах. Такая любовь отличается высокой скоростью развития, поверхностью и часто – недолговечностью [3].

Исследователи подчеркивают, что цифровое пространство способствует формированию новых моделей романтических отношений, однако одновременно с этим происходит и потеря глубины: в цифровом мире любовь всё чаще превращается в потребительский продукт – удобный, быстро заменяемый и не требующий значительных усилий [4]. Это проявляется в таких явлениях, как быстрые свидания, «свайпинг» в приложениях для знакомств, отношения «без обязательств». Эмоциональная вовлеченность снижается, а идеал искренней любви уступает место удобству и доступности. Мы имеем дело не с реальным человеком, а с его «цифровым аватаром» – тщательно отредактированным образом; такое взаимодействие может привести к обесцениванию любви как глубинного переживания [5], а ведь она есть этический акт, в основе которого должно лежать признание другого как абсолютной ценности [6]. Современная цифровая среда, где чувства легко подменяются алгоритмами и реакциями системы, ставит под угрозу эту ценностную основу. Любовь становится функцией интерфейса, а не внутренним актом бытия. Заменяя подлинный контакт виртуальными суррогатами, человек утрачивает способность к эмпатии, что является одной из основ любви.

Однако не все исследователи смотрят на цифровую любовь исключительно в негативном ключе: новые технологии могут дать человеку больше свободы в выборе партнёра, а также помочь преодолеть традиционные барьеры, такие как географическое расстояние, социальные различия и стереотипы. Поэтому философия любви должна быть открыта к осмыслению её новых форм, не отказываясь от их критики, но и не идеализируя прошлое [7]. Философский анализ требует отказа от однозначных оценок и стремления к пониманию сути происходящих

изменений. Осмысленное обращение к философскому наследию позволяет обнаружить «континту любви» даже в мире цифровых отношений.

В апреле 2025 года было проведен опрос среди студентов первого курса Казанского государственного энергетического университета с целью определить статус любви в цифровую эпоху. В исследовании приняло участие 30 студентов.

На вопрос «Вступали ли вы когда-либо в романтические отношения через социальные сети или приложения для знакомств?» 40% ответили утвердительно, 60% – отрицательно. На вопрос «Как вы считаете, возможна ли настоящая любовь через интернет?» 50% респондентов ответили, что это возможно, но с трудом. 26,7% уверены в такой возможности, 16,7% не верят в неё, а 6,6% затруднились с ответом. Также 66,7% студентов считают приоритетным физическое взаимодействие; онлайн-связь достаточна для 16,7%. При ответе на вопрос «Какие чувства вы чаще испытывали в цифровых отношениях?» 40% выбрали интерес, 33,3% – влюблённость, 16,7% – иллюзию близости, 10% – разочарование. Эти ответы подтверждают, что цифровая среда вызывает как позитивные, так и противоречивые эмоции. Далее, 60% студентов отметили, что цифровая любовь может частично заменить настоящую; 26,7% считают, что не может, а 13,3% полагают, что может. Что касается выражения чувств через эмодзи, лайки и т.д., 46,7% считают, что это не заменяет живого общения, 33,3% воспринимают это нормально, а 20% отметили, что мешает. На вопрос о том, что необходимо для сохранения любви в цифровую эпоху, 40% выбрали «связь вне интернета», 26,7% – доверие, 20% – осознанность.

Проведенное исследование подтверждает актуальность философского анализа любви в цифровую эпоху. Несмотря на использование технологий, студенты стремятся к глубине и подлинности чувств, осознавая ограничения цифрового взаимодействия, и пытаются сохранить традиционные формы привязанности.

Литература

1. Закирова Г.Ф. Гурьянов А.С. Любовь как смысловое и эстетическое со-бытие мужчины и женщины / Г.Ф. Закирова А.С. Гурьянов // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 2(118). – С. 22–27.
2. Vavilova Z. Computer-Mediated Sexuality and Human Identity in the Digital Era / Z. Vavilova // Philosophy in an age of crisis: challenges and prospects. – ISUD 12 World Congress, 10–14 July 2018. Book of abstracts. – Р. 182–183.
3. Бурнашев Р.Ф. Насимова М.У. Философский анализ трансформаций понятия любовь в информационном обществе / Р.Ф. Бурнашев М.У. Насимова // Universum: общественные науки. – 2023. – № 12 (103). – URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/16519> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Шабанов Л.В. Сметанкина Л.В. Лычагина С.В. Феномен любви в ментальном отражении современного социального пространства / Л.В. Шабанов Л.В. Сметанкина С.В. Лычагина // СиБСкрипт. – 2016. – № 2. – С. 146–150.
5. Строганов Д.А. Суровегина Е.С. Поштару Р.И. Проблема обесценивания феномена любви в современном мире в историческом контексте / Д.А. Строганов Е.С. Суровегина Р.И. Поштару // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 3. – С. 118–123.
6. Ли С.М. Франк о социально-нравственном аспекте феномена любви / С.М. Ли // Гуманистический вектор. – 2010. – № 4 (24). – С. 78–82.

*Гордеева Карина Валерьевна
бакалавриат, 1 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
romada13@mail.ru*

ФИЛОСОФИЯ В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ: УТРАТИЛА ЛИ ОНА СВОЙ ГОЛОС?

Сегодня искусственный интеллект стал частью повседневной жизни: он составляет тексты, сочиняет музыку, рисует картины, пишет коды и отвечает на сложные вопросы. Нейросети, такие как GPT, демонстрируют поразительные способности: они не просто копируют тексты, а создают связанные, логически выстроенные рассуждения, иногда даже в философском стиле. Всё это вызывает закономерный вопрос: остаётся ли философия живым и значимым способом мышления в эпоху, когда машина может говорить «как философ»? Или она действительно утратила свой голос?

На протяжении всей истории философия уже не раз сталкивалась с кризисами. В античности ее пытались заменить религиозные мифы. В эпоху Просвещения – эмпирические науки, утверждавшие, что только опыт и эксперимент дают истинное знание. В XIX веке философия оказалась между двух огней – с одной стороны, позитивизм настаивал на строгой научности, с другой – марксизм делал философию инструментом идеологии. В XX веке философию снова провозглашали «устаревшей»: аналитические школы сводили её к анализу языка, а структурализм разрушал субъекта как носителя смысла [2].

И каждый раз ей приходилось оправдывать своё существование – не через готовые ответы, а через способность ставить вопросы, которые никто другой поставить не может. Сегодняшний вызов – особый. В отличие от прежних угроз, он исходит не от иной дисциплины, а от технологии, имитирующей сам акт мышления. Машина, способная говорить связно и даже остроумно, представляет собой новый тип «мыслителя», хотя и без сознания [5].

Однако философия – не просто жанр. Она – это особое напряжение мысли, возникающее в опыте встречи с неразрешимым, с экзистенциальной проблемой, с парадоксом. Философия не сводится к знанию – она начинается там, где знание перестает быть достаточным [3]. Сократ не был ученым, но он перевернул всё афинское мышление, задав один простой вопрос: «А что есть добродетель?» Нейросеть может генерировать сотни страниц текста о добродетели, но она не знает, что такое страх перед собственным незнанием. Она не «удивляется» – а именно удивление, по Аристотелю, и есть начало философии [1].

Важно различать имитацию и мышление. То, что делает ИИ – это статистическая обработка и предсказание наиболее вероятных слов на основе огромного массива данных. Это блестящий инструмент, но он не мыслит. У машины нет интенции, направленности на смысл. У неё нет субъективности, воли к истине, внутреннего конфликта. А без этого философия невозможна.

Тем не менее, философия не должна отмахиваться от ИИ. Напротив, перед ней открывается новое поле для работы. Искусственный интеллект ставит фундаментальные вопросы: что такое сознание? можно ли его смоделировать? в чём разница между мышлением и вычислением? каковы этические границы автоматизации решений? кто несет ответственность за

действия алгоритмов? Эти вопросы не может решить техника – они требуют философского анализа [5].

Кроме того, ИИ вскрывает важные проблемы внутри самой философии. Если часть философских текстов можно легко сымитировать, не говорит ли это о том, что они стали излишне риторическими, оторванными от жизни? Не настало ли время философии вернуться к своей подлинной природе – быть не просто теорией, а способом жизни, как у стоиков, экзистенциалистов или феноменологов [3, 4]?

Философия может не только критиковать ИИ, но и воспользоваться им. Нейросети способны стать инструментом для обострения мысли: они могут подсказывать неожиданные аналогии, ставить под сомнение привычные понятия, провоцировать мышление, помогать в анализе. Но это возможно только тогда, когда человек не отказывается от своего активного участия. Машина может служить зеркалом, но в это зеркало должен кто-то смотреть.

И наконец, философия нужна сегодня больше, чем когда-либо. Именно она может напомнить, что человек – это не просто носитель данных, а существо, способное страдать, выбирать, любить, ошибаться и прощать. Искусственный интеллект – мощный инструмент, но философия – это про смысл, а не только про эффективность.

Литература

1. Аристотель Метафизика / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1994. – 480 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – URL: https://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 03.05.2025).
4. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
5. Чалмерс Д. Сознание и его место в природе / Д. Чалмерс // Вопросы философии. – 2007. – № 12. – С. 36–51.
6. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история завтрашнего дня / Ю. Н. Харари. – М.: Синдбад, 2017. – С. 131–149.

Деньгоф А.В., Лохман Е.В.

бакалавриат, 2 курс, юриспруденция

Российский государственный университет правосудия

(г. Воронеж)

elizaveta.lokhman@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ: СТОИЦИЗМ ПРОТИВ ГЕДОНИЗМА

Гедонизм – это философская позиция, согласно которой высшей целью человеческой жизни является получение удовольствия и избегание страданий [1]. Вопрос о том, что такое счастье, в рамках гедонизма становится центром обсуждений и размышлений, так как эта концепция предполагает, что счастье можно свести к наслаждению и удовольствию.

Гедонизм имеет глубокие корни в философии Древней Греции. Особенно важными фигурами в этом контексте были киренаики, Эпикур и софисты. Эпикур, один из самых известных представителей гедонизма (следует отметить, что у Эпикура актуализировал негативную оценку удовольствиям), утверждал, что истинное счастье достигается через умеренность, дружбу и философское размышление. Он подчеркивал, что некоторые удовольствия могут привести к большему страданию и поэтому следует стремиться к удовольствиям, которые приносят долгосрочное удовлетворение, а не короткие, мимолетные радости.

С точки зрения гедонизма, счастье – это состояние, в котором доминируют положительные эмоции и удовлетворенность жизнью. Гедонисты часто делят удовольствия на физические и душевные, при этом акцентируя внимание на том, что для достижения счастья необходимо стремиться к гармонии и балансу между различными видами удовольствий. Несмотря на свою привлекательность, гедонизм подвергался критике со стороны многих философов. Одним из главных аргументов против этой концепции является идея о том, что постоянное стремление к удовольствию может привести к разочарованиям и пустоте. Философы, такие как Иммануил Кант, утверждали, что счастье не может быть единственной целью человеческой жизни, поскольку оно может варьироваться от человека к человеку и зависеть от внешних обстоятельств.

Кроме того, гедонизм может привести к эгоизму: если счастье человека фокусируется лишь на личном удовольствии, это может негативно сказаться на общественной морали и взаимодействии с другими людьми.

В современном мире гедонизм продолжает быть актуальным, развиваясь и адаптируясь к новым условиям. Некоторые психологи и социологи исследуют, как получение удовольствий и переживание радости влияют на качество жизни и психическое здоровье. Важно отметить, что многие современные интерпретации гедонизма акцентируют внимание не только на физических удовольствиях, но и на эмоциональных и духовных аспектах счастья.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к концепции "осознанного наслаждения", в которой внимание уделяется не только погоне за удовольствиями, но и способности быть благодарным за то, что есть, находить радость в простых вещах и строить глубокие, значимые связи с другими.

Гедонизм, как философская концепция, предлагает интересное понимание счастья и удовольствия. Хотя он имеет свои плюсы и минусы, его основная идея о том, что счастье связано

с получением удовольствия, по-прежнему вызывает интерес и служит основой для философских и психологических дискуссий. Важно помнить, что счастье – это многогранное понятие, и его поиск требует баланса между удовольствием, разумом и социальными отношениями.

Иной подход к пониманию счастью можно найти у стоиков. Стоицизм – это философская школа, возникшая в Древней Греции в III веке до нашей эры и получившая дальнейшее развитие в Риме [2]. Основатели стоицизма, такие как Зенон из Кития, Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий, предложили уникальный подход к жизни, который акцентирует внимание на внутреннем состоянии человека и его отношении к внешнему миру.

Для стоиков счастье (эвдемония) не является результатом внешних обстоятельств, материального благосостояния или удовольствий. Стоики верили, что человек может найти счастье, если будет жить в соответствии с природой и разумом, развивая такие добродетели, как мудрость, мужество, справедливость и умеренность.

Стоики утверждали, что добродетель является единственным источником настоящего счастья [3]. Они считали, что только добродетельный человек способен достичь состояния внутреннего спокойствия и удовлетворенности. Сенека подчеркивал, что "счастье не зависит от внешних обстоятельств", а связано с состоянием души. Это означает, что даже в условиях страдания или потерь можно сохранить внутреннее спокойствие и удовлетворение, если следовать добродетельному образу жизни.

Стоицизм также учит принятию судьбы (апфейр), что означает смирение перед неизбежными событиями жизни. Стоики верили, что все происходящее – это часть большого порядка вещей, и важно принимать это с благодарностью. Марк Аврелий в своих "Размышлениях" часто подчеркивал важность принятия судьбы как способа достижения счастья [4]. Это принятие помогает снизить уровень стресса и тревоги.

Стоицизм и гедонизм предлагают разные подходы к пониманию счастья и его достижению. Представители этих этических школ по-разному понимали источник счастья и отношение к страданиям. Стоицизм утверждает, что счастье исходит изнутри и связано с добродетелью, тогда как гедонизм считается внешними удовольствиями и наслаждениями. Стоики акцентируют внимание на принятии настоящего и будущего, избегая прикрепления к временным удовольствиям, в то время как гедонисты живут моментом, стремясь максимально наслаждаться каждым мигом. Стоицизм учит принимать страдания как часть жизни и развивать внутреннюю силу, тогда как гедонизм активно ищет способы избежать страданий.

Таким образом, стоицизм и гедонизм представляют собой две противоположные философские традиции, каждая из которых предлагает свои уникальные инструменты для достижения счастья.

Литература

1. Родзинский Д. Л. Философия: учебник для вузов / Д. Л. Родзинский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 287 с.
2. Ирвин У. Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века / У. Ирвин. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 304 с.
3. Холидей Р. Дневник стоика. 366 вопросов к себе / Р. Холидей. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2024. – 352 с.
4. Аврелий М. Размышления / М. Аврелий; переводчик С. М. Роговин. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 189 с.

*Ермолаева Виктория Алексеевна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
ermolaevav934@gmail.com*

ПРОБЛЕМАТИКА ЗНАЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном мире, где социальные различия становятся все более заметными, вопрос о роли философии в жизни различных слоев общества приобретает особую значимость. Философия, как способ осмыслиения мира и поиска ответов на фундаментальные вопросы бытия, по-разному воспринимается и используется представителями разных социальных групп.

Исследования философов XX-XXI веков показывают, что отношение к философии зависит от социального статуса, уровня образования и культурного бэкграунда человека. Работы Карла Манхайма о социальном бытии [1] и Юргена Хабермаса о публичной сфере [2, 3] помогают понять, как философские идеи распространяются в обществе. Пьер Бурдье в своих трудах о символическом капитале раскрывает механизмы влияния философских знаний на социальный статус индивида [4].

П. Рикёр в своих трудах отмечает, что философские идеи чаще воспринимаются образованными слоями общества, в то время как простые рабочие больше ориентируются на практические аспекты жизни [5]. И. Пригожин в своих работах подчеркивает важность философского осмыслиения для всех слоев общества, особенно в условиях неопределенности современного мира [6, с. 46-52]. В.С. Библер развивает идею диалога культур как способа преодоления социальных барьеров в восприятии философских идей [7, с. 31-42].

В работе использовались следующие методы: социологический анализ для изучения отношения к философии в разных социальных группах; сравнительный метод для выявления различий в восприятии философских идей; статистический метод обработки полученных данных; анализ философских публикаций последних десятилетий.

Философия играет разную роль в жизни различных социальных слоев. Для высшего класса она часто служит инструментом поддержания статуса и развития критического мышления. Средний класс использует философские концепции для личностного роста и профессионального развития. Низшие социальные слои чаще обращаются к философии в кризисные моменты жизни, ища ответы на экзистенциальные вопросы.

Культурный аспект проявляется в том, что философия становится частью элитарной культуры для одних и остается недоступной для других. Это создает культурную пропасть между слоями общества.

Образовательный фактор играет ключевую роль: доступ к философскому образованию напрямую зависит от социального положения. Высшее образование чаще доступно представителям среднего и высшего классов.

Анализ показал, что доступ к философским знаниям и их восприятие зависят от: уровня образования, социально-экономического положения, культурной среды, профессиональной деятельности, жизненного опыта. Высшее общество активно использует философские концепции для формирования мировоззрения и принятия стратегических решений. Средний класс

проявляет умеренный интерес к философии, чаще обращаясь к ней в кризисные периоды. Низшие социальные слои воспринимают философию как абстрактную науку, не имеющую практического применения

Философия остается важным инструментом развития общества, однако ее значение и применение существенно различаются в зависимости от социального положения человека. Необходимо создание условий для более широкого доступа к философским знаниям всех слоев общества, что может способствовать более гармоничному развитию социума.

Литература

1. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 2019. – 704 с.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Практис, 2021. – 416 с.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 375 с.
4. Бурдье П. Практический смысл / П. Бурдье. – М.: Наука, 2020. – 564 с.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М.: Академический Проект, 2002. – 622 с.
6. Пригожин И.Р. Философия нестабильности / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.
7. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-42.

Житбитебаева Самира Базарбаевна
бакалавриат 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
samirazhitbitbaeva@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ И Я: ВЗГЛЯД ПЕРВОКУРСНИЦЫ НА РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

В начале своего знакомства с философией я воспринимала её как абстрактную, далекую от повседневных реалий науку, едва ли имеющую практическое применение в моей жизни. Философские учения казались чем-то отвлеченным, недоступным для простого человека. Однако с течением времени, при более глубоком окружении в ее основы, я начала осознавать, что философия не только помогает систематизировать знания, но и является важным инструментом для понимания мира, в котором мы живем.

Процесс осмысливания философских идей неизбежно приводит к переосмыслению привычных взглядов на различные аспекты жизни, включая восприятие информации, отношения в обществе и даже личные переживания. Одним из таких откровений стало для меня осознание того, как философские учения могут быть полезными в условиях информационного перегруза. Например, я часто вспоминаю скептицизм древнегреческих философов, таких как Пиррон, который умел, что знание о мире является сомнительным и всегда должно подвергаться сомнению [1, с. 55]. В условиях сегодняшнего цифрового мира наполненного ложными новостями, манипуляциями и противоречивыми мнениями, философия Пиррона и других скептиков, таких как Секст Эмпирик, кажется чрезвычайно актуальной. Понимание того, что нельзя принимать любую информацию на веру, помогает мне сохранять критическое отношение к прочитанному или услышанному, что особенно важно в эпоху социальных сетей, где недостоверная информация распространяется с пугающей быстротой.

Еще одной важной мыслью, которая сильно повлияла на мое восприятие философии и жизни в целом, является идея Сократа о том, что подлинное знание начинается с признания собственного незнания [2]. Когда я впервые столкнулась с этой мыслью, мне было сложно воспринять её как нечто значимое. Однако чем больше я углублялась в изучение философии, тем яснее мне становилось, что именно эта идея лежит в основе любого стремления к знаниям. Быть готовым признать что ты не все знаешь это не слабость, а напротив сила. Сократ умел не бояться признаваться в своем незнании и стремиться к поиску истины. Это убеждение стало для меня особенно важным на этапе освоения новой для меня академической дисциплины, когда мне приходилось сталкиваться с большими объемами информации с множеством понятий и теорий. В такой ситуации крайне важно не бояться задавать вопросы и искать ответы.

Данная философская установка стала важным инструментом для преодоления чувства неуверенности в академической среде, где порой кажется, что все знают больше, чем ты. Мне кажется, что в философии Сократа важен не только сам процесс познания но и внутренний мир человека, который готов воспринимать новые идеи и признавать ограниченность собственного восприятия. Для меня это стало важным жизненным уроком: знания не приходят за один день и их путь зачастую гораздо более сложен и многогранен, чем просто запоминание фактов.

Немаловажным аспектом философии, который я начала осознавать во время изучения компьютерных технологий, является концепция «рассеянного субъекта», предложенная современными философами, такими как Штефан Гауэрс и Мишель Фуко. Эта идея отражает изменения, которые происходят с человеком во время пользования компьютерными технологиями. Человек становится не просто наблюдателем, а активным участником информационного потока, где его личность и восприятие мира постоянно подвергаются трансформациям [3, с. 55]. Я заметила, что в интернете и в социальных сетях я часто веду себя иначе, чем в реальной жизни. Виртуальная идентичность может существенно отличаться от реальной, а в некоторых случаях он может быть даже полностью противоположной. Это является можно объяснить через концепцию рассеянного субъекта, который разрывает связь между личностью и её объективной реальностью. В интернете мы часто представляем себя другими либо пытаемся создать идеализированный образ, который может быть далеким от нашей реальной сущности. Я задумалась насколько в наше время важна сохранность собственной личности в условиях массовых цифровых трансформации, когда каждый шаг может зафиксирован, и каждое действие становится публичным.

Таким образом, философия для меня перестала быть абстрактной дисциплиной. Она стала важнейшим инструментом, с помощью которого я научилась не только разбираться в мире и в своем собственном сознании, но и в поисках собственного места в этом мире. Философия помогает мне осознавать свою ограниченность и открытость для нового знания, она учит задавать вопросы и смотреть на жизнь с разных точек зрения. Именно поэтому для меня философия стала не просто академическим предметом, но важной частью личного развития.

Литература

1. Горелов А. А. Основы философии / А. А. Горелов. – М.: Издательский центр «Академия», 2014. – С. 55.
2. Сократ – великий философ Древней Греции / znanieRussia [Электронный ресурс]. – URL: <https://znanierussia.ru/articles/Сократ> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Косилова Е. В. Миронов В. В. Сокулер З. А. Фролов А. В. Шапошников В. А. Бытие, познание и человек в цифровую эпоху: учебное пособие / Е. В. Косилова В. В. Миронов З. А. Сокулер А. В. Фролов В. А. Шапошников. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2019. – 184 с.

*Загидуллина Адиля Рамилевна, Козоренко Алина Витальевна
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г.Казань)
adilya.zagidullina25@mail.ru, tkozorenko@gmail.com*

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ЭГОИЗМ И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В ПОЗНАНИИ

Проблема доверия в познании, особенно в контексте научного познания, является актуальной темой для современной эпистемологии и философии науки. В последние десятилетия возрастает интерес к вопросам коммуникации в процессе познания, особенно в научной среде. Доверие к источникам информации, обмен знаниями и признание мнений других людей становятся неотъемлемыми аспектами эффективного научного познания. В условиях глобализации и развития информационных технологий проблема доверия в познании приобретает особую важность, так как восприятие и интерпретация знаний могут зависеть от того, насколько человек готов доверять информации и источникам. Эпистемический эгоизм, выражающийся в склонности полагаться исключительно на собственные знания и игнорировать мнения других, становится все более актуальной проблемой. Это требует новых подходов для преодоления таких установок и формирования более открытого научного диалога [1].

Основные результаты исследования включают следующие моменты: Эпистемический эгоизм как концепция в познании предполагает отказ от доверия к другим и ограничение знания на основе личного восприятия. Это приводит к изоляции познания и его фрагментации. Проблема доверия в познании становится не только этической, но и эпистемологической. Доверие необходимо для расширения горизонтов знания, взаимодействия с различными источниками информации и формирования полноценного научного диалога. В этом контексте важным аспектом является эпистемический авторитет, который играет ключевую роль в формировании доверия к источникам информации. Мы можем и должны использовать авторитеты как источники знаний, но при этом сохранять свою способность к самостоятельному мышлению и критической оценке информации [2].

Проблема доверия актуализируется на фоне исследований в области эпистемологии добродетелей, этики науки и философии науки. В этих дисциплинах доверие рассматривается как важнейший компонент научного взаимодействия и обмена знаниями. Например, Муртазин С.Р. утверждает о необходимости использования «презумпции доверия», согласно которой должно быть обосновано сомнение, а не доверие. Это означает, что утверждения других людей следует считать истинными, пока не будет доказано обратное. Этот подход способствует преодолению эпистемического эгоизма и открывает новые возможности для обмена знаниями и сотрудничества.

На основе проведенного анализа можно сделать несколько важных выводов. Познание невозможно без доверия, это касается повседневного и научного познания. Эпистемический эгоизм изолирует познание и закрывает его от внешнего опыта и мнений других людей, что ограничивает познавательные возможности. Эта изоляция также может проявляться в форме коммуникационных неудач, таких как невосприимчивость к обратной связи или молчание сту-

дентов, что дополнительно затрудняет взаимодействие и обмен знаниями [3]. Проблема доверия не сводится только к этическим вопросам. Она напрямую связана с эпистемологией, поскольку знание невозможно без признания ценности информации, полученной от других.

Эпистемология должна учитывать не только методы познания, но и моральные принципы, такие как доверие к источникам и коллегам. Концепция «презумпции доверия» может быть эффективным инструментом преодоления эпистемического эгоизма. Этот подход помогает сохранить открытость к знаниям других, минимизируя излишнее сомнение в их правоте, что способствует более конструктивным научным дискуссиям. Внедрение концепции «презумпции доверия» в научное познание и повседневное общение может способствовать созданию более открытых и продуктивных форм взаимодействия. Таким образом, доверие является фундаментальным элементом познания, и преодоление эпистемического эгоизма через концепцию «презумпции доверия» может существенно расширить границы познания и повысить качество взаимодействия между людьми и научными сообществами.

Согласно мнению Дащинского В.В., эпистемический эгоизм является характерной чертой студентов университета, проявляющейся в их склонности полагаться преимущественно на собственные знания и мнения, порой игнорируя мнения и аргументы других. Автор статьи указывает, что одна из причин невопрошающего молчания может быть связана с нежеланием студента "выдавать" свое незнание, то есть, по сути, с проявлением эпистемического эгоизма – сосредоточенности на сохранении имиджа "знающего" в ущерб получению нового знания. В работе подчеркивается, что эпистемический эгоизм не только ограничивает возможности познания, но и приводит к снижению качества обучения. Проявление эпистемического эгоизма наблюдается у студентов часто. Допустим, после лекции или семинара, когда преподаватель предлагает задать вопросы, наступает молчание. При этом, в дальнейшем, когда мы обсуждаем материал в неформальной обстановке, выясняется, что у многих были вопросы по теме, но они не были заданы. Также в групповых проектах зачастую некоторые студенты, полагаясь на свои силы, редко обращаются за помощью к коллегам или не учитывают их мнения. Это не только ограничивает понимания материала, но и создает атмосферу, в которой обучение становится менее продуктивными.

Таким образом, проблема эпистемического эгоизма действительно актуальна в образовательной среде, и внедрение концепции «презумпции доверия» могло бы помочь создать более открытое и поддерживающее пространство для обсуждений, где мнения каждого будут считаться цennыми.

Литература

1. Муртазин С. Р. Эпистемический эгоизм и проблема доверия в познании / С. Р. Муртазин // Вестн. Москв. Ун-та. Сер. 7. Философия. – 2021. – № 5. – С. 35-51.
2. Гаспаров И. Г. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта / И. Г. Гаспаров // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 53. – № 3. – С. 108-122.
3. Дащинский В. В. Невопрощающая молчание студентов как коммуникативная неудача: причины явления и способы преодоления / В. В. Дащинский // Logos et Praxis. – 2024. – Vol. 23. – No. 2. – С. 59-68

Закирова Диляра Ильгамовна
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
dilyara.zakirova.2020@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ КАК МЕТАФОРА ПОИСКА СМЫСЛА

Философский камень, известный в алхимии как средство, способное превращать обычные металлы в золото и даровать бессмертие, служит мощной метафорой стремления человека к пониманию жизни и поиску истинного счастья. В современном мире, полном вызовов и неопределенностей, эта концепция приобретает особую значимость. Легендарное вещество, которое иногда считали эликсиром жизни, символизирует не только материальное преобразование, но и путь духовной эволюции.

Теория трансмутации металлов, возникшая из идей исламского алхимика Гебера, предполагает, что превращение одного металла в другой возможно через перестановку его основных качеств. Алхимия всегда широко использовала аналогии и символизм для связи химических и физических процессов с эзотерическими и мистическими концепциями. В этом контексте философский камень становится метафорой внутреннего потенциала духа и разума для развития от низшего состояния несовершенства (символизируемого неблагородными металлами) к высшему состоянию просветления и совершенства (символизируемому золотом). В контексте человеческой жизни философский камень интерпретируется как стремление к личностному росту. Каждый человек, подобно алхимику, ищет способы «превратить» свои внутренние конфликты и страхи в мудрость и уверенность. В современном обществе, где многие испытывают кризис смысла из-за потребительской культуры и гонки за материальными благами, философский камень становится символом поиска истинного смысла существования. Он напоминает о том, что настоящее «золото» – это не материальные достижения, а понимание своих ценностей и целей.

Алхимики верили, что для создания философского камня необходимо объединить три элемента, символизирующие гармонию между духом, душой и телом. Каждый из этих элементов имеет свои уникальные характеристики и роли, которые взаимодополняют друг друга, создавая тем самым единую гармоничную систему. Ключевым аспектом этого алхимического процесса является идея единства и борьбы противоположностей. Алхимики считали, что принятие и интеграция этих противоположностей – таких как свет и тьма, мужское и женское, активное и пассивное – позволяет человеку достичь внутренней гармонии. Аналогично в жизни человека: внутренние конфликты и противоречия могут стать источником роста и развития. Принятие этих противоположностей позволяет человеку достичь гармонии внутри себя и продвигаться по пути самосовершенствования.

Истинное счастье часто связано с внутренним состоянием человека, а не с внешними обстоятельствами. Философский камень может быть воспринят как метафора для достижения этого состояния – процесса нахождения гармонии внутри себя. Это включает в себя осознание своих желаний, принятие себя и окружающих, а также развитие способности находить радость в простых вещах. В области психологии и личностного роста многие обращаются к практике

медитации, йоги или коучинга. Эти методы помогают людям осознать свои внутренние потребности и стремления. Также можно сказать о том, что в эпоху цифровых технологий влияние социальных сетей приводит к тому, что многие люди начинают стремиться к самовыражению и поиску своего места в мире. Они создают блоги и занимаются искусством, чтобы найти свой голос и поделиться своими мыслями с окружающими. Этот процесс может быть похож на алхимический: через исследование себя и своих интересов они трансформируют свои переживания и эмоции в нечто ценное, что может вдохновить других.

Таким образом стремление к «философскому камню» – это стремление к самопознанию и гармонии внутри себя, что является ключом к полноценной жизни. Философский камень становится методом трансформации, который позволяет нам развиваться до оптимально достижимого человеческого состояния, где мы можем использовать все наши способности на эмоциональном, умственном и физическом уровне.

Литература

1. Юнг К. Г. Психология и алхимия / К. Г. Юнг. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. – 590 с.
2. Шварц-Салан Н. Тайна человеческих отношений. Алхимия и трансформация Самости / Н. Шварц-Салан. – М.: Клуб Касталия, 2018. – 444 с.
3. Рохмистров В. Г. Книга алхимии. История, символы, практика / В. Г. Рохмистров. – М.: ЗАО ТИД «Амфора», 2008. – 302 с.

Зиннатова Рената Радиковна, Шарифуллина Лейла Данилевна
специалитет, 2 курс, «лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
zinnatova0500@mail.ru

КАНТОВСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Согласно общепринятыму обозначению, искусственный интеллект (ИИ) – это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов». [4]

Давайте попытаемся понять, как устроен разум, глядя на него глазами философа Иммануила Канта и сравнивая его с тем, как мы создаем ИИ. Вы наверняка задаетесь вопросом, почему мы рассматриваем ИИ на основе философии И. Канта. Так как идеи И. Канта затрагивают важные темы, такие как мораль, природа человеческого разума, сознание. Эти вопросы связаны с развитием искусственного интеллекта, который ставит перед современным человеком новые этические и философские дилеммы. Представьте, что Кант придумал чертеж, по которому строится любой разум, будь то человеческий или машинный. В этом чертеже есть несколько важных элементов, которые будут рассмотрены далее. Кантовская модель рассудка вовсе не система суждений и умозаключений; эта модель предполагает работу воображения, которое рисует в воображаемом пространстве фигуры. Воображение создает образы, соединяя элементы нашего опыта, и этот процесс можно представить как вычисление во времени. Категории выступают логическим компонентом управления воображением в работах И. Канта по синтезированию целостного восприятия из материала чувственности. Но категории дают только логическую форму явления, существуют ячейки-рубрики, которые нужно заполнить. Это «заполнение» и определяет отличие живого интеллекта от искусственного. То есть, синтез определенного явления программируется ячейками-рубриками. [2]

Различаются синтетическая и аналитическая функции рассудка. Анализ – классификация уже известного. Аналитическая функция – это именно подведение представлений под понятия. Она включает только технологическую составляющую, которая может быть воспроизведена в искусственном интеллекте. Цели создания ИИ включают в себя “идентификацию” фактического материала и его каталогизации в базах данных. Но “живая” составляющая воображения не может быть интегрирована в вычислительную машину. Синтез – создание представлений через соединение чувственности и мышления, а не подведение под понятийную рубрику. Мы можем научить машину считать, классифицировать, но не можем вложить в нее эту “душу”, эту способность к спонтанному творчеству, к созданию чего-то принципиально нового. Мы можем задать схему счета, но не можем интегрировать в машину живой луч воображения. Свободная игра рассудка и воображения в способности суждения характерна именно человеческому разуму. Она помогает нам предложить гипотезы. Проблема ИИ как раз и заключается в воспроизведении этой свободной игры, поскольку здесь задается неопределенность самого выбора. Поэтому, реализация способности к суждению означает сильную версию интеллекта. Рассудок может решить логические задачи, но задачу полной системности опыта

он не может, и все его выводы носят гипотетический характер. В этом смысле идеи определяют кантовский разум как слабый интеллект.

Выделяют две версии искусственного интеллекта. Первая, суперкомпьютер с бесконечной скоростью вычислений, превышающей скорость вычислений человеческого интеллекта. Он основан на техническом аналитическом счете, соответственно такой суперинтеллект остается конечным вычислителем (слабым интеллектом). Вторая, биокомпьютер(нейросеть) принципы которого неизвестны из-за логической реализации функции выбора или научения. Такой компьютер является программистом самого себя. С позиции кантовского учения о разуме можно сказать: и живой, и искусственный интеллекты являются конечными. [1]

Так вот, главный вопрос – сможет ли искусственный интеллект когда-нибудь стать "сильным"? Сможем ли мы создать машину, которая не просто знает, но и способна принимать моральные решения, осознавая свою ответственность? Философия Канта дает нам пищу для размышлений и помогает понять, что это требует чего-то большего, чем просто наращивание вычислительной мощности. Это требует создания чего-то, что способно к автономному моральному выбору. В философии суперинтеллектом часто называют Бога. Кант предостерегает от очеловечивания высшего разума.

Выводы. Таким образом, по И. Канту мы рассматриваем ИИ как попытку воспроизвести архитектуру разума. Но есть вещи, которые машине, возможно, никогда не будут доступны, – например, свобода воли. Пока искусственный интеллект силен в анализе, но не способен к синтезу. Ему не хватает спонтанности, воображения. В этом и заключается разница между машиной, которая просто обрабатывает данные, и разумом, который создает что-то новое. Создание искусственного интеллекта, способного к настоящему мышлению, требует чего-то большего, чем просто алгоритмы и вычислительная мощность.

Литература

1. Григорова Я. В. Комаров С. В. Анализ проблемы искусственного интеллекта через призму философии И. Канта / Я. В. Григорова С. В. Комаров // Вестник Пермского университета. – 2024. – № 4. – С. 464-469. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problemy-iskusstvennogo-intellekta-cherez-prizmu-filosofii-i-kanta> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва: Изд-во АСТ, 2018. – 160 с. – ISBN 978-5-17-107836-2.
3. Худайбединова Н. А. Чариев М. С., Азадов А. А. Слабый и сильный искусственный интеллект: различия и перспективы развития / Н. А. Худайбединова М. С. Чариев, А. А. Азадов // Вестник науки. – 2024. – Том 1, № 4. – С. 443-445. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slabyy-i-silnyy-iskusstvennyy-intellekt-razlichiya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 29.03.2025).
4. Ларчев Д. В. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация / Д. В. Ларчев // Правовой альманах. – 2024. – № 1 (32). – С. 29-34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-ponyatie-priznaki-klassifikatsiya> (дата обращения: 01.04.2025).

Мехри Икрамова Икрамовна
бакалавриат, 1 курс, «Лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
ikramovamehri89@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОСТИ И ВОПРОСЫ ПРИГОДНОСТИ

В цивилизационном пространстве, где текучесть смыслов и структурная нестабильность социокультурных паттернов стали не исключением, но нормой, философия, как дисциплина критической универсалии, оказывается в положении то ли лишнего органа, то ли неразрешимого основания. Казалось бы, её век миновал – и это мнение, удивительным образом, бытует как среди представителей точных наук, так и в дискурсивных зонах гуманитарного знания, где философии (не всегда) отводится роль затхлой архаики. Но действительно ли она утратила релевантность, или мы лишь потеряли чувствительность к её голосу?

Сегодняшний субъект – будь то инженер, медик, преподаватель или, допустим, цифровой дизайнер – функционирует внутри эпистемологически фрагментированного мира, где единственным устойчивым элементом остается экспоненциальный рост неопределенности. Философия, несмотря на иллюзию оторванности от «реального», предоставляет не просто инструментарий для рефлексии, но и матрицу нормативных координат, позволяющих не потерять – или, быть может, найти – вектор смыслообразования [1].

Сложно отрицать: в век генных модификаций, автономных систем и алгоритмической предсказуемости человеческих решений, размыщение о природе субъективности, о границах этического допустимого и о метафизических константах получает не академический, а экзистенциальный статус. Ошибочно полагать, что философия здесь избыточна: скорее, именно она (в воплощении биоэтики, философии сознания, философии техники) задаёт те граничные вопросы, на которые наука не то чтобы не способна ответить, но даже и не формулирует как вопросы [2, с. 45–47]. И всё-таки, если это науке не нужно – зачем это нам?

Правовая и политическая сферы также не могут быть обоснованы без философской глубины – хотя зачастую, к несчастью, они этого не осознают. Понятия справедливости, равенства, права (особенно субъективного) исторически укоренены в философской традиции, которая, несмотря на свои многочисленные парадоксы и внутренние противоречия, формировала основу нормативного мышления в публичной сфере [3]. Более того, если лишить общественный дискурс философского фундамента, он, вполне вероятно, деградирует до уровня популистского шума или демагогии.

Но не только в общественно-политической сфере философия проявляет свою интенциональность. Даже в системе образования, особенно в критические периоды – подобно тем, что переживаются ныне – она становится почти что последней надеждой на обретение способности к интерпретации, к автономному мышлению, которое не сводится к банальной механике информации. Возможно, здесь наиболее очевиден парадокс: чем более «практически» настроено общество, тем более оно нуждается в фундаментальных вопросах, на которые нет ответа, но которые позволяют существовать в открытом горизонте интеллектуальной свободы [4].

Философия помогает выдерживать напряжение между знанием и неведением. Между пониманием и верой. Между рациональностью и мистерией. И в то же время – что весьма показательно – она остаётся дискурсом, требующим не только ума, но и характера: готовности сомневаться, терпеть неполноту, признавать, что некоторые вопросы не будут разрешены.

На личностном уровне философия играет функцию не столько утешения, сколько пробуждения. Взгляд внутрь – и взгляд вовне. Как бы не банально это не звучало, в эпоху, когда человек окружён шумом симуляков, алгоритмов и алгоритмических симуляков, возможность задать себе вопрос: «А кто я есть?» – уже становится актом сопротивления. Особенно, когда внешняя реальность навязывает бесконечное множество ролей и масок [см. 5, с. 83].

Таким образом, философия нужна не только интеллектуалам, занятым высокими материами. Она нужна всем, кто ещё способен задавать вопросы и не удовлетворяться банальностью ответов. Она не просто полезна – она необходима. Хотя бы для того, чтобы сохранить человека как мыслящее существо. Ведь если философия исчезнет, кто тогда будет спрашивать, зачем исчезла философия?

Литература

1. Nussbaum M. Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities / M. Nussbaum. – Princeton University Press, 2010. – 178 p.
2. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего / Ю. Н. Харари. – М.: Синдбад, 2018. – 528 с.
3. Сен А. Идея справедливости / А. Сен. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 496 с.
4. Lipman M. Philosophy in the Classroom / M. Lipman, A. M. Sharp, F. S. Oscanyan. – Philadelphia: Temple University Press, 1980. – 261 p.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 400 с.

Колмычек Артём Антонович
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
arkoan999@mail.com

ФИЛОСОФИЯ И ЛИНГВИСТИКА. НУЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ ЛИНГВИСТИКЕ?

Вопрос о необходимости философии для лингвистики остается дискуссионным. С одной стороны, современная лингвистика все чаще опирается на эмпирические методы, корпусные исследования и формальные модели, что создает иллюзию самодостаточности [1, 2]. С другой – фундаментальные проблемы языка (к примеру, природа значения, связь языка и мышления, социальная обусловленность речи) требуют философской рефлексии, поскольку они находятся в сфере интересов философии языка [3, 4].

Сама лингвистика зародилась в недрах философии. Крупнейшие древнегреческие философы, включая Аристотеля, Платона, Сократа и других, разрабатывали теоретические вопросы языка [5]. Многие лингвистические концепции уходят корнями в философские учения. Так, например, теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля развивалась в рамках аналитической философии [6], а гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа связана с философскими спорами о языке и реальности [7]. Без философского осмысления эти идеи остались бы на уровне интуитивных догадок. Философия предлагает лингвистике критический инструментарий для анализа базовых понятий. Например, эпистемологические вопросы (как мы познаём язык?) влияют на выбор моделей и схем проведения исследований [8].

В эпоху активного развития нейролингвистики именно философская рефлексия позволяет осмыслить этические последствия технологизации языка (к примеру, использования машинного перевода), поскольку именно философия традиционно занимается анализом морали, исследуя моральные аспекты человеческого поведения [9]. Философская рефлексия позволяет рассматривать не только позитивные, но и негативные последствия технологизации языка, выявлять моральные дилеммы, связанные с автоматизацией языка, возникающих в условии распространения искусственного интеллекта [10]. В нейролингвистике центральное место занимает вопрос о соотношении языка и сознания, который является предметом философии сознания. Исследования мозговой организации речевых функций напрямую затрагивают философские вопросы: как формируется мышление, каковы механизмы субъективного опыта [11]?

Таким образом, философия важна для лингвистики, поскольку она стимулирует постановку фундаментальных вопросов и предоставляет методологические основания. Вместе лингвистика и философия формируют целостное понимание языка как ключевого инструмента человеческой коммуникации.

Литература

1. Рюкова А. Р. Корпусно-ориентированные исследования языка: краткий обзор достижений и трудностей / А. Р. Рюкова // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – №1 (49). – URL: <https://rulb.org/archive/1-49-2024-january/10.18454/RULB.2024.49.17> (дата обращения: 05.05.2025).

2. Райскина В. А. Дубнякова О. А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) / В. А. Райскина, О. А. Дубнякова // Актуальные вопросы современной науки. – 2015. – №40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-korpusnoy-lingvistiki-pri-analize-teksta-na-primere-korpusa-bfm> (дата обращения: 16.08.2025).
3. Кормочи Е. А. Язык как предмет философской рефлексии / Е. А. Кормочи // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 12-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-predmet-filosofskoy-refleksii> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Antoniou G. Slaney J. Advanced Topics in Artificial Intelligence / G. Antoniou J. Slaney. – Springer. – 9 с.
5. Рогалев А. Ф. Философские проблемы языкоznания / А. Ф. Рогалев. – Гомель: Гомельский государственный университет, 2020. – 53 с.
6. Гонгало Е. Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля / Е. Ф. Гонгало // Культура, наука, образование в современном мире: материалы V Международной научной конференции. – Гродно: ГГАУ, 2011. – 45-49 с.
7. Абдурахманова Н. Г. Гипотеза «Лингвистической относительности» / Н. Г. Абдурахманова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №9-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipoteza-lingvisticheskoy-otnositelnosti> (дата обращения: 05.05.2025).
8. Гутнер Г. Б. Эпистемология и анализ языковых практик / Г. Б. Гутнер // Epistemology & Philosophy of Science. – 2009. – №4. – С. 30-47. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistemologiya-i-analiz-yazykovyh-praktik> (дата обращения: 05.05.2025).
9. Базылев В. Н. «Философия» машинного перевода / В. Н. Базылев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №2. – С. 95-104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-mashinnogo-perevoda> (дата обращения: 05.05.2025).
10. Ларюэль Ф. Два этических начала в технологическом мире / Ф. Ларюэль // Философская антропология. – 2015. – №1. – С. 49-61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-eticheskikh-nachala-v-tehnologicheskem-mire> (дата обращения: 16.08.2025).
11. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.

*Кучумова Рамина Руслановна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
mraminagic@gmail.com*

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

1. «Я не мудрец, но только философ» [2]

Слово «философия» греческого происхождения и состоит из двух частей. «Филия» переводится как «любовь», «софия» – как «мудрость». Таким образом, философия буквально означает любовь к мудрости. Впервые слова «философия» и «философ» стал употреблять знаменитый грек Пифагор, живший в VI в. до н. э. До него греческие ученые называли себя термином «софос», что означает «мудрец», то есть считали себя мудрецами. Пифагор в беседе с царем Леонтом произнес слова, ставшие впоследствии крылатыми: «Я не мудрец, но только философ». Это изречение на первый взгляд представляется странным и даже бессмысленным, так как понятия «мудрец» и «философ» кажутся синонимами. На самом деле они означают совершенно разное. «Софос» – мудрец – это тот, кто владеет мудростью, обладает полной истиной, знает все. «Фило-софос» – любитель мудрости – это тот, кто не владеет мудростью, но стремится к ней, не знает всей истины, но хочет узнать. Пифагор считал, что человек не может знать всего и обладать полной истиной, но он может стремиться к этому, а говоря иначе, он не может быть мудрецом, но может быть только любителем мудрости – философом.

Философия – это прежде всего путь познания себя, стремление к пониманию мира, которое необходимо каждому из нас.

Чтоб быть философом или философствовать не обязательно углубляться в историю философии, знать все достижения философии, главное найти предмет или вопрос в жизни, который тебя волнует наиболее всего и пытаться докопаться до истины, смысла, опираясь не только на свой жизненный опыт, но в целом на значение само обособленное для мира этого предмета ,на то какое значение он имеет для других людей. Люди достаточно горделивы, и как правило, нам больше интересно то, что мы можем прочувствовать и понять на основе собственного опыта, и именно поэтому философия может быть интересна каждому, так как она непременно идет с нами под руку с новыми событиями или явлениями в жизни каждого из нас, если ,конечно, замечать ее присутствие .

2. Лицом к лицу лица не увидать

Большое видится на расстоянье

Порой нам приходится слышать, что того или иного знакомого или друга постигла неудача на работе или в личной жизни. Потом с течением времени неудачи оборачиваются удачами. И наоборот.

Как писал Сергей Есенин в 1924 году в его «Письме к женщине»:

Лицом к лицу лица не увидать.

Большое видится на расстоянье.

Философия помогает пережить этот момент отчаяния путём отстранения от события, беспристрастным взглядом со стороны. Многие ждут от философии ответа на глобальные вопросы человечества и непреложных истин, хотя сами философы всегда напоминают, что философия – это про сам поиск (истины ли, своего предназначения ли), а не про результат.

Осмысление философии, прошлого, помогают понять, что все, что с нами происходит в жизни, не так глобально, что из каждой проблемы есть выход. Мы – лишь маленькая частица в этом огромном мире, как и наши проблемы. Оттого, надо выбросить все лишнее из головы, не придавать значения тому, что того недостойно и пытаться действовать лишь из благих помыслов, стремясь сделать хоть что-то для мира, для будущего, как это сделали для нас наши предки.

3. Философия – центр всех наук

философия подобна дереву, корни которого из опыта, ствол из практики, а ветви, исходящие от этого ствола, это развитие разной техники, наук и искусств, способствующих социальному развитию человечества. А всё прочее сводится только к обогащению знаниями в базисе общества, то есть в политике, экономике и культуре как основным составным частям любого общества при его постоянном стремлении к познанию истины, которая является знанием о предмете или процессе подтверждённое опытом, практикой и наукой и определяет культуру общества как совокупность всех его достижений в определённый период времени.

Аналогичного мнения придерживался и Гегель, видя в философии не только средоточие всех наук, но и всяких истин, о чём он ясно выразился в произнесённой им речи при открытии философских чтений в Берлине 22 октября 1818 г.:

«В здешнем университете, в этом центральном университете страны, должна также найти своё истинное место и пользоваться наибольшим попечением та наука, которая образует центр всей духовной культуры, всех наук и всякой истины, т. е. философия».

Литература

1. Шавлохова А. Как философия помогает в повседневной жизни / А. Шавлохова // Лайфхакер. – 2018. URL: <https://lifehacker.ru/kak-nam-pomogaet-filosofiya/> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Гусев Д. А. Популярная философия. Учебное пособие / Д. А. Гусев. – М.: Прометей, 2019. – 550 с. – URL: <https://fil.wikireading.ru/3192> (дата обращения: 14.08.2025).

Малов Данила Алексеевич

Бакалавриат, 1 курс, «философия»

Владимирский государственный университет

montanaseasonactive@gmail.com

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Для точного понимания места философии в современности нам необходимо определить содержание философии и результат изучения её, а после – предположить в каких областях деятельности актуально её применять.

Философия содержит в себе информацию о базовых, фундаментальных *принципах реальности*. Изучая философию, можно увидеть основную философскую закономерность: описание принципа, после которого даются примеры применения этого принципа. Примеры дают понимание как реализуется тот фундаментальный принцип, лежащий в основе бытия, из которого исходят все дальнейшие соответствующие этому принципу следствия в бытии.

Так, объясняя диалектический принцип бытия, мы можем сначала объяснить его суть: все эмпирические объекты и процессы изменчивы; состояния одних и тех же процессов или объектов в ходе их изменений отличаются друг от друга (состояние 1 есть состояние 1 и не есть состояние 2, следовательно, состояние 1 и состояние 2 отличаются друг от друга). После мы приводим пример, дающий понимание как устроен этот принцип: сейчас уровень развития технологий позволяет человеку дистанционно и непосредственно управлять процессами в реально существующем мире, а вот 100 лет назад процессами в реальном мире было невозможно управлять непосредственно из-за соответствующего недостаточно развитого уровня технологий, поэтому процесс управления реализовывался опосредованно. Изменение уровня технологических возможностей в этом примере нам представляется очевидным, диалектический принцип бытия на примере изменения (в нашем случае развития) уровня технологических возможностей также показан нам очевидно.

В ходе понимания процессов реального мира на фундаментальном уровне, на уровне основания мира, и в ходе применения понимания к взаимодействию с миром задействуется интеллект. Что такое интеллект дала точное определение Айн Рэнд, цитата: «Интеллект – это способность усваивать факты реальности и оперировать ими (то есть их концептуализировать)» [1, с. 57].

Чем чаще мы прибегаем к использованию интеллекта, тем более мы разумны. Философия своим содержанием даёт возможность применять интеллект постоянно. Постоянное применение интеллекта при изучении философии реализуется так: сначала нам необходимо дать описание фундаментальных принципов бытия, которые реализуются через эмпирические объекты или процессы, которые мы воспринимаем органами чувств. Далее, после описания метафизического принципа, мы можем самостоятельно в уме построить модель того, какие изменения возможно произвести с взятым для исследования объектом или процессом. И чем больше объектов и процессов мы способны соединить в уме, предельно точно выстроив между ними связи, тем лучше мы способны понять мир в целом. Соответственно, для построения более широкой картины мира необходим более сильный интеллект. Понимая мир лучше, мы получаем возможность совершать более результативные действия, можем более качественно

влиять на процессы в мире, можем более качественно управлять ими. Таков результат изучения философии.

Для чего нам нужен сильный интеллект, развитый под влиянием философии? Для ответа на этот вопрос возьму такую цитату: «Разум – орудие выживания человека. Он выживает посредством сделанных им вещей. Их источник – его собственный интеллект» [см. 1, с. 57]. Соответственно, чем сильнее наш интеллект, чем большее количество процессов и связей между ними мы понимаем, тем более результативные для наших интересов вещи мы можем создавать.

Актуальность применения философии универсальна. В познавательных процессах философия полезна для упорядочивания собственного знания путём понимания принципа, по которому работает конкретное явление и связывания этого принципа с зафиксированными явлениями. Например, изучая физику, мы можем увидеть там огромное количество формул, но лишь понимая какие процессы охватывает наука физика, понимая принцип каждого процесса, отражающегося в конкретной формуле – мы можем не запутаться в формулах, точно понимая границы каждого физического процесса, на которые и накладываются соответствующие формулы. Изучая математику, мы можем применить к ней логические законы и лучше понять её закономерности, создавая в уме соответствие между обеими абстрактными областями знания. Изучая психологию, любой из её разделов, мы можем лучше понять аффективное функционирование людей. Также, благодаря философии, мы можем сделать более весомый вклад в любую из существующих наук.

Выходя за пределы академических кругов, мы можем применять фундаментальные принципы из философии к решению проблем в мире вообще. Тот же диалектический принцип бытия мы можем использовать для решения демографических или экономических проблем, обнаруживая что ведёт эти процессы к состоянию разрушения, а что, наоборот, к состоянию совершенства. Далее мы устраним разрушающие эти процессы элементы, а также сохраним и усилим влияние элементов, совершающих эти процессы.

Для понимания последствий вклада в науку и решения проблем современности добавлю следующую цитату Айн Рэнд: «История вершится меньшинством, и даже больше: история вершится интеллектуальными движениями, созданными меньшинством. Кто входит в эти меньшинства? Любой, кто способен и желает активно вовлечься в интеллектуальные вопросы. Здесь важно не количество, а качество идей» [1, с. 287-288]. Этим меньшинством, способным и активно вовлечённым в интеллектуальные вопросы, дающим качественные рабочие полезные идеи будут все, кто изучают философию – и в этом ценность и актуальность философии в современном мире.

Литература

1. Рэнд А. Философия: Кому она нужна? / А. Рэнд. – М.: Альбина Паблишер, 2021. – 308 с.

Маринина Ирина Валерьевна Бурганова, Камиля Ильгаметдиновна
Специалитет, 2 курс, педиатрия
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
marininairina316@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ СТРАДАНИЯ В ЭПОХУ КРИЗИСОВ: ОТ БУДДЫ ДО НИЦШЕ

Актуальность: Современная эпоха отличается нестабильностью и постоянными трансформациями, что приводит к усилению личной и социальной дезориентации. Возникает необходимость по-новому осмыслить феномен страдания как реакции на неопределенность и утрату опоры в мире. Это состояние в социологии описано как аномия (по Э. Дюркгейму) – утрата нормативных ориентиров, сопровождающаяся внутренней тревожностью и девиантным поведением. Философские концепции Триста и Эмери, описывающие социальную турбулентность, подчеркивают важность адаптации к быстро меняющимся условиям. В таких условиях анализ философских интерпретаций страдания приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость.

Цель: проанализировать, как экзистенциальные и философские интерпретации страдания – от буддизма и стоицизма до взглядов Фридриха Ницше – могут способствовать осмыслению человеческого опыта в условиях социальной нестабильности. Исследование также направлено на выявление когнитивных искажений, влияющих на восприятие страдания, и оценку их значимости в контексте концепций аномии и социальной турбулентности.

Материалы и методы: в основу исследования легли тексты философов, религиозных деятелей и социологов, в которых раскрываются различные аспекты страдания. Применён сравнительно-аналитический метод, междисциплинарный подход (философия, психология, социология), а также элементы когнитивной теории восприятия. Это позволило проследить, как историко-философские концепции соотносятся с современными вызовами.

Результаты исследования: были идентифицированы основные когнитивные искажения, усиливающие страдание:

Предвзятость страдания – тенденция преувеличивать значимость собственных трудностей;

Гиперболизация страдания – восприятие ситуации как более драматичной, чем она есть на самом деле.

Эти искажения усугубляют эмоциональное состояние человека, особенно в условиях неопределенности, описанных в концепциях:

BANI (авторы – Jamais Cascio, 2020)

Мир воспринимается как хрупкий (*brittle*), тревожный (*anxious*), нелинейный (*nonlinear*) и непостижимый (*incomprehensible*). Это усиливает стресс, фрустрацию и потребность в новых стратегиях адаптации.

VUCA (разработана в U.S. Army War College, 1987)

Мир понимается как волатильный (*volatility*), неопределенный (*uncertainty*), сложный (*complexity*) и неоднозначный (*ambiguity*). Такая среда приводит к внутреннему напряжению, утрате ощущения безопасности и необходимости ментальной устойчивости.

Концептуальные рамки: Буддизм интерпретирует страдание как часть бытия. Освобождение возможно через осознанность, отказ от желаний и следование восьмеричному пути. Это философия не избегания страдания, а его трансформации.

Стоицизм учит видеть страдание как шанс для духовного роста. Сенека и Эпиктет утверждали, что свобода возможна даже в несвободе – через контроль над реакциями и внутреннюю дисциплину.

Фридрих Ницше считал страдание необходимым условием личностного роста. Только преодолевая страдания, человек становится «сверхчеловеком» – носителем воли и смысла.

Эмиль Дюркгейм в концепции аномии подчёркивал, что размывание социальных норм ведёт к внутреннему кризису личности, особенно в периоды перемен.

Эрик Трист и Фредерик Эмери в теории турбулентности подчеркивают необходимость гибкости и способности адаптироваться к постоянно меняющемуся миру, где традиционные ориентиры утрачивают актуальность.

Вывод: Философские концепции страдания позволяют рассматривать его не только как источник боли, но и как точку роста.

В условиях нестабильности важно формировать у людей критическое мышление и устойчивость к когнитивным искажениям.

Образовательные, психологические и социальные инициативы должны быть направлены на развитие адаптивных навыков, эмоционального интеллекта и способности действовать в неопределенности.

Понимание страдания как универсального человеческого опыта помогает укрепить чувство солидарности и смысловой устойчивости.

Литература

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ницше Ф. – М.: АСТ, 2020. – 416 с.
2. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / Л. Сенека. – М.: Наука, 2019. – 320 с.
3. Будда Ш. Дхаммапада / Ш. Будда. – СПб.: Азбука, 2021. – 144 с.
4. Рябов П. В. Экзистенциализм период становления, [курс лекций] / П. В. Рябов. – Москва: РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. – 463 с.
5. Сироткин А. В. Экзистенциализм Ж.-П. Сартра и «виртуальный экзистенциализм» / А. В. Сироткин // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 9. – С. 93-95.
6. Куршева А. А. Размышления о смысле жизни: с древности до наших дней / А. А. Куршева // Труды XXVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции КрИЖТ И-рГУПС. Том 4. Редколлегия: В.А. Поморцев (отв. ред.) [и др.]. – Красноярск, 2023. – С. 80-83.
7. Даренский В. Ю. Основоположения русского экзистенциализма в наследии А. Григорьева / В. Ю. Даренский // Русско-Византийский вестник. – 2023. – № 3 (14). – С. 101–114.
8. Челнокова Е. В. Кризис культуры и антропологическая модель в экзистенциализме / Е. В. Челнокова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2023. – № 3(48). – С. 239-244.

*Молодейкина Полина Андреевна
Бакалавриат 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
polinabunny72@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. КОМУ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ?

В современном мире, кажется, что лингвистика и философия потеряла свою актуальность. Но, что такое лингвистика и философия? Лингвистика (от лат. Lingua-язык), языкознание, языковедение – наука, изучающая языки. Это наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как его индивидуализированных представителях. Философия – это форма общественного сознания, мировоззрение, система идей, взглядов на мир и на место в нём человека. Философия тесно связана с реальной жизнью и всегда направлена на осмысление наиболее актуальных проблем человеческого бытия. Однако, именно сейчас, когда мы сталкиваемся с возможностями, философские размышления, особенно о взаимосвязи языка и сознания, приобретают особую значимость. Кому же сегодня нужна философия? Людям, которые связаны с лингвистикой и всем, кто стремится не просто существовать в мире, а понимать его и активно формировать свое будущее.

В основе этой потребности лежит осознание, что язык – это не просто инструмент коммуникации, а фундаментальный элемент социального бытия и организатор познания мира. Как подчеркивалось в исследованиях, разные языки могут по-разному категоризировать реальность, что влияет на когнитивные процессы. Эта лингвистическая относительность ставит перед человечеством задачу критической оценки информации, умения видеть мир с разных точек зрения и не поддаваться на упрощенные или предвзятые интерпретации. В мире, где дезинформация становится оружием массового поражения, философское мышление – это щит, защищающий от манипуляций и позволяющий мыслить критически и самостоятельно.

Более того, язык играет ключевую роль в развитии абстрактного мышления, необходимого для решения сложных проблем и создания инноваций. В современном мире, где искусственный интеллект меняет рынок труда, умение мыслить абстрактно, генерировать новые идеи становится критически важным навыком. Философия, развивая способность к логическому рассуждению и анализу концепций, подготавливает нас к будущему.

Нельзя забывать и о языке как инструменте самоидентичности. Через язык человек может рассказывать истории о себе, определяя свое место в мире и выражая свои ценности. В эпоху глобализации, поиск идентичности становится важной задачей для каждого человека. Философия помогает нам осмыслить свой опыт, понять свои ценности и сформировать собственную, осознанную идентичность.

Язык – это средство социальной интеракции и культурной передачи. Философское понимание этой роли языка необходимо для эффективной коммуникации в мире, где разные люди могут иметь разные ценности и способы восприятия реальности. Осознание социокультурной обусловленности влияния языка на сознание позволяет нам преодолевать барьеры непонимания и строить более гармоничные отношения с другими людьми.

Важно понимать, что влияние языка не является абсолютным, и необходимо критически оценивать гипотезу лингвистического детерминизма. Люди должны знать о существовании альтернативных форм мышления, которые не зависят от языка, и учитывать, что значение слов меняется в зависимости от социальных норм и индивидуальных убеждений.

В заключение, в современном мире данное направление развивается и в наши дни, так как всё большее количество лингвистических исследований рассматривает язык в отношении к когнитивным, историко-культурным и социальным факторам. Понимание того, как язык формирует наше мышление, восприятие мира и идентичность, позволяет нам более критически оценивать информацию, эффективнее общаться, успешнее решать проблемы и более осознанно жить своей жизнью.

Литература

1. Всемирный день философии / URL: <https://bit.ly/2wNVVZE> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 68-83.
3. Выготский Л. С. Мысление и речь / Л. С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – С. 218-245.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 270-295.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/ А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 112-135.
6. Мид Дж. Г. От жеста к символу / Дж. Г. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 213-222.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1985. – 536 с.
8. Арнхейм Р. Визуальное мышление / Р. Арнхейм. – М.: Прогресс, 1977. – С. 78-95.
9. Мингкулова Н. Б. Что такое лингвистика / Н. Б. Мингкулова // Экономика и социум. – 2019. – №4 (59). – С. 510-512. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cto-takoe-lingvistika> (дата обращения: 14.08.2025).

Наумова Дарья Дмитриевна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
naumovadarya353@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР. КОМУ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ?

С самого начала философия стремилась объединить различные грани человеческого бытия: от фундаментальных принципов до конкретных ситуаций, от общественного мнения до личных убеждений. Она устанавливает связи между разными областями знания и людьми, стимулируя интересные дискуссии.

На протяжении всей истории человечество искало способы познать мир и расширить свои представления о нём, и философия играет в этом ключевую роль. Наша способность к обучению и адаптации во многом определяется воображением и творческим мышлением, а не только внешними обстоятельствами. Именно идеи являются двигателем прогресса.

Этот непрерывный поиск истины привёл к выдающимся достижениям, но породил и новые вызовы. Среди них – потенциальный кризис цивилизации, вызванный чрезмерной уверенностью в своих силах и пренебрежением к природе. Человек научился управлять природными ресурсами, но это иногда ставит под угрозу само существование. Опасность эту первыми осознали философы.

Образование, особенно в стенах университетов, имеет огромное значение в стремлении к знаниям. Какой должна быть современная философская образовательная среда? Какова роль преподавателя? Какие навыки необходимо развивать, чтобы студенты стали активными участниками познавательного процесса?

Сегодня мы пересматриваем место философии в жизни. Раньше она могла казаться оторванной от реальности, но сейчас её значение заметно возросло. Истинное просвещение всегда было и остаётся главной целью философии [1].

В любом из возможных толкований, философия – это нечто необходимое для всех и во все времена. Она нужна каждому, кто осознаёт свою принадлежность к человечеству, независимо от того, делает он это осознанно или нет. То же самое можно сказать и о любых объединениях людей – от семьи до всего человечества, стремящихся к цивилизованности и обладающих культурными ценностями [2].

Философия как профессиональная деятельность охватывает обширную область знаний, техник и умений, освоение которых требует значительных усилий и, по сути, невозможно в полной мере. Как, например, изучая Аристотеля, можно охватить весь спектр литературы, текстов и мнений о нём и вокруг него, не говоря уже о глубоком анализе? Ученые следят за новейшими открытиями коллег, но что это значит для философа? Хотя философская работа не обязательно сложнее других научных дисциплин, она, безусловно, не менее трудна. Сложность здесь возрастает из-за масштабности. Мыслители, заложившие основы современной научной методологии, учили разбивать проблему на части для её полного решения, но не объяснили, как это применить в философии, хотя сами были философами. Один человек не может

освоить весь необходимый материал, чтобы философский труд соответствовал научным стандартам, а коллективные формы философствования пока не получили должного развития.

Это не означает, что к философии нельзя применять общие критерии оценки научной работы, но они оказываются недостаточными и не совсем подходящими. Существуют и другие важные показатели ценности и значимости философских достижений, которые особенно ценят сами философы. Одним из них является наличие последователей – людей, которые верят в их идеи и хотят их слушать. Философия – это зачастую индивидуальное, порой даже одиночное занятие, но философу всё же нужны слушатели. Даже Заратустра у Ницше, этот философ-сверхчеловек, удалившийся в горы, время от времени спускался к людям, устав от своей «мудрости, словно пчела, собравшая слишком много мёда». Да, философам необходима протянутая к ним рука помощи [3].

Литература

1. Ускова Е. В. Роль философии в современном мире / Е. В. Ускова. – С. 241-244. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45072/1/philosophy21_2016_43.pdf (дата обращения: 14.08.2025).
2. Перерва В.В. Кому и зачем нужна философия? / В.В. Перерва // Сборник статей. – Нижний Новгород: РИЦ «Курьер-медиа», 2015. – 192 с. – URL: https://kuriermedia.ru/wp-content/uploads/2021/02/v._v._pererva._voprosy_filosofii.pdf (дата обращения: 14.08.2025).
3. Гусейнов А. А. Кому и зачем нужна философия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2017. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1687&Itemid=52 (дата обращения: 14.08.2025).

Нестерова Диана Денисовна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
roksi2020@gmail.com

ИСТИНА – ЭТО НЕ ПРОСТО СООТВЕТСТВИЕ ФАКТАМ, А СОГЛАСИЕ МЕЖДУ СОЗНАНИЯМИ

Что делает утверждение истинным? На первый взгляд, можно подумать, что это простое соответствие фактам. Но философия XX века показала, что этот ответ не совсем полон. Мы живём в мире, где интерпретация так же важна, как наблюдение, и контекст не менее значим, чем содержание. В условиях множества разных мировоззрений говорить об одной объективной истине становится сложно. Всё больше истины понимаются не как отражение реальности, а как результат общения и согласия между людьми. Как говорит Ричард Рорти, «истина – это то, о чём мы могли бы договориться в идеальном разговоре». Это особенно важно в моральных, политических и культурных вопросах.

Истина как соответствие: Традиционная теория истины, основанная на том, что высказывание соответствует действительности, уходит корнями к Аристотелю. Эта модель легла в основу научного подхода, который считает, что моральные суждения истинны только тогда, когда они описывают объективные факты. Но этот подход имеет свои проблемы: нет эмпирических критериев, моральные интуиции часто противоречивы, и сложно достичь общего согласия. Если истина – это соответствие, как мы можем понять, что именно соответствует действительности, особенно когда речь идёт о ценностях и морали?

Истина как согласие: Альтернативой классическому подходу является теория консенсуса или прагматическая теория. Ю. Хабермас утверждает, что истина – это то, что участники идеального диалога согласны считать обоснованным. Истина появляется не в голове одного человека, а в общении между людьми. Такой подход основан на идеях Чарльза Пирса, который считал, что истина – это то, к чему пришло бы бесконечное количество исследователей. Это важно для понимания моральных и политических истин, которые часто не поддаются верификации, как факты, но играют ключевую роль в обществе. Прагматизм позволяет рассматривать истину не как нечто найденное, а как результат взаимодействия людей, объединённых общими целями и разумом.

Истина как солидарность: Ричард Рорти развивает прагматический подход, отвергая представление об истине как «зеркале природы». Он считает, что истина – это не точное отражение внешней реальности, а результат языковой практики и согласия внутри сообщества. В своей книге «Философия и зеркало природы» Рорти утверждает, что наше восприятие истины формируется в историко-культурном контексте и является «социальной договорённостью». Он предлагает заменить идею объективной истины понятием «солидарности» – согласия, основанного на эмпатии и совместных дискуссиях. Истинным становится то, что полезно и приемлемо в определённой ситуации.

Параллель с моральным антиреализмом: Моральный антиреализм, как показывает анализ, утверждает, что моральные истины не являются объективными, а формируются в результатах исторического и культурного контекста. Как и в случаях с истиной в языке,

мораль – это результат договорённостей. Причём различные категории, такие как пол и нация, тоже являются культурными конструкциями.

Риски релятивизма и критика: но принятие истины как согласия между людьми вызывает беспокойство: не означает ли это отказ от самой истины? Как избежать ситуации, когда «у каждого своя правда»? Эта угроза близка и антиреалистическим теориям морали: если мораль – только выражение эмоций или культурных норм, невозможно будет критиковать несправедливость или насилие. Однако прагматизм предлагает критерии: разумность, стремление к диалогу и возможность универсализации. Не каждое мнение – это истина; истиной становится то, что может быть принято через открытое обсуждение.

Заключение

Фраза «истина – это не соответствие фактам, а согласие между сознаниями» может показаться провокационной, но на деле она отражает идею современного мышления. Мы не можем отделиться от языка, культуры и истории – всё наше понимание к ним привязано. Истина, особенно в гуманитарных науках, – это не статичная вещь, а активный процесс общения, критики и эмпатии. Но я считаю, что истина всё ещё должна быть связана с реальностью. Даже если она формируется в обсуждениях, она должна быть проверяемой и открытой для критики. Истина – это не что-то абсолютное или произвольно, а путь согласования между людьми в поисках смысла и справедливости.

Литература

1. David M. The Correspondence Theory of Truth / M. David // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 2002. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/truth-correspondence/> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292 с.
3. Митлянская М. Понимание истины в бытийной истории Мартина Хайдеггера / М. Митлянская // Финиковый Компот. – 2019. – №14. – С. 115-124. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istiny-v-bytiynoy-istorii-m-haydeggera> (дата обращения: 14.08.2025).
4. Дрессер С. Проблема истины: как мы попали в эпоху постправды / С. Дрессер // Моноклер. – URL: <https://monocler.ru/problema-istiny/> (дата обращения: 14.08.2025).

*Пешехонов Дмитрий Алексеевич
специалитет, 2 курс, «Лечебное дело»
Казанский государственный медицинский университет
PeshehonovDA@gmail.com*

СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ НЕГАТИВНОЙ ЭТИКИ В ПРАКТИКЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Отрицательная этика – способность личности сдерживать свои действия из-за морального запрета. Согласно этой концепции, отрицательность является ключевой чертой морального поведения и действий, где это поведение проявляется. Одной из основ такого утверждения является идея о том, что мораль относится к области поведения, за которое индивидуально можно нести ответственность за все его последствия. Только поступки, которые нарушают установленные запреты и при этом не переходят в конкретные действия, могут считаться полностью подпадающими под индивидуальную ответственность. [1]

Идеальный моральный мотив свободен от внemоральных оснований и не привязан к конкретной цели. Такой мотив не может служить причиной для практического действия, а лишь способен помешать осуществлению действий, которые не соответствуют идеалу совершенства. Нравственно чистым может считаться только поступок, который не был совершен, поступок, от которого человек отказался, несмотря на давление внутренних и внешних факторов. «Позитивные поступки» никогда не могут стать универсальными, так как каждое действие связано с конкретными обстоятельствами. [2]

В соответствии с данными положениями встает вопрос: «что может совершить врач, да бы его поступок попал под определение негативной или позитивной этики?». Думаю, для того, чтобы в этом разобраться, нужно обратиться примерам нарушения деонтологических норм поведения врача. Наиболее распространенными примерами нарушения профессиональной этики являются: грубость и хамство, бесцеремонное отношение к пациентам на "ты", равнодушное, цинизм, превосходство над пациентом. Отказ в оказании помощи пациентам и посторонним людям, нуждающимся в срочной мед. помощи; дискриминация по социальному положению, национальности, половому признаку, возрасту; негуманное отношение к пациентам и людям. [3]

Согласно данным примерам, можно сделать вывод, что под негативную врачебную этику попадает моральный отказ от любого из приведенных действий. Между тем, работа врача тесно связана с постоянным противостоянием с привычным пониманием позитивной или негативной этики, а также привычными нормами морали. Это связано с высочайшей эмоциональной нагрузкой, возложенной на мед. работников. Абсолютному большинству медиков (особенно возрастных), по данным соц. опросов как самих врачей, так и населения, присущи такие черты, как снижение доли эмпатии, значительное хладнокровие и некий цинизм. [4]

Такое мнение зачастую складывается у пациентов из-за желания врача донести до него полную картину происходящих с его организмом процессов, дабы сделать его компетентным и помочь принять правильное решение касательно дальнейшего лечения. Восприятие цинизма со стороны медиков обусловлено тем, что к медицине люди приходят за помощью, крайне

остро воспринимая собственное состояние. Безусловно, главная задача врача – оказать помощь, однако профессионал осознает, какие слова могут быть восприняты как циничные, основываясь на собственном опыте и понимании ситуации.

Так, например, нарколог, принимая пациента в состоянии алкогольной интоксикации, не вправе называть его «пьяным алкоголиком» даже не из-за того, что тот, в свою очередь может «обидеться и написать жалобу», а из-за того, что данные слова, воспринимаемые даже через призму сложившихся обстоятельств, являются неуместными и не несут в себе никакой пользы для повышения компетентности и осведомленности пациента. Стоит отметить, что подобные слова могут более чем адекватно восприниматься со стороны соседа, сбутыльника и прочих.

Рассматривая подобные примеры через призму негативной этики и отказа от подобных действий, становится ясна социальная стигматизация профессии врача – для многих людей врач – прежде всего образец нравственности, поддерживающий на высочайшем уровне не только частные профессиональные, но и коммуникативные навыки, характеризующиеся умением найти подход к каждому пациенту.

Заключение: Философия на протяжении всей своей истории стремилась ответить на ключевой вопрос: «Что мне делать?», что способствовало формированию развернутых этико-нормативных программ. Завершение философского поиска находилось в области этики.

Негативные поступки демонстрируют все признаки и соответствуют критериям морали как специфического института. Они являются абсолютными в том смысле, что индивид обладает над ними полной властью, и для их совершения требуется лишь наличие моральной решимости. Различая моральные обязательства, можно выделить правила долга и идеальные правила. Правила долга представляют собой категоричные нормы, непосредственно касающиеся поступка, то есть перехода намерения в действие, где власть человека является абсолютной. Это может стать его долгом – совершить или не совершить поступок, что полностью зависит от самого человека.

Чем нравственнее совершеннее человек, тем больше он осознает свои пороки. Парадокс заключается в том, что несовершенство становится мерой морального совершенства. Если рассматривать нравственное самосовершенствование как процесс, осуществляемый через негативные поступки, то вся сложность ситуации исчезает и становится простой. Чем больше человек развивается через негативные действия, тем яснее проявляется его склонность к порочным поступкам, и тем глубже он осознает их истоки.

Таким образом, именно моральный отказ врача от совершения порочных поступков делает его образцом нравственности и морали в глазах общества.

Литература

1. Уильямс Б. Мораль: специфический институт / Б. Уильямс // Логос. – 2008. – № 1. – С. 149-173.
2. Гусейнов А. А. Что я понимаю под негативной этикой? / А. А. Гусейнов // Вестник Московского университета. Сер. 7. – М., 2009. – № 6. – С. 3–20.
3. Алборова З. О. Профессионально важные качества в структуре субъектных свойств врача / З. О. Алборова // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 7(15).
4. Дрёмова Н. Б., Харченко В. В. Оценка значимости врачебных качеств студентами лечебного факультета / Н. Б. Дрёмова В. В. Харченко // Коллекция гуманитарных исследований. – К., 2016. – № 1. – С. 2–13.

Потанин Леонид Андреевич
бакалавриат, 1 курс, «юриспруденция»
Московский государственный университет
(г. Москва)
leonid.potanin@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЕТЕРМИНИЗМА В ПРАВЕ: МЕЖДУ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬЮ

Идея детерминизма возникает, как попытка объяснить все существующее через указание на причины существования [1, С. 91-102]. Истоки концепции детерминизма в философии мы можем увидеть еще во времена античности. Школа стоиков, к примеру, придерживалась принципа, высказанного греческим философом Клеанфом «Ducunt volentem fata, nolentem trahunt» [2, с. 107, 11] что можно перевести как «Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит». Французский философ и ученый Поль Анри Гольбах писал: «Явления, наблюдаемые нами в мире, наводят нас на мысль, что все необходимо, ничто не совершается случайно, все события … происходят в силу причин, действующих по определенным, постоянным законам» [3, с. 520-521]. Положенный в основу данного утверждения принцип детерминизма, очевидно, имеет всеобъемлющий характер и распространяется, в том числе, и на социальные явления, к коим, безусловно, можно отнести и право. Так, С. Н. Овчинников считает, что понимание детерминизма в правовой сфере (то есть причинная обусловленность правовых явлений различными факторами) во многом предопределяется пониманием и значимостью социального детерминизма, являясь зависимым и производным от него [4, с. 36].

Вопрос о том, чем предопределяется право является одной из ключевых тем в вопросе понимания права и его сущности. По утверждению доктора юридических наук О. Э. Лейста, даже в советской теории государства и права, при исследовании классовой сущности государства, речь шла обычно не столько о сущности, сколько о причинах возникновения права[5, с. 2]. Особое значение категория детерминации права имеет для сферы философии права, которая стремится обнаружить место права в обществе, общественном сознании, истории [5, с. 8]. Причем, по мнению Г. Ф. Шершеневича, философия права акцентирует внимание именно на постоянном в потоке сменяющемся [6, с. 23, 27, 45]. Установление «причин права», факторов обуславливающих право и закономерностей его диалектики позволяет в некоторой мере удовлетворить названные выше цели. Поэтому исследование категории детерминации права имеет фундаментальное значение для философии права. Понимание закономерностей изменений происходящих в праве и факторов их обуславливающих способно не только создать новые возможности для ретроспективного анализа права, но и перспективного моделирования правой диалектики в будущем. Развитие же новых информационных и цифровых технологий и внедрение их в юридическую деятельность обуславливают актуальность исследования категории детерминированности права для юридической науки и практики. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем справочно-правовые программы («Консультант-Плюс», «Гарант» и т. д.) расширят свой функционал возможностью предполагать будущие изменения, основываясь на особенностях судебной практики, основных тенденциях законодательства и политической системы, регуляции аналогичных отношений при возникновении новых явлений, еще не подвергшихся правовому регулированию и т. д.

Феномен правового детерминизма, так или иначе, подразумевается всеми основными концепциями права, однако подход к факторам правового детерминизма в различных концепциях содержит разный. Названными факторами предопределенности права в зависимости от школы правопонимания и взглядов конкретных мыслителей являются ландшафтно-климатические условия, борьба классов и социально экономические формации, исторический путь развития того или иного государства, сверхъестественное вмешательство, воля законодателя и т. д. Таким образом, сущностное разграничение правовых школ можно провести при помощи анализа подхода к детерминированности права. Осознание данной плоскости дает новые возможности правовой науке для комплексного изучения проблем правопонимания, классификации правовых учений.

Какое влияние качество предопределенности оказывает на право? Из сути учения о детерминизме мы можем сделать вывод, что правовой детерминизм позволяет говорить о предсказуемости права, степень которой определяется инструментарием исследователя и объемом информации, к которой он имеет доступ. Именно предсказуемость как характеристика и параметр права позволила Жану Карбонье рассуждать о предзаконодательной социологии [7, с. 318-320], и его исследование также подтверждает высказанную нами ранее мысль.

Обобщая все высказанное, можно сделать вывод о том, что правовой детерминизм это сложная философско-правовая категория, понимание которой может предоставить новые возможности юридической науке для изучения проблем правопонимания и для классификации правовых и политических учений. Понимание же предопределяющих право факторов, может позволить не только объяснить существующие правовые нормы, но и прогнозировать будущие изменения в правовой системе. Проведенный анализ употребления и свойств данного аспекта правопонимания открывает значительное поле для будущих исследований.

Литература

1. Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: детерминизм / А. И. Шафоростов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19. № 2.
2. Сенека Л. А. Нравственные письма к盧цилию / Л. А. Сенека; пер. С. А. Ошерова. – М.: Наука, 1977. – 385 с.
3. Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах. Том 1 / П. А. Гольбах. – М.: Академия наук СССР, Институт философии, Издательство социально-экономической литературы, 1963. – 715 с.
4. Овчинников С. Н. Принцип детерминизма в методологии правоведения / С. Н. Овчинников // Правоведение. – 1984. – № 2. – С. 35-39.
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. – М.: Зерцало, 2008. – 246 с.
6. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права (по изд. 1910–1912). Том 1 / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Издательство Бр. Башмаковых, 1995. – 805 с.
7. Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М.: Прогресс, 1980. – 352 с.

Репин Максим Александрович
аспирант, 2-го года обучения, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
verbena-06verdure@icloud.com

ЭМПИРИЗМ ДЭВИДА ЮМА И «ПРОБЛЕМА НАПОЛНЕННОГО БОКАЛА»

Современный мир стал свидетелем экспоненциального роста возможностей искусственного интеллекта. Передовые модели, такие как OpenAI GPT-Image, Recraft, BlackForestLabs FLUX, Google Imagen-3, Lumalabs AI; демонстрируют поразительные способности к созданию сложных и фантастических изображений. Эти достижения не только трансформируют технологии, но и ставят перед философией фундаментальные вопросы о природе познания, понимания, презентации и сознания.

Наш интерес упал на яркий пример, который спровоцировал много дискуссий, является феномен, условно названный «проблемой наполненного бокала». Исследователи обнаружили, и мы их подтвердили и опровергли одновременно, на собственных экспериментах во время нашего мини-исследования, что нейросети-генераторы изображений, могут испытывать систематические трудности при визуализации кажущихся простыми, но физически или концептуально точных состояний, таких как «бокал вина, наполненный до самых краев». Вместо этого, 99.9 % моделей на момент написания данной статьи, упорно генерируют изображения стандартно наполненного бокала. (*GPT-Image-1 с первого раза генерирует бокал наполненный до краев*). Мы считаем, что этот интересный парадокс заслуживает философского осмыслиения, особенно в свете классического эмпиризма.

Мы рассмотрим когнитивные ограничения искусственного интеллекта через призму эпистемологии Дэвида Юма, одного из столпов классического эмпиризма, в качестве эвристической рамки, для наших задач. Юм в своем «Трактате о человеческой природе» утверждает, что все содержание нашего сознания происходит из опыта и делится на «впечатления» (impressions) – непосредственные данные чувств – и «идеи» (ideas) – их ослабленные копии в памяти [1]. Простые идеи напрямую копируют простые впечатления, тогда как сложные идеи могут формироваться путем комбинирования, транспонирования, увеличения или уменьшения простых идей, даже если соответствующее сложное впечатление никогда не переживалось субъектом (например, идея единорога).

ИИ-генераторы, обучающиеся на огромных массивах данных (визуальных «впечатлениях»), во многом действуют как юнистские системы: они распознают и комбинируют паттерны, почерпнутые из опыта (обучающей выборки). Их неспособность точно воспроизвести специфические уровни наполнения бокала может указывать на недостаточность или слабую дифференциацию соответствующих «впечатлений» в данных, либо на то, что модель обрабатывает «бокал вина» как относительно простую единицу, игнорируя внутренние нюансы состояния.

Интересно сопоставить эту ситуацию с известным юмовским контрпримером – «недостающим оттенком синего». Юм допускает, что человек, видевший все оттенки синего, кроме

одного, мог бы вообразить недостающий оттенок, что противоречило бы его основному принципу [1]. Хотя Юм считает этот случай «столь единичным», что им можно пренебречь, эксперименты с ИИ показывают, что современные модели способны интерполировать отсутствующие цвета в градиенте, фактически «визуально смешивая» соседние оттенки. Это указывает на то, что ИИ, возможно, генерирует не простую идею недостающего оттенка (как гипотетически мог бы человек у Юма), а сложную идею, сконструированную из имеющихся данных.

«Когнитивные сбои» ИИ с точки зрения классического эмпиризма через юмовскую оптику позволяет не только выявить границы современных технологий, но и актуализировать классические эпистемологические проблемы в контексте цифровой эпохи. А также демонстрируют фундаментальное различие между обработкой паттернов, основанной на обширных данных («впечатлениях»), и человеческой способностью к концептуальной абстракции и пониманию физических и реляционных свойств мира. Эта актуальность классической эпистемологии критична для оценки природы машинного «интеллекта» и «понимания», и ставит вопросы о необходимых условиях для достижения ИИ более глубокого, концептуально-обоснованного уровня представлений мира, возможно, требующего иных архитектур или парадигм обучения (например, основанных на воплощенности или симуляции физического взаимодействия). Изучение «ошибок» ИИ оказывается плодотворным полем для философского исследования границ познания – как искусственного, так и человеческого.

Литература

1. Юм Д. О познании / Д. Юм // Трактат о человеческой природе; пер. с англ. С. И. Церетели и др.; примеч. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.

*Сабрекова Анастасия Дмитриевна
бакалавриат, 3 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
nastsabrekova@gmail.com*

МОНТАЖНОСТЬ В ЖИЗНИ И МОНТАЖНОСТЬ ЖИЗНИ

Но что это значит? Монтажность повсюду. Возникает ли она от борьбы с фрагментарностью, с попыткой связывать всё что угодно? Пожалуй, да. Жизнь современного человека такова, что нам все время приходится создавать монтаж из разных её фрагментов и соединять их: учебу и работу, работу и хобби, потом вдруг появляется любовь или дружба или и то, и другое. Своеобразным тренингом жизненного монтажа являются, по-видимому, многие современные монтажные практики, за которыми далеко ходить не надо, обратимся к феномену заметок в телефоне. Мысль пришла – быстро записал в «заметки». Очень часто такие мысли пишутся в пространство одной заметки. Получается каша Дружба или компот, но с ассоциациями, которые отсылают писателя к моменту записывания. Поэтому если другой человек начнёт читать целиком текст одной заметки, он ничего не поймёт, придёт в замешательство от бессвязности кусочков такого текста. Поэтому хорошо бы перечитывать и пересобирать такие заметки, переносить из одной в другую. Плодя сущности созданием новых пустых страниц, мы совершенно забываем, что уже имеем несколько таких документов со схожим содержанием.

Не получится ли вскоре, и отчасти уже сейчас, что эта связь преемственности, подражания и вдохновения обернется в сторону самого человека, его жизни, его миропонимания – обычный человек, человек просто зритель, вдохновляясь возможностью кино показать красоту жизни и радость Бытия, начнёт снимать кино про самого себя? Кино учит нас «видеть больше, слышать больше, больше чувствовать» [1]. Мы смотрим – и нам тоже хочется чувствовать. Кино формирует кинематографичность нашего взгляда. Мы начинаем существовать так, чтобы всюду красоту любить.

Такое миропонимание делает нас монтажёрами собственной жизни, человек ведёт работу по конструированию себя. "Я" – всегда главный герой. Когда человек читает книги, он примеряет образы на себя, ощущает себя в романе, пишет новые главы, начинает с чистой страницы. Можно писать личный дневник, например. Также работает и с фильмами, он смотрит фильм и представляет себя актёром (актором), а с появлением видеокамер, которые теперь есть практически у каждого в телефоне, он может стать и режиссёром. Снимать себя, природу, людей вокруг - вести видео-дневник. Видео-фрагменты можно монтировать в редакторах на том же телефоне, а можно и не обращаясь к приложениям монтировать оцифрованные события жизни в голове, устно проговаривая, заходя в галерею и пересматривая ретроспективное счастье.

Человек живёт для счастья. Живёт так, чтобы быть счастливым и чувствовать как можно дольше: жить, для счастье, где для уже не предлог, а деепричастие – продлевая. Стремление запечатлеть, зафиксировать – подтверждает его желание прожить, для мгновение, продолжить счастье ещё хотя бы на чуть-чуть. Видео-форма стала новым способом (быстрого реа-

гирования) документирования. Кино как продолжение фотографии, на которой все улыбаются. Телефон теперь уже есть внешний хранитель внутреннего опыта, где осуществляется монтаж, сборка, пересматривание – современная дигитальная рефлексия. Можно повспоминать, а можно зайти в галерею и пересмотреть видео/фото. В современном обществе происходит смещение носителя воспоминаний в телефон. А плохо ли это? Может и плохо, а может просто непривычно, как в случае с древним фараоном, который огорчился появлению письменности, и сказал: «Это (то есть письмена) убьет то (то есть память)», [2] позволяющее людям помнить то, что иначе пропадет в забвение. Конечно есть страх, что техника разрушит нечто хорошее, но то, что хорошее всё равно продолжит рождаться, всё-таки надежда есть.

Мы живём-работаем напротив экрана монитора и выстраиваем отснятые кадры в соответствии со своим художественным видением. В наш фильм войдёт далеко не весь материал, что-то забудем, что-то не заметим, но если что-то вспомним, всегда можно внести изменения на «таймлайне», который подвижен и подвержен изменениям. Монтаж – это вечный процесс: завершился = смерть. Вечное изменение, пластилиновая твердь. Да, это и результат, но главное всё-таки в движении, ходе мысли, авторелобутинности – когда мы делаем, смотрим, оцениваем, переделываем, возвращаемся, забываем, пытаемся забыть ещё раз, и возвращаемся вновь.

Монтаж помогает нам ответить на вопрос – «кто же я?». Благодаря ему у нас выстраивается ретроспектива и вырисовывается перспектива. Перед человеком открываются экзистенциальные возможности его присутствия в мире. Монтажность как выход из клиповости, борьба с фрагментацией. Как ещё одна версия, как вариант складывания и воссоединения, чтобы одно перетекало в другое. Может хотя бы монтаж соединит эти кусочки?

Литература

1. Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе / С. Сонтаг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 352 с.
2. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст / У. Эко. – 1998. – URL: <http://vzms.org/umberto.html> (дата обращения 05.05.2025).

Сайфутдинова Дарья Антоновна
бакалавриат, 1 курс, «перевод и переводоведение»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Saifutdinova_da@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ МИРЕ. ФИЛОСОФИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ САМОРАЗВИТИЯ И ЛИЧНОСТНОГО РОСТА

Введение

В стремительно меняющемся технологическом ландшафте философия обретает новую значимость. Она становится тем якорем, который позволяет человеку не потерять себя среди цифровых волн прогресса. Современность ставит перед нами два фундаментальных вопроса: как сохранить человечность в эпоху искусственного интеллекта и как найти подлинный смысл в мире, переполненном информационным шумом?

Тезис 1. В эпоху технологического прогресса и социальных трансформаций философия становится необходимым инструментом для критического осмыслиения мира, решения этических дилемм и формирования устойчивых ценностных ориентиров.

Развитие искусственного интеллекта поставило перед человечеством ряд принципиальных вопросов, которые невозможно решить исключительно техническими средствами. Как отмечает Ник Бостром в своей работе «Искусственный интеллект: Этапы, угрозы, стратегии» [1], создание сверхинтеллекта без должного философского осмыслиения может привести к неизвестным последствиям. Речь идет не просто о технической проблеме, а о фундаментальном вопросе: сохранит ли человечество контроль над создаваемыми им технологиями?

Особую остроту приобретает проблема ответственности в применении ИИ. Если беспилотный автомобиль попадает в аварию, кто несет ответственность – разработчик алгоритмов, производитель автомобиля или владелец? Эти вопросы требуют не только юридических решений, но и глубокого философского осмыслиения природы ответственности в условиях, когда решения принимают алгоритмы.

Социальные сети и цифровые технологии создали новый тип идентичности – «цифровое я», которое часто существенно отличается от реального. Это порождает экзистенциальный кризис нового типа: человек существует одновременно в физическом и цифровом пространствах, причем последнее часто становится более значимым. Философия помогает осмыслить эту раздвоенность и найти пути сохранения подлинности в условиях цифровой реальности.

Французский философ Жан Бодрияр в своих работах о симулякрах предупреждал об опасности подмены реальности ее знаками [2]. Сегодня его идеи приобретают новое звучание: цифровые образы часто становятся важнее реальных людей, а «лайки» и «репосты» подменяют подлинное общение.

Современный человек ежедневно сталкивается с объемом информации, который превышает возможности его восприятия. Это приводит к поверхностному усвоению знаний, неспособности к глубокой концентрации и постоянному чувству тревоги. Философия предлагает методы фильтрации информации и развития критического мышления, которые становятся необходимыми навыками в цифровую эпоху.

Особую ценность в этом контексте приобретает философская традиция, восходящая к Сократу, который учил не многознанию, а искусству задавать правильные вопросы. В условиях информационного изобилия именно это умение становится ключевым для ориентации в мире.

Тезис 2. Философия предоставляет методы и ресурсы для саморазвития и личностного роста, способствуя рефлексии, формированию жизненной позиции и поиску смысла жизни, что особенно важно в условиях неопределенности и экзистенциального вакуума

Современные технологии создали иллюзию, что самопознание можно свести к психологическим тестам и алгоритмам рекомендательных систем. Однако философская традиция, восходящая к античности, напоминает, что подлинное самопознание – это длительный процесс внутренней работы, который невозможно заменить цифровыми инструментами.

Практики саморефлексии, разработанные в различных философских школах – от античного стоицизма до восточных философских традиций – предлагают методы познания себя, которые остаются актуальными, несмотря на технологические изменения. Как отмечал Марк Аврелий в своих «Размышлениях» [3], человек должен ежедневно работать над собой, и эта работа не может быть делегирована технологиям.

Современный рынок предлагает множество «быстрых» методов саморазвития – от мотивационных тренингов до приложений для медитации. Однако философия напоминает, что подлинное развитие – это не разовый акт, а постоянный процесс. Философские системы – будь то стоицизм, экзистенциализм или буддизм – предлагают не готовые решения, а методы мышления и отношения к жизни, которые позволяют человеку самостоятельно находить ответы на вызовы времени.

Особую ценность в этом контексте представляет концепция Виктора Франкла, который показал, что поиск смысла – это не просто психологическая потребность, а фундаментальное свойство человеческого существования [4]. В условиях, когда традиционные источники смысла теряют свою очевидность, философский подход к этому вопросу становится особенно важным.

Заключение

Философия сегодня – это не абстрактные рассуждения, а необходимый инструмент для навигации в сложном мире. Она помогает сохранить человеческое лицо перед лицом технологий и найти подлинные ориентиры в мире, где все традиционные точки опоры кажутся размытыми. В конечном счете, философия учит нас главному – как оставаться людьми в любых обстоятельствах.

Литература

1. Бостром, Н. Искусственный интеллект: Этапы, угрозы, стратегии / Н. Бостром. – М.: УРСС, 2016. – 400 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
3. Аврелий М. Наедине с собой / М. Аврелий. – М.: Эксмо, 2018. – 192 с.
4. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия / В. Франкл // Психология личности. Тексты; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – М.: Издательство Московского университета, 1982. – С. 118-126.

Саттарова Аделина Руслановна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
adelrsattarova@kpfu.ru

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: КТО НУЖДАЕТСЯ В ФИЛОСОФИИ СЕГОДНЯ?

Доклад посвящён обсуждению роли философии в повседневной жизни современного человека и общества. Рассматриваются причины, почему философия важна для учёных, политиков, бизнесменов, студентов и простых граждан. Приведены примеры из трудов известных философов, показывающие, каким образом философские идеи помогают ориентироваться в реалиях XXI века.

1. Актуальность темы. Введение в проблематику необходимости изучения философии в наше время. Акцентируется внимание на постоянном потоке информации, технологических изменениях и усложнении общественных отношений.

2. Роль философии в формировании рационального и критического мышления. Раскрывается влияние философии на умение отделять правду от заблуждения и строить конструктивные аргументы. Упоминаются работы французского философа Мишеля Фуко [1], акцентирующего внимание на постоянных переменах в культуре и нормах.

3. Значение философии для преодоления культурных различий и конфликтных ситуаций. Обсуждается вклад философов XX века в разработку подходов к разрешению мировых конфликтов и созданию условий для мирного существования различных сообществ. Примером служат работы Ханны Арендт.

4. Помощь философии в принятии жизненно важных решений. Исследуется взаимосвязь между изучением философских работ и обретением внутренних ориентиров. Утверждается, что глубокие размышления способствуют формированию устойчивости личности и способности принимать взвешенные решения. Используется концепция немецкого философа Мартина Хайдеггера.

5. Влияние философии на обоснование моральных норм и систему нравственности. Подчёркивается значимость философских взглядов для выработки общих правил поведения и разрешения этических споров. Показана роль кантианского принципа категорического императива [4].

6. Воздействие философии на разные группы населения. Отдельно рассматриваются категории исследователей, государственных деятелей, предпринимателей, молодёжи, педагогов и обычных граждан. Подробно разъясняется, какой вклад философия делает в жизнь каждого из перечисленных слоёв общества.

7. Выводы. Итоги рассмотрения вопроса: философия является необходимым инструментом осмыслиения жизни и принимает активное участие в решении важнейших проблем человечества.

Доклад подводит итог рассмотрению значимости философии в жизни современного общества. Представленные выводы свидетельствуют о том, что философские знания оказывают значительное влияние на развитие личности и общества в целом.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem Press, 2018. – 448 с.
2. Арендт Х. О революции / Х. Арендт. – СПб.: Владимир Даль, 2017. – 432 с.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 2019. – 512 с.
4. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – Минск: Харвест, 2017. – 416 с.

Сафина Гузель Рафиловна
специалитет, 2 курс, «педиатрическое дело»
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
apas_guzel@mail.ru

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ИСЛАМСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Исламская философия – это огромное разнообразие и интеллектуальное богатство. Воздействие исламской философии на научную и медицинскую деятельность было огромным. Она руководствовалась одним главным решающим принципом – мощь и сила Аллаха была главной составляющей и Его слова – это абсолютная Истина. Исламская философия очень сильно поддерживала науку, особенно математику и медицину.

Философия медицины в Исламе заключается в нескольких принципах. Самый главный принцип заключается в том, что истинным целителем является Аллах, а врачи рассматриваются как инструменты, через которые Аллах осуществляет исцеление людей. Второй принцип – ответственность врача. Врач несет не только профессиональную, но и духовную ответственность за свою работу перед Аллахом и с него будет спрошено Господом в День Суда. И третий принцип – ценность человеческой жизни. В Коране подчеркивается, что спасение жизни одного человека эквивалентно спасению всего человечества, тем самым обозначается высокая ценность человеческой жизни.

В основе философии Ислама в области медицины лежат этические принципы сострадания, заботы о других и уважения к жизни: врачи должны действовать с добротой и честностью, стремясь к благу своих пациентов, а пациенты же должны следовать рекомендациям врачей с уважением и терпением ожидать исцеления от Аллаха.

Наряду с философией, основополагающим аспектом медицины в Исламе является духовная составляющая, которая утверждает, что Всемогущий дарует болезни по своему усмотрению и одновременно ниспосыпает исцеление [1]. Заболевания рассматриваются как экзамены, предупреждения или наказания, а также как средства прощения. Стойкость перед лицом этих испытаний вознаграждается божественной милостью. Пророк Мухаммад учил, что “если мусульманина постигнет болезнь, утомление, скорбь или малейший укол, то Аллах несомненно простит ему грехи”. Таким образом, процесс исцеления не только освобождает человека от физической болезни, но и способствует избавлению от последствий его грехов.

В высказывании Пророка Мухаммада содержится призыв к медицинским специалистам непрерывно заниматься научными исследованиями и разработкой новых методов лечения. А от Абу Саида аль-Худри передается: “Аллах не создал никакой болезни, кроме смерти, не дав исцеления; знает его тот, кто изучает, не знает тот, кто невежественен”.

Каждому мусульманину известно, что акты поклонения оказывают положительное влияние на физическое и психическое здоровье человека. Так, чтение Корана можно рассматривать как форму дыхательной гимнастики, а соблюдение этикета приема пищи соответствует принципам гигиены: мытье рук до и после еды, принятие пищи сидя и правой рукой (левая предназначена для удаления нечистот, что является профилактикой инфекционных заболеваний). Омовение перед пятикратным намазом, позволяет поддерживать чистоту тела в течение

всего дня. А благодаря ритуальным практикам, которые включают в себя: пятикратную молитву, мольбу, обязательный пост, паломничество, практикующий верующий достигает умиротворения, спокойствия и стрессоустойчивости [3].

Турецкий богослов Эльмалылы в интерпретации аята «То, что Мы ниспосылаем из Корана для верующих – исцеление и свет» (Сура аль-Исра, 82) подчеркивает: «В этом аяте мир уподоблен больнице, переполненной страхами и болезнями, Пророк – доктору, а Коран – исцеляющему лекарству».

С точки зрения мусульман, священный Коран исцеляет не только душевные недуги, но и телесные болезни. Аллах создал человека как гармоничное сочетание тела и души и установил принципы счастливой материальной и духовной жизни.

Таким образом, исламская философия медицины подчеркивает взаимосвязь между телом и духом, охватывая не только практические аспекты лечения, но и глубокие этические, духовные и социальные значения. Это создает целостный подход к лечению и заботе о здоровье как о даре от Аллаха, которая учитывает все аспекты человеческого существования.

Литература

1. Как намаз благотворно влияет на здоровье человека – медицинские показатели / URL: <https://www.trend.az/life/socium/1699493.html> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Коваль С. Н. Румянцева О. А. Религиозно-этические аспекты современной медицины / С. Н. Коваль, О. А. Румянцева // Медицина и христианство: материалы Респ. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых; под общ. ред. С. Д. Денисова. – Минск: БГМУ, 2007. – 242 с.
3. Муратов М. С. Психотерапия в намазе / М. С. Муратов. – Казань: Изд. «Иман», 2004. – С. 237.

*Сафонова Елизавета Евгеньевна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
safronovaeli0804@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: КОМУ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ?

1. Введение

«Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому,
кто говорит, что быть счастливым еще рано или уже поздно».

Эпикур

Философия, буквально означающая «любовь к мудрости», является одной из древних форм духовной деятельности, присущей цивилизованному человечеству. Возникнув из житейской мудрости, обобщившей опыт многих поколений людей, она поднялась до уровня самой абстрактной из всех наук, которая изучает человека и мир в единстве связывающих их отношений [1, с. 3].

2. Особенности философского знания

Специфичность философии заключается в ее объекте. Что изучает философия? Мир, природу, человека и его духовную жизнь, общество, одним словом – ее интересует весь Универсум в целом. Если у отдельных наук есть свои узкие области исследования, то философия стремиться познать основания и фундаментальные принципы человеческого бытия и природы, то есть «все имеющееся как целостность» [1, с. 6].

3. Функция философии

Социализированный человек в норме обладает сложившимся жизненно-практическим миропониманием. Как правило, оно складывается стихийно, опираясь на опыт предыдущих поколений. Однако человек в своей жизни может столкнуться с проблемами, с которыми его мировоззрение не справляется. Для их решения, как на уровне человека, так и на уровне общества, может потребоваться более высокий, критико-рефлексивный уровень отношения к миру. На этом уровне находится философия [2].

4. Актуальность философии в современности

Роль философии в формировании личности, определяется, прежде всего, тем, что она выступает в качестве теоретической основы мировоззрения, а также тем, что она решает проблему познаваемости мира, наконец, вопросы ориентации человека в мире культуры, в мире духовных ценностей. Философия обучает людей логическому мышлению и помогает им стать аналитически мыслящими. Эти навыки помогают не только в научной работе, но и в повседневной жизни [3].

5. Философия и образование

Без философии образование было бы ничем иным, как слепым усилием; без образования философия была бы не лучше, чем калека. Вот почему Адамс говорит: “Образование – это динамическая сторона философии, практическое средство реализации идеалов жизни” [4, с. 28].

6. Философия как поиск смысла

Смысл жизни человека – это философские размышления о цели и предназначенности такого дара человека, как жизнь. Вместе с тем это регулятивное понятие, помогающее человеку достойно и осмысленно прожить свои годы. В любой развитой мировоззренческой системе – религиозной, философской или этической – существуют свои представления о том, что такое жизнь и каков ее смысл. Есть и самые разные ответы. В чем ценность жизни, в чем ее цель, ее смысл? Тысячи ответов дает на эти вопросы каждый конкретный человек [5, с. 3].

7. Практическое значение философии

Практическая значимость философии затрагивает не только обобщение научных данных, философия берет на себя нелегкий труд осмысливать все многообразие отношения человеческого мышления к бытию, быть ответственной за мировоззрение современника, участвовать в формировании системы его ценностей и идеалов, этических, эстетических и других принципов [6].

8. Перспективы философствования

В конце XX века американский ученый Александр Кинг на заседании «Римского клуба» отметил, что современное человечество располагает огромным объемом информации и знаний о мире, созданном в процессе эволюции общества, но оно стало не на много мудрее. Между тем, обретение мудрости – главная задача человечества. Отсюда и роль философии в дальнейшем существовании и развитии цивилизации [1, с. 8].

Заключение

Таким образом философия в современном мире необходима всем. Философия никогда не потеряет свою актуальность, ведь она решает важные вопросы познания как отдельного человека, так и всей природы.

Литература

1. Кочеров С. Н. Сидорова Л. П. Философия: учебное пособие / С. Н. Кочеров Л. П. Сидорова. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – 150 с.
2. Философия (электронный ресурс) / URL:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 09.05.2025).
3. Никанав М. Ю. Роль философии в формировании личности и современного научного мышления / М. Ю. Никанав // Конференция «Компьютерные системы и сети». – С. 584. URL:
https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/52810/1/Nikanav_Rol.pdf (дата обращения: 09.05.2025).
4. Палмер Дж. А. Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании / Дж. А. Палмер. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. – С. 16–32.
5. Петров Г. В. Философия смысла жизни / Г. В. Петров. – Псков: ПГПИ, 2002. – 80 с.
6. Имеет ли философия практическую значимость? (электронный ресурс) / URL:
<https://studfile.net/preview/3875477/page:12/> (дата обращения: 10.05.2025).

*Соломенникова Алина Алексеевна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
aalinashtern@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ – КОМПАС В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В нашем быстро меняющемся мире мы сталкиваемся с огромным потоком информации и с тем, как традиционные ценности постепенно стираются. Мы живем в эпоху, когда факты могут оспариваться, и личные мнения начинают звучать громче, чем звуки здравого смысла. При этом технологии развиваются с такой скоростью, что мы регулярно сталкиваемся с новыми этическими дилеммами. Это поднимает важный вопрос: какую роль здесь может сыграть философия? Кому она нужна сегодня и как она может помочь нам разобраться с современными вызовами? Эти вопросы помогают понять, почему философия имеет огромное значение как инструмент для критического мышления, морального осмыслиения и поиска ответов на самые важные вопросы нашего существования, а также прийти к утверждению, что философия – компас в эпоху неопределенности.

Одной из ключевых задач философии является критика идеологий и ее способность к деконструкции. В нашем мире, где информации столько, что можно запутаться, плывя в океане мнений и предложений, философия предоставляет нам набор полезных инструментов для анализа. Философский скептицизм и логика помогают выявить проблемы, предвзятости и манипуляции, которые скрываются за заголовками новостей и громкими заявлениями. Философия, используя методы деконструкции, помогает понять сложные социальные, политические и экономические структуры, а также разоблачить их скрытые предпосылки и авторитеты [1]. Во времена, когда дезинформация стала повседневностью, это особенно важно, ведь это наш щит против навязывания чужих идей и умение сохранить критический подход к происходящему вокруг.

Затем идет вопрос о том, как философия работает с этическими вызовами новых технологий. В последние годы мы наблюдаем бурное развитие таких областей, как искусственный интеллект, генная инженерия и социальные сети. Каждое из этих направлений ставит перед человечеством новые моральные вопросы, с которыми нам нужно разобраться. Здесь философия, обладая долгой традицией этических исследований, помогает нам понять, где проходят границы допустимого, каковы принципы ответственности и как технологии воздействуют на человека и общество в целом [2, с. 112-125]. Обсуждение таких тем, как свобода воли, справедливость и честь, помогает нам осознать последствия нашего научного прогресса и обеспечить, чтобы технологии служили на благо всем нам.

Кроме того, в условиях глобализации и смешения культур многие из нас испытывают кризис идентичности и ощущают утрату смысла жизни. Тут философия предлагает особые инструменты для самопознания и нахождения личной истины. Она поднимает экзистенциальные вопросы о смысле существования, свободе, смерти и нашем предназначении. Эти размышления помогают каждому формировать свою собственную систему ценностей, осознать свою роль в обществе и найти путь к самореализации [3]. Философия не выдаёт готовых рецептов, но учит задавать правильные вопросы и самостоятельному поиску решений,

что особенно важно в наше время, когда индивидуализм и разнообразие мнений на пике популярности.

На самом деле, несмотря на распространенное мнение, философия вовсе не является устаревшей или ненужной дисциплиной. Современный мир нуждается в философии больше, чем когда-либо. Она необходима для критического мышления, этической рефлексии, поиска смысла жизни и формирования гражданской ответственности. Философия – это не роскошь, а насущная необходимость для тех, кто хочет жить осознанно, ответственно и осмысленно в эпоху неопределенности и стремительных перемен. Она позволяет нам не только выживать, но и процветать в сложном и динамичном мире нынешнего века, сохраняя свою человечность и стремясь к справедливому и устойчивому будущему. Философия – это компас, который помогает нам ориентироваться в мире ценностей, направляя к осмысленным действиям и созданию лучшего мира.

Литература

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Академический Проект, 2009. – 304 с.
2. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 383 с.
3. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю. – М.: ACT, 2017. – 256 с.

*Суровцева Виктория Анатольевна
бакалавриат, 2 курс, «зарубежное регионоведение»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
vikasurovceva56@gmail.com*

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Введение

Современный мир – это калейдоскоп противоречий, где технологический прогресс соседствует с духовным вакуумом, глобализация – с ростом локальных конфликтов, а виртуальная реальность – с ощущением потери подлинности. В этом хаосе информации и смыслов искусство становится не просто отражением действительности, но и способом ее осмыслиения, попыткой найти ориентиры в бушующем море перемен. И именно философия с ее многовековой историей поиска истины и смысла предоставляет современным творцам мощный инструментарий для навигации в этих сложных водах.

Философские Концепции как Фундамент Творческого Поиска:

Влияние философии на искусство отнюдь не ново. От древнегреческих трагедий, пронизанных моральными дилеммами, до шедевров эпохи Возрождения, воспевающих гуманизм, – философия служила источником вдохновения и концептуальной основой для творцов всех эпох. Однако в современном мире эта связь приобретает особую актуальность.

Экзистенциализм и поиск аутентичности: идеи экзистенциализма, подчёркивающие свободу выбора, ответственность и абсурдность бытия, находят отражение в произведениях, исследующих внутренний мир человека, его столкновение с экзистенциальным вакуумом. В литературе это проявляется в исследовании антигероев, осознающих свою отчуждённость от общества и стремящихся к аутентичности, а в кино – в сюжетах, ставящих персонажей перед моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения.

Постмодернизм и деконструкция реальности: постмодернистская философия с ее скептическим отношением к метанарративам, акцентом на относительности истины и признанием множественности интерпретаций оказывает существенное влияние на современное искусство. Художники и писатели, вдохновленные постмодернизмом, деконструируют традиционные формы и жанры, играют с языком и символами, создавая произведения, которые ставят под сомнение привычные представления о мире и искусстве.

Экологическая философия и ответственность за будущее: тревожный набат экологических проблем сегодня звучит громче, чем когда-либо, и он находит отклик в сердцах творцов по всему миру. Растущая обеспокоенность будущим планеты подпитывает целое направление в искусстве, вдохновлённое экологической философией, – искусство, которое не просто констатирует факт надвигающейся катастрофы, но и пытается разбудить в нас ответственность, чувство сопричастности к хрупкому миру природы.

Эти художники – словно пророки, вещающие о грядущей буре. Они используют свои таланты не для услаждения глаз, а для того, чтобы вскрыть нарывы нашего безразличия, показать нам, насколько разрушительно наше потребительское отношение к Земле.

Взять, к примеру, «Сpirальная дамба» Роберта Смитсона, возвышающаяся над Большим Солёным озером, – это не просто геометрическая абстракция, это тревожный сигнал об уязвимости природы перед лицом человеческой алчности. Она напоминает нам о том, что ради сиюминутной выгоды мы готовы жертвовать даже самыми величественными ландшафтами. А «Сборщики смога» Ким Абелес, эти изысканные фарфоровые тарелки, покрытые... московским смогом! В этом – едкий сарказм, обвинение политикам, которые на словах пекутся о природе, а на деле позволяют ей задыхаться. «Сад» Дага Эйткена – цветущий оазис, заточенный в бетонные стены, – это метафора той пропасти, что разверзлась между нами и природой. Он напоминает нам о том, что мы, жители городов, все дальше отываемся от своих корней, забывая о своей связи с землей.

Эти произведения – лишь капля в море современного искусства, которое пытается достучаться до нашего сознания, пробудить в нас экологическую совесть.

Постгуманизм и эволюция человечества: Вторжение технологий в нашу жизнь уже перешло ту грань, за которой начинается трансформация самой человеческой природы. Мы живем в эпоху постгуманизма, где границы между органическим и искусственным, человеком и машиной стираются с головокружительной скоростью.

Как это отражается в искусстве? Что значит быть человеком, когда тело становится лишь апгрейдируемой оболочкой? Не потеряем ли мы свою душу, загрузив сознание в компьютер?

Фильм "Война миров Z" поднимает вопрос о "нормальности", когда зомби игнорируют больных, возможно, видя в них родство в своем «нечеловеческом» состоянии. Анимационная антология «Любовь. Смерть. Роботы» представляет калейдоскоп постгуманистических сценариев, исследуя будущее, где границы между человеком, роботом и виртуальностью размыты. «Призрак в доспехах» – еще один яркий пример. В этом киберпанк-триллере будущее рисуется как мир, где нейронные имплантанты и кибернетические протезы стали обыденностью. Киборг, является символом постгуманистического будущего, где человеческое сознание существует с искусственным интеллектом, а тело становится лишь оболочкой.

Все эти произведения – не просто развлечение, а попытка осмыслить наше будущее. Эти произведения заставляют нас задуматься о том, кто мы есть, куда мы идём и что нас ждёт в мире, где технологии размывают границы человеческого.

Философия как Катализатор Новых Форм Выражения:

Философия влияет на современное искусство не только идеями, но и формой. Она подталкивает к поиску новых способов самовыражения, отражающих хаотичность и переменчивость нашей жизни. Постмодернизм, с его деконструкцией и игрой, рождает экспериментальное искусство: художники смешивают разные материалы в инсталляциях, писатели ломают линейный сюжет, режиссёры разрушают «четвёртую стену», вовлекая зрителя в действие. Технологии расширяют границы творчества: интерактивные инсталляции, виртуальные миры, цифровое искусство стирают грань между реальностью и вымыслом.

Заключение

В эпоху расщеплённых реальностей и информационной перегрузки философия остаётся незаменимым источником вдохновения для современного творчества. Она даёт искусству не только глубину, но и новые способы говорить с миром. Искусство перестаёт быть просто красивой картинкой, оно становится инструментом познания, критики и преобразования общества. В союзе с философией, искусство помогает нам лучше понять себя и своё место в этом сложном мире.

Литература

1. Киселёва О. А. Феномен творческого вдохновения / О. А. Киселёва // Молодой ученик. – 2022. – № 20 (415). – С. 663–665. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91573/> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Межуев В. М. Философия в современной культуре / В. М. Межуев // Философский журнал. – 2008. – № 1. – С. 14-23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Серегин К. С. Кириллов Г. М. Взаимодействие философии и искусства: перекресток взаимного вдохновения и выражения / К. С. Серегин Г. М. Кириллов // Вестник науки. – 2024. – № 12 (81). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-filosofii-i-iskusstva-perekrestok-vzaimnogo-vdohnoveniya-i-vyrazheniya> (дата обращения: 04.05.2025).
4. Когнитивные и социокультурные измерения / Философия творчества. Ежегодник (Выпуск 2); ред. Смирнова Н. М., Майданов А. С. – М.: ИИнтелЛ, 2016 – 314 с.

Суровцева Виолетта Анатольевна
бакалавриат, 2 курс, «зарубежное регионоведение»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
Verolettasuran@gmail.com

КОМУ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ?

Философия существует с тех самых пор, как человек научился осознавать себя и окружающую реальность. Она не просто самая главная наука, как склонны считать приверженцы наукоцентрического или позитивистского подхода [1]. Философия – это наука о вечных ценностях, смысле жизни, и ее актуальность в современном мире, насыщенном информацией и технологическими новшествами, не только не уменьшилась, но и возросла.

В мире современном мире философия служит жизненно необходимым инструментом для поиска и создания смыслов и ценностей. Она наполняет смыслом человеческую жизнь как на уровне отдельного индивида, так и для человечества в целом. Современная цивилизация, ставшая слишком зависимой от технологий, бесчеловечной, остро нуждается в философском осмыслиении своего пути. Создание искусственного интеллекта и его стремительное развитие лишь актуализируют необходимость поиска места человека в мире, где технологии играют все более значительную роль [1].

Философия как способ рефлексии человеческой деятельности, мысли и социума не может потерять свою актуальность. Даже если искусственный интеллект обретет эту способность. Все равно это будет рефлексия его мыслительной деятельности, а не глубокое осмысливание человеческого существования, присущее философии [1]. Философия для человека служит основой его жизненных ценностей и способом понимания мира, а само понятие «искусственного интеллекта» возникло из философских размышлений.

Однако философия, будучи наукой, продолжает оставаться актуальной как методологическая основа для научных исследований, источник новых научных парадигм и движущая сила для прогресса в различных областях науки. Переход к новым уровням научного познания невозможен без философии, что обуславливает существование таких направлений, как философия науки и философия техники и т.д.

Зачем нужна философия? Задаете себе и окружающему миру три главных вопроса: «Где я?», «Как это узнать?», «Что мне делать?» [2]. Этот пример символизирует суть человеческого существования. Мы можем без труда определить наше физическое местоположение, но часто сталкиваемся с трудностями в понимании своей истинной цели и смысла жизни. Многие люди проводят значительное время, оставаясь в неведении относительно этих ключевых вопросов. Философия, хотя и не даст однозначного ответа на вопрос «где я?», предлагает разнообразные подходы и методы, которые помогут в поиске этих ответов и углублении самосознания.

Философия играет ключевую роль в формировании нашего взгляда на мир. Она позволяет нам осознать его сложность и порой нелогичность, а также помогает разобраться в том, что является правильным или неправильным в контексте конкретной личности, ситуации или явления. Через философские размышления мы можем глубже понять окружающую реальность, исследуя различные аспекты жизни и человеческого существования.

Эта дисциплина не только расширяет наши горизонты, но и предоставляет инструменты для анализа и интерпретации жизненных обстоятельств. Философия побуждает нас задавать важные вопросы, критически осмысливать информацию и формировать обоснованные суждения. В результате мы получаем возможность применять полученные знания и идеи в повседневной жизни, что способствует более осознанным и взвешенным решениям. Таким образом, философия становится не просто теоретической дисциплиной, а практическим инструментом, который помогает нам ориентироваться в сложном мире, обогащая наш внутренний мир и улучшая качество жизни.

Суть философской работы, ее действительное назначение состоит в том, чтобы очертить в мире, прояснить, очистить от всяких привнесений пространство человеческой свободы. В социально-политическом плане это пространство предстает как публичное пространство, пространство гражданского общества или общественного договора, на котором зиждется демократия и правовое государство. Никакая наука не может заменить философию в этом качестве, поскольку наука не делает своим предметом свободу [3].

В условиях современности, когда многие люди сталкиваются с экзистенциальными вопросами и переживают кризис смысла, философия вновь играет жизненно важную роль. Запрос на понимание собственного места в мире, собственного назначения и цели жизни – это те аспекты, которые философия помогает осветить. Исследования в области философской антропологии и экзистенциальной философии свидетельствуют о том, что размышления о смысле жизни могут существенно влиять на качество жизни людей, особенно в момент кризиса [4].

Более того, современная философия, опираясь на идеи таких мыслителей, как Жак Деррида, предлагает нам инструменты для анализа, позволяющего выявлять скрытые смыслы, противоречия и иерархии в языке и социальных структурах [4]. В мире, где повествования и дискурсы формируют наше восприятие реальности, способность видеть за поверхностью, анализировать власть и ее проявления становится критически важной. Философы, такие как Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр, предлагали различные способы понимания экзистенциального опыта. Их размышления могут помочь современному человеку осознать свою идентичность и место в мире, что особенно актуально в эпоху глобализации и миграции, когда множество людей сталкиваются с кризисом идентичности [4, 5, 6].

Философы, такие как Луциано Флориди, занимаются философией информации и этикой искусственного интеллекта, исследуя, как следует разрабатывать и внедрять новые технологии, чтобы они служили человечеству, а не угрожали ему [4, 7]. Эта работа важна для обеспечения того, чтобы современные технологии развивались в соответствии с гуманистическими принципами и ценностями, предотвращая потенциальные риски и обеспечивая ответственное использование мощных инструментов.

Философия играет ключевую роль в образовании, являясь важным инструментом развития критического мышления. В современном мире, насыщенном информацией, способность анализировать данные становится жизненно необходимой.

Обучение философии дает студентам навыки различения фактов и мнений, а также критического осмысливания различных точек зрения. Это особенно важно в условиях распространения дезинформации. Философские дисциплины учат задавать правильные вопросы и формулировать обоснованные ответы, что помогает лучше понимать сложные социальные, этические и научные проблемы.

Кроме того, философия развивает навыки аргументации и дискуссии, способствуя формированию активного гражданского общества. Студенты, изучая философию, учатся уважать разнообразие мнений и конструктивно обсуждать расхождения, что укрепляет демократические ценности и социальную сплоченность. Таким образом, философия не только способствует личностному развитию, но и вносит значимый вклад в создание справедливого и открытого общества.

В заключение, философия продолжает оставаться важным инструментом для понимания и анализа современного мира. Ее значимость не ослабла на фоне стремительных изменений и технологического прогресса. Напротив, в условиях неопределенности и сложных социальных трансформаций философия становится особенно актуальной. Она предоставляет критически важные инструменты для анализа и деконструкции, помогает формировать этические принципы в эпоху технологий, развивает критическое мышление и способствует личной эманципации. Более того, философия помогает каждому из нас искать смысл и укреплять жизнестойкость в нашей жизни. Идеи философов прошлых веков находят новое применение в контексте современности, что подчеркивает их бесконечную ценность и актуальность в нашем времени.

Литература

1. Киселёва О. А. Феномен творческого вдохновения / О. А. Киселёва // Молодой ученик. – 2022. – № 20 (415). – С. 663–665. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91573/> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Зачем современному человеку философия? (На основе сборника эссе Айн Рэнд) / А. Паблишер // Теории и Практики. – 2021.
3. Межуев В. М. Кому и зачем нужна сегодня философия? / В. М. Межуев // Философский журнал. – 2012. – № 2. – С. 5–16.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Наука, 1997. – 503 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1997. – 488 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. – М.: ACT, 1999. – 1072 с.
7. Floridi L. The Ethics of Information / L. Floridi. – UK: Oxford University Press, 2013. – 384 с.

Тихонова Диана Викторовна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
dianayk.tixonovayk.0000@gmail.com

ЯЗЫК КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ МИРА

Э. Сепиром и Б. Уорфом была выдвинута гипотеза, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка. Они предположили также, что языки различаются своими «языковыми картинами мира». Из этих рассуждений следовало, что люди, говорящие на разных языках, имеют разные типы мышления, и все это не просто связано с языком, а обусловлено им [1].

Самым гибким из свободных от действия способов репрезентации является язык. Такие системы, как язык, дают возможность образовать новые символы для репрезентации абсолютно всего – даже вещей, которые нельзя ощутить или увидеть. Вот переписанный текст русскими буквами:

Имея в своем распоряжении правила комбинации и перекомбинации, подобные грамматике, мы обладаем разнообразными возможностями, позволяющими выйти за пределы вещей и событий, находящихся в сфере нашего непосредственного восприятия [2, с. 183].

В наши дни проблема «язык и культура» исследуется в разных аспектах, в том числе и в аспекте «свой/чужой». Язык рассматривается как инструмент групповой стереотипизации поведения, как система кодирования и передачи культурно-семантической информации [3].

Язык кодирует действительность через грамматические и лексические структуры. Например, в русском языке вид глагола (совершенный/несовершенный) влияет на интерпретацию действия: «прочитать книгу» (завершённость) vs «читать книгу» (процесс) [4, с. 45]. В языках, где категория вида отсутствует (например, английский), такие различия передаются контекстуально.

Английский язык оказывает немаловажное влияние на ментальные представления и когнитивные процессы человечества. Изучение и практическое применение навыков английского языка расширяет когнитивные возможности. Так как он предлагает сознанию абсолютно новые концепции, структуры и возможности выражения мыслей и чувств. Многие языки имеют свои особенности как грамматические, так и культурные, благодаря чему и влияют на мышление людей. Таким образом, английский язык, обладая большой лексической гибкостью и активностью в использовании глаголов, способствует более детальному и точному описанию. Он также включает в себя огромное количество фразовых глаголов и идиомов, которые, аналогичным образом, способствуют расширенному и иному миропониманию. Помимо перечисленного, английский язык предоставляет доступ к совершенно другим культурным аспектам, которые в той или иной степени воздействуют на мышление человека [5].

Изучение второго языка способствует развитию металингвистического сознания - способности анализировать язык как систему. Развитие когнитивного резерва в мозге билингвов связано с особенностями их коммуникации. У всех людей в процессе коммуникации происходит двустороннее кодирование понятий в слова и предложения языка. У билингвов ситуация усложняется необходимостью выбора языка для кодирования понятий при продукции речи,

с одной стороны, и необходимостью распознавания языка для раскодирования, с другой стороны. Другими словами, в мозге билингва происходит конкуренция языков за доступ к речевой функции [6].

Литература

1. Крашенинникова Д. С. Язык как орудие познания мира в сознании народа / Д.С. Крашенинникова // Вестник ВУИТ. – 2013. – № 1 (12). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-orudie-poznaniya-mira-v-soznanii-naroda> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // История языкознания XIX–XX веков; ред. А. А. Леонтьев. – М.: УРСС, 2004. – С. 180–198.
3. Слобин Д. И. Психолингвистика / Д. И. Слобин. – М.: Прогресс, 2003. – 350 с.
4. Шилина Е. Н. Язык как культурный код народа / Е. Н. Шилина // Язык и культура. – 2013. – № 2. – С. 54-58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-kulturnyy-kod-naroda> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Падучева Е. В. Семантика времени и вида в русском языке / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 368 с.
6. Краевская А. Г. Мирзабекова А. А. Влияние английского языка на ментальные представления и когнитивные процессы носителей Русского языка / А. Г. Краевская А. А. Мирзабекова // Власть истории – История власти. – 2023. – № 47. – С. 89-93. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-yazyka-na-mentalnye-predstavleniya-i-kognitivnye-protsessy-nositeley-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.05.2025).
7. Новицкий Н. Ю. Особенности функционирования мозга билингвов при выполнении речевых и общих когнитивных задач / Н. Ю. Новицкий // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». – 2016. – Том 5. – № 4. – С. 77–84. – URL: https://vk.com/wall-58774357_558 (дата обращения, 15.08.2025).

Торопова Валерия Дмитриевна, Ахметханова Эмилия Равилевна

Специалитет, 2 курс «Лечебное дело»

Казанский государственный медицинский университет

(г. Казань)

lerra.toropova2005@yandex.ru, Aemily1904@gmail.com

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Проблема значения философии в медицинском образовании для нас, как для студентов, изучающих данную дисциплину целый учебный год и сдающих по ней экзамен, является актуальной не только в «научном», но и в личном отношении. Когда мы впервые столкнулись с философией в медицинском университете, нам показалось, что это просто очередная общая дисциплина, не имеющая отношения к реальной клинической практике. С учётом сложности изучения дисциплин, напрямую связанных с нашей будущей профессией, многим студентам медикам, подобным нам, наличие философии в расписании может показаться не только излишним, но даже вредным. Но со временем мы начали замечать, что именно философские вопросы чаще всего всплывают тогда, когда медицинские знания оказываются недостаточными. Что делать, если лечение причиняет боль, но может продлить жизнь? Как быть, если пациент отказывается от помощи? Где заканчивается медицина и начинается личная ответственность человека за свою жизнь? Ответить на эти вопросы невозможно, не размышляя, не ставя под сомнение, не пытаясь понять – а это уже и есть философия.

Чем больше мы изучали эту область, тем яснее становилось, что философия нужна будущему врачу не меньше, чем знание анатомии, физиологии или фармакологии. Она помогает не просто выучить информацию, а выстроить целостное представление о человеке, жизни, смерти, боли, справедливости. Это основа формирования мировоззрения, без которой врач рискует превратиться в машину, но не станет человеком, который реально поможет в сложной ситуации. Как отмечается в одной из статей, философское образование способствует осмыслению профессионального долга врача, помогает выстроить внутреннюю ценностную систему и ориентироваться в морально неоднозначных ситуациях [1].

Очень часто мы забываем, что за каждой медицинской манипуляцией стоит живой человек. Да, мы можем научиться работать быстро и точно, но сможем ли мы при этом сохранить эмпатию, уважение к личности пациента, его праву на выбор и собственные границы? Нам кажется, именно философия помогает не потерять эту человеческую чувствительность. Она учит видеть в пациенте не только «случай», но и судьбу, не только симптомы, но и внутренний мир. Как врач может действительно помочь, если он не способен задуматься над тем, что для конкретного пациента значит здоровье, страдание, смерть?

Кроме того, философия формирует критическое мышление. А это, как по нам, ключевой навык в современной медицине. Сейчас мы живём в эпоху доказательной медицины, огромного объема информации, новых подходов и технологий. Нужно уметь искать ответы, сомневаться, сравнивать, делать выводы, задавать себе неудобные вопросы. Без этого легко скатиться в рутину, потерять живой интерес к профессии и начать просто «отрабатывать смену». А ведь врач – это не только специалист, это человек, который берёт на себя ответственность. Ответственность перед пациентом, обществом и, в первую очередь, перед собой.

Этические вопросы, с которыми сталкивается врач, порой бывают даже сложнее, чем диагностические задачи. Что важнее – продлить жизнь любой ценой или обеспечить достойный уход? Где граница между уважением к воле пациента и профессиональным долгом? А если речь идёт о детях, о пожилых людях, о людях без сознания? Эти и многие другие вопросы невозможно решить по инструкции – нужно думать, чувствовать, размышлять. И всё это – философская работа, даже если мы сами не сразу это осознаём. Медицина и философия нуждаются друг в друге, потому что и та, и другая ищут ответы на вопросы, связанные с человеческим существованием [2].

Для нас стало очевидным, что без философии мы бы иначе воспринимали саму профессию врача. Возможно, мы бы начали относиться к ней как к ремеслу – важному, нужному, но не личному. А теперь мы понимаем, что это путь, на котором невозможно просто «отключить» моральное сознание. И мы точно не хотим, чтобы в будущем в нас исчезла способность сопреживать, видеть перед собой человека, а не набор анализов. А чтобы этого не случилось, нужно тренировать не только руки и память, но и мышление, мировоззрение, душу. В этом философия – не помеха, а поддержка, компас, помогающий не сбиться с пути.

Именно в студенчестве, когда мы только формируемся как личности и будущие профессионалы, философия особенно важна. Она помогает задать себе вопросы, которые, возможно, мы не решимся задать потом, когда окунёмся в рабочую рутину. Она напоминает, что врач – это не просто профессия, это образ жизни и мышления. Мы убеждены, что чем больше мы думаем, тем лучше лечим. А думать – значит философствовать. Пусть не в академическом смысле, пусть не с цитатами из Аристотеля. Но с искренним желанием понять, что такое быть врачом и человеком.

Литература

1. Кочергина Н. А. Философское образование как основа формирования мировоззрения врача / Н. А. Кочергина // Вестник Челябинского государственного университета. – № 18 (384). – С. 130–134. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-obrazovanie-kak-osnova-formirovaniya-mirovozzreniya-vracha/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Шульгина И. И. Медицина и философия: нужны ли они друг другу? / И. И. Шульгина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2-3. – С. 143–147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-i-filosofiya-nuzhny-li-oni-drug-drugu/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).

*Хабирова Айгиза Флюровна
специалитет, 2 курс, лечебное дело
Казанский государственный медицинский университет
(г. Казань)
*Khabirova/aygiza@mail.ru**

ФИЛОСОФИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РОЛЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В условиях стремительной цифровизации, охватывающей все сферы жизни, философия приобретает новое значение. Она становится инструментом, позволяющим людям осмысливать и анализировать информацию, а также формировать этические нормы. В современном обществе, где дезинформация и манипуляции становятся обыденностью, критическое мышление становится необходимым навыком. Этот тезис исследует, как философские концепции и методы критического анализа помогают людям ориентироваться в информационном потоке, а также как они способствуют формированию этических норм в условиях быстрого технологического прогресса.

Цифровизация изменила способ, которым мы получаем и обрабатываем информацию. С появлением интернета и социальных медиа доступ к информации стал беспрецедентным. Однако это привело к возникновению проблем, связанных с качеством информации [3]. Критическое мышление – это способность анализировать, оценивать и синтезировать информацию, а также формировать обоснованные суждения [2]. Философия обучает нас задавать вопросы, сомневаться в полученной информации и искать обоснования. Классические философские методы, такие как сократический метод, могут быть использованы для развития критического мышления. Важно, чтобы люди не просто принимали информацию на веру, а подвергали ее критическому анализу [1].

Цифровизация ставит перед обществом множество этических вопросов. Как защитить личные данные? Каковы последствия использования искусственного интеллекта? Как обеспечить справедливость в цифровом мире? Философия может предложить рамки для обсуждения этих вопросов [5]. Этические теории, такие как утилитаризм, деонтология и добродетельная этика, могут помочь в формировании моральных норм и принципов, которые будут направлять наше поведение в цифровом пространстве. Философское образование играет ключевую роль в развитии критического мышления [2]. Оно способствует формированию навыков анализа и аргументации, которые необходимы в современном обществе. Обучение философии помогает развивать способность к самостоятельному мышлению и осмыслению сложных вопросов. Важно, чтобы образовательные программы включали философские дисциплины, способствующие развитию критического мышления [6]. Применение критического мышления в повседневной жизни может быть проиллюстрировано через примеры. Например, при чтении новостей важно задавать себе вопросы: Кто автор? Каковы источники информации? Какова возможная предвзятость? Эти простые вопросы могут помочь избежать манипуляций и дезинформации.

Философия в эпоху цифровизации играет ключевую роль в формировании критического мышления и этических норм. В условиях информационной перегрузки и дезинформации важно развивать навыки анализа и аргументации. Философское образование должно стать

неотъемлемой частью образовательных программ, чтобы подготовить людей к вызовам современного мира. В конечном итоге, философия может помочь нам не только разобраться в сложных вопросах, но и сформировать более справедливое и этичное общество.

Литература

1. Дьюи Дж. Как мы думаем / Дж. Дьюи. – Издательство «Канон», 1910.
2. Пол Р., Элдер Л. Критическое мышление: инструменты для управления вашей профессиональной и личной жизнью / Р. Пол, Л. Элдер. – СПб, 2006.
3. МакПек Дж. Э. Критическое мышление и образование / Дж. Э. МакПек. – Издательство «Академический проект», 1981.
4. Нусбаум М. К. Не ради прибыли: почему демократии нужны гуманистические науки / М. К. Нусбаум. – Издательство «Университетская книга», 2010.
5. Флори Л. Четвертая революция: как инфосфера изменяет человеческую реальность / Л. Флори. – Издательство «Иностранная литература».
6. Байнум Т. У. Рогерсон С. Компьютерная этика: основные концепции и методы / Т. У. Байнум, С. Рогерсон. – Издательство «Кембридж», 2004.

Хакимянов Рузиль Радикович

бакалавриат, 1 курс, «философия»

Казанский государственный энергетический университет

(г. Казань)

ruzilhakimanov@gmail.com

ДАО ПРОГРАММИРОВАНИЯ: МИНИМАЛИЗМ, СПОНТАННОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В современной практике разработки программного обеспечения растёт интерес к философским подходам, которые помогают осмыслить динамику взаимодействия человека и технологии. Древнекитайская традиция даосизма предлагает уникальный взгляд на природу бытия, где ключевыми являются понятия «путь» (Дао), «недеяние» (У-вэй) и «естественность» (Цзы-жань). Эти категории раскрывают модель организации и самоорганизации мировых процессов, из которой современные методологии разработки – agile, принципы чистого кода и непрерывной интеграции – черпают вдохновение для создания гибких, адаптивных и минималистичных цифровых систем. Цель данной работы – показать, как позитивная философия Дао может обогатить методологический арсенал ИТ-специалистов.

Даосизм возник более двух с половиной тысяч лет назад и оформился в знаменитом трактате «Дао-дэ-цзин». Первоначальная космология даосизма раскрывает универсальный закон происхождения всего сущего: «Дао порождает одно, одно порождает два, два порождает три, а три порождает всё сущее» [1, с. 42]. Здесь Дао предстаёт не абстрактной категорией, а первоисточником, из которого извечно возникают бинарные и тринарные отношения, порождающие многообразие мировых явлений. Концепция У-вэй, в даосской традиции означает «действие без усилия», то есть способность действовать в полной гармонии с природным ходом вещей, не навязывая своей воли [1, с. 72]. Парадокс У-вэй выявляется в том, что наиболее эффективные действия оказываются результатом отказа от сверхконтроля. Связь У-вэй с категорией Цзы-жань, или «естественному», отражена в следующих словах: «Человек следует земле, земля – небу, небо – Дао, Дао – естеству» [1, с. 25]. Здесь задаётся иерархия подражания, в которой человек, вместо того чтобы противиться структурам, находится в соучастии с более крупными природными и космическими началами. Цзы-жань как онтологическая установка предлагает быть собой, развиваться по собственной внутренней логике, избавляться от искусственных навязываний.

В практическом измерении идеи даосизма воплощаются в современных технологиях разработки программного обеспечения. Аналогично принципу У-вэй в программировании формируется идея саморегулируемых систем, когда код требует минимального вмешательства для поддержания работоспособности. В рамках ИТ-проекта Цзы-жань означает приятие приоритетов естественному развитию продукта и отказ от всего, что нарушает простоту и ясность архитектуры. В даосизме истинное понимание возникает как «молчаливый акт», а не как результат цепочки аргументов. Для программиста это отказ от многословных комментариев и избыточного документирования, стремление к «говорящему» по сути коду, в котором каждое слово минимально, но полно [3].

Первый и самый очевидный пример – философия agile, которая призывает минимизировать тяжеловесные планы и документацию. Вместо бесконечных планов и регламентов вводится тактика кратких «спринтов», в которых продукт живёт собственной жизнью. Сходство с agile-практиками очевидно: короткие итерации, фокус на результате и быстрая обратная связь позволяют удерживаться в потоке изменений и не застаиваться в догмах. Это напоминает парадоксальное движение У-вэй, когда минимальное вмешательство служит катализатором инноваций. В результате процессы внедрения становятся более органичными, а проекты – более живыми, поскольку соблюдается баланс между структурой и свободой.

Принципы чистого кода также перекликаются с даосским минимализмом: код должен быть простым, понятным и не содержать «мёртвых» участков, усложняющих чтение и поддержку. Лао-цзы наставляет: «Не стремись наполнить все пространство лишним» [1, с. 19]. На практике это означает отказ от глубоких вложений, чрезмерных абстракций и «перегрузки» зависимостей, что способствует устойчивости и гибкости архитектуры. Автоматизированные сборки, автотесты и мониторинг образуют экосистему, в которой сбой или изменение запускают цепочку проверок и откатов, поддерживая состояние кода в рабочем «потоке» без ручного контроля. Такой подход – прямое следствие У-вэй: разработчики задают границы, а система самостоятельно поддерживает баланс между поставки и стабильностью.

Важную роль играет и подход к интерфейсам. Минималистичный дизайн интерфейса фокусирует внимание пользователя на основном и снижает когнитивную нагрузку [5, с. 203–207]. Это коррелирует с даосской категорией Цзы-жань: интерфейс «просто есть» и не навязывает свою волю, позволяя пользователю действовать согласно собственным целям.

Наконец, вопросы управления командой и принятия решений тоже получают «даосское» измерение. Лидер-модератор не даёт детальных указаний, а создаёт условия для самоорганизации участников. Каналы связи, незаметные «ритуалы» и прозрачные правила призваны лишь установить общий контекст, после чего команда «плывёт» по течению задач, подстраиваясь под внешние изменения и внутренние потребности. Scrum-команда организует работу, руководствуясь «видением» – аналогом Дао – и лишь настраивает внешние рамки («порядок дня» или «ритуалы»), после чего не вмешивается в ход выполнения задач, позволяя процессам спонтанно согласовываться между собой.

Таким образом, Дао программирования проявляется не только в чистом коде и автоматизации, но и в культуре взаимодействия людей и машин. Отказ от избыточного контроля, уважение к естественному развитию процессов и настройка минимальных рамок организации оказываются ключевыми стратегиями успеха в быстро меняющемся техническом мире. Сочетание У-вэй, Цзы-жань и Дао с современными методологиями позволяет создавать системы, где каждая строка кода встроена в «путь» развития проекта, а не является следствием избыточных предписаний. Это открывает путь к гармонии между человеком и технологией, где эффективность рождается из лёгкости и спонтанности, а не из диктата жёстких структур.

Литература

1. Лао-цзы Дао-дэ-цин / Лао-цзы; пер. В.В. Малявин. – Москва: АСТ, 2023. – URL: <https://www.rulit.me/books/dao-de-czin-read-317259-1.html> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Ihde D. Philosophy of Technology: An Introduction / D. Ihde. – New York: Paragon House, 1993. – 245 с.
3. James G. The Tao of Programming / G. James // The Scientist. – 1987. – URL: <https://www.the-scientist.com/the-tao-of-programming-63527> (дата обращения: 19.04.2025).

Халитов Тимур Русланович
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
halitovtimur57@gmail.com

ЦИФРОВОЕ БЕССМЕРТИЕ: МОЖНО ЛИ ПЕРЕНЕСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО?

На протяжении веков люди искали способы преодолеть неизбежность смерти. Сегодня, благодаря развитию технологий, появилась концепция цифрового бессмертия, предполагающая возможность переноса сознания человека в цифровое пространство. Может ли личность быть оцифрована и продолжить свое существование в виртуальной среде? В данной работе мы исследуем научные и философские аспекты этой амбициозной идеи, рассматривая технологические вызовы, этические дилеммы и потенциальное влияние цифрового бессмертия на будущее человечества.

Трансгуманизм – современная философская доктрина, утверждающая, что человек не сохраняет свои природные качества по мере своего развития и под действием генной инженерии превращается в существо, подобное вещи, которое в зависимости от обстоятельств имеет различные интеллектуальные, креативные, физические и другие свойства [1]. Проблема трансгуманизма находит отражение в кинематографе: «Бегущий по лезвию(1981)», «Эквилибриум (2002)», «Искусственный разум (2001)», «Черное зеркало (2011-н.в.)», в игровой индустрии: «Immortal:Unchained (2018)», «Cyberpunk 2077 (2020)», «Mass Effect 2 (2010)». В каждом из данных произведений авторы исследуют различные аспекты трансгуманистической идеологии: от этических дилемм, связанных с созданием искусственного интеллекта и генной инженерией, до социальных последствий расширения человеческих возможностей посредством технологий. Эти работы, предлагая разнообразные сценарии будущего, стимулируют критическое осмысление перспектив и рисков трансгуманистической трансформации человека и общества. Но в чем проблема переноса человека в цифровое пространство?

Показать проблему трансгуманизма можно при помощи мысленного эксперимента. Представьте, вы желаете обрести бессмертие. Прямо сейчас экспериментатор, владеющий новейшими технологиями, предлагает сделать вашу цифровую копию и поместить её внутрь компьютерной симуляции, при этом ваша копия обретает бессмертие. В симуляции скопированы все ваши близкие, дом, окружающая среда – все, что вас окружает в человеческой реальности, чтобы вы могли продолжить существование без потерь. Не это ли будет преодолением смерти, так называемым «цифровым бессмертием»? Но при этом настоящий «вы» останется жить в человеческом мире, следовательно, в один из дней ваша жизнь оборвётся. Возможно, вы счастливы за своего цифрового двойника, так как понимаете, насколько вы, следовательно, и ваш двойник мечтаете о вечной жизни.

Далее, экспериментатор предлагает вам огромное количество денег, которых вам хватило бы на всю жизнь, если вы избавитесь от своей цифровой копии. Что бы вы выбрали: миллион долларов или вечную жизнь вашего двойника, который также, как и вы, не хочет умирать. Он помнит все, что происходило с вами, чувствует себя так, как будто ничего не изменилось, ведь считает себя вами.

А теперь представьте, что это вы находитесь в компьютерной симуляции. Для вас это ощущается так, будто бы ничего не изменилось, вы ощущаете себя тем же человеком и у вас также появляется возможность бесконечно жить. Экспериментатор предлагает вам сделку: полное восстановление вашего тела в реальном мире, включая возможность продолжить жизнь, но при условии, что вы прекратите существование в симуляции, то есть, вас сотрут. С точки зрения этого цифрового "я", выбор стоит между гипотетическим вечным существованием в виртуальном раю и полным небытием. Но задайте себе вопрос: это вы выбираете, или всего лишь алгоритм, идеально имитирующий ваши предпочтения?

С точки зрения трансгуманизма, стремление к улучшению и расширению возможностей должно исходить из аутентичного желания личности. Однако, в данном эксперименте, если цифровой "вы" выбирает смерть в симуляции ради возрождения в реальном мире, возникает вопрос: разве это не противоречит изначальной цели трансгуманизма – преодолению смерти?

Получается, что трансгуманистическая мечта о цифровом бессмертии может привести к ситуации, когда "я", стремящееся к бессмертию, фактически уничтожает само себя ради сохранения какой-то другой, неясной цели. Этот парадокс ставит под сомнение всю концепцию переноса сознания, подчеркивая необходимость глубокого философского осмысления того, что на самом деле означает "быть человеком" в эпоху технологических трансформаций. Возможно, истинное бессмертие заключается не в создании цифровых копий, а в развитии способов сохранения и улучшения настоящего человеческого опыта.

Отвечая на вопрос, поставленный в теме статьи: можно ли перенести человека в цифровое пространство? – на данном этапе развития науки и философии, ответ остается неопределенным. Технологически создание цифровой копии, способной имитировать поведение и память конкретного человека, представляется возможным. Однако, является ли эта копия тем же самым человеком, носителем его сознания и идентичности – вопрос, остающийся предметом дискуссий. [2]

Поэтому, прежде чем стремиться к оцифровке сознания, необходимо решить фундаментальные философские вопросы о природе идентичности и сознания. До тех пор, пока мы не сможем с уверенностью утверждать, что цифровая копия является подлинным "я", концепция цифрового бессмертия останется лишь привлекательной, но проблематичной утопией, далекой от реального решения проблемы человеческой смертности. Возможно, истинный путь лежит не в создании цифровых копий, а в развитии способов сохранения и обогащения настоящего человеческого опыта, делая жизнь более полной, значимой и устойчивой к вызовам времени. [2, 3]

Литература

1. Луков В. А. Трансгуманизм / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 1. – С. 245-252. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm> (дата обращения: 03.05.2025).
2. Курцвейл Р. Сингулярность уже близко / Р. Курцвейл; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 352 с.

*Шабарова Мария Эдуардовна, Казаковцева Мария Сергеевна
специалитет, 2 курс, «философия»
Кировский государственный медицинский университет
(г. Киров)
masha_kazakovtseva@mail.ru*

ГЕНИЙ И БЕЗУМЕЦ – ДВЕ КРАЙНОСТИ ОДНОЙ СУЩНОСТИ

Введение: В процессе развития концепции гения с древности философы и ученые не раз упоминали связь выдающихся творческих способностей с безумием и одержимостью. Аристотель, живший в IV веке до н.э., стремился объяснить природу творчества с научной точки зрения. Он пришёл к выводу, что талант представляет собой природный дар, и задался вопросом, почему одаренные философы, государственные деятели и поэты часто были меланхоликами. Он заметил, что "великий ум всегда имеет в себе следы безумия" [1].

Также, Чезаре Ломброзо в своей книге "Гениальность и помешательство" заметил, что гениальность и безумие имеют общие черты [2]. Суть данного высказывания можно проследить на примере патографий известных личностей, о ком по сей день ведутся споры: гений он или безумец?

Целью работы было выявить, может ли гений быть безумцем?

Методы и материалы: Чтобы ответить на данный вопрос, нами были проанализированы патографии Н.В.Гоголя и Ф.Ницше.

Результаты:

Чтобы ответить на данный вопрос, нами были проанализированы патографии Н.В.Гоголя и Ф.Ницше.

Патография – биография, составленная под углом зрения патологии и освещая не только историю жизни личности, но и творчество.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) – классик русской литературы, писатель, драматург, публицист, критик.

Из биографии великого русского писателя можно проследить, что в своих произведениях Николай Васильевич уделял большое место теме душевной болезни в своих произведениях («Страшная месть», «Портрет», «Невский проспект», «Нос», «Записки сумасшедшего», «Вий», «Шинель» и других).

В «Портрете» на протяжении всей повести звучит тема «сумасшествия природы».

В «Записках сумасшедшего» Гоголь описывает симптомы различных психических расстройств, например, галлюцинаторно-бредовой синдром с последующим развитием бреда величия и нарастанием слабоумия. Так, у героя Поприщина психическое расстройство появилось не сразу, а развивалось, что подтверждают записи в дневнике.

Также биографы отмечают, что у Гоголя была фобия отравления лекарствами, из-за этого он категорически отказывался от назначавшихся ему врачами препаратов. Известным фактом является то, что Николай Васильевич страдал танатофобией, которая сопровождалась панической боязнью умерших и похоронных церемоний. [3]

Но вместе с безумием, у Гоголя были и признаки личности гения. К примеру, он стал первым представителем глубокого и трагического религиозно-нравственного настроения. Он

стремился к тому, чтобы в его произведениях сливались стихии церковнославянского и народного языка. Это подтверждается, в частности, собранными им «Материалами для словаря русского языка», где представлены слова и диалектные, и церковнославянские. [4]

О Гоголе всегда вспоминают, когда речь заходит об истоках «магического реализма». Габриэль Гарсия Маркес, один из представителей этого стиля, прямо говорил о гоголевском влиянии на него самого и на всю латиноамериканскую литературу. Оно заключается не только в смешении фантастического с реальным. Гоголевская мифология утраченного рая, работа с фольклором и мифологической картиной мира, идея призрачности «нормальной» жизни – все это так или иначе продолжают магические реалисты.

Фридрих Ницше (1844–1900) был немецким философом, культурологом, композитором, поэтом и классическим филологом.

Ницше начал разрабатывать свою оригинальную философию, которая бросала вызов традиционным моральным, религиозным и философским идеям. В книге «Так говорил Заратустра» Ницше вводит понятие «сверхчеловек». До Ницше никто не рассматривал такую концепцию – в этом и заключается оригинальность и новизна его идеи. Его работы оказали огромное влияние на философию, литературу, искусство и политическую мысль 20-го века.

Не смотря на то, что Ницше был одарённым человеком, его поведение часто выходило за рамки приличия.

Ницше пребывал во тьме относительно самого себя, во всё более интенсивных приступах пения и грохота на пианино выдавал фрагменты мира мысли, в котором недавно обитал. 3 января 1889 года в Турине Фридрих Ницше стал свидетелем избиения лошади извозчиком. Ницше бросился к лошади, обнял её, а после этого замолчал навсегда, последние одиннадцать лет своей жизни провёдя в больнице для душевнобольных. Когда безумие окончательно затопило его разум, Ницше называл себя Дионисом и Распятым, писал странные письма и производил пылкие, но бессвязные речи, пел, танцевал и лихорадочно двигался.

Его работы оказали огромное влияние на философию, литературу, искусство и политическую мысль 20-го века. [5]

Выводы: Итак, есть ли взаимосвязь между гениальностью и безумством? Хоть данный вопрос и является дискуссионным, всё же, исходя из анализа патографий известных личностей можно сказать, что взаимосвязь между гениальностью и безумством присутствует.

Литература

1. Сироткина И. Е. Гений и безумие: из истории идеи / И. Е. Сироткина // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21, № 1. – С. 116–124.
2. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. – Москва: Академический проект, 2011. – 237 с.
3. Вересаев В. В. Гоголь в жизни / В. В. Вересаев. – М.: АСТ, 2017. – 797 с.
4. Мережковский Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия / Д. С. Мережковский. – СПб.: Пантеон, 1909. – 231 с.
5. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / К. Ясперс. – СПб.: Владимир Даев, 2004. – 628 с.

Шарипова Жасмина Юсуфовна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г.Казань)
zhasmina.sharipova@bk.ru

ФИЛОСОФИЯ И КОСМОС: ЗАЧЕМ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ?

Философия с древних времен интересуется космосом. Еще в античности многие философы задавались вопросам о нашей вселенной и выдвигали свои гипотезы. В те времена даже было придумано такое направление как – космоцентризм, то есть система взглядов, согласно которой мир воспринимается как космос. Сама по себе Вселенная – это огромный и неизведанный мир, который не мог не служить источником для глубоких философских размышлений. В свою очередь астрономия со своими открытиями, создавала философам все больше новых вопросов для размышления. Но что насчит 21 века, в так называемый век «технологий», нуждается ли современная астрономия в философии? Этот вопрос и будет целью моей работы.

Астрономия – это наука, изучающая небесные тела, их систему и Вселенную в целом. Она делится на несколько категорий, одной из которых является «космология». Она изучает природу происхождения Вселенной, что неизбежно приводит нас к философским размышлениям. Космология со своими открытиями, как Теория Большого взрыва или темной материи и энергии, дает философам почву для рассуждений. Такие вопросы как: является ли наша вселенная уникальной и неповторимой, существует ли внеземная жизнь и многое другое, часто вызывают философские дилеммы [1]. Ведь они затрагивают суть нашего существование в этой огромной и загадочной Вселенной. Одной из самых волнующих вопросов это существует ли божественный план. Одни видят нашу вселенную как сложный и величественный «организм», который появился с помощью божественных сил [1]. Другим же ближе идея о том, что наша вселенная это всего лишь удачное совпадение многих факторов из-за которых образовалась жизнь. Такие философские дилеммы демонстрируют нам нашу потребность в изучение смысла существования человека и его место во Вселенной.

Еще в античности многие философы пытались изучить космос. Одной из причин изучение вселенной связывалось с мифологией. Они верили, что боги связаны с небесами и поэтому происходили попытки найти символы божеств в космических объектах. Другой причиной являлся поиск первоначального (то откуда все началось), и чтобы отыскать это, необходимо было изучать космос. Многие гипотезы и идеи того времени заложили фундамент для нынешней астрономии. Так например Пифагор выдвинул гипотезу о музыке сфер, предполагалось, что небесные объекты движутся по круговым орбитам, издавая уникальные звуки, которые создают гармоничную мелодию небес [2]. Эта идея про движение объектов стала важным этапом развитии астрономии. Другая не менее важная гипотеза (галоцентризма) была выдвинута Аристархом Самосским, в своей работе он утверждал, что именно Земля и другие планеты врачаются вокруг Солнца, а не наоборот. К сожалению в то время его идея не подержалась другими философами, из-за ранние популярных взглядов о том, что человек и Земля должны является центром вселенной. Ценность многих работ древних философов в области

астрономии, была оценена только спустя время. В средние века продолжалось изучение космоса, которое формировалось под влиянием античных традиций и религиозных учений. Работы того времени тоже внесли свой вклад в современную астрономию. Но значительные изменения философия претерпела в Новое время [3]. В данный период основным источником изучения являлись уже не божественные замыслы, а научные законы. Как Кузанский с его идеей вечно движущейся вселенной или Кондильяк с его концепцией бесконечного пространства, а также многие другие идеи философов того времени.

В 21 веке с появлением новых технологий происходит все больше открытий в области астрономии. Изучение новых галактик, черных дыр и постоянное наблюдения за космосом через телескопы, это лишь немногое из того чем занимается современная астрономия. Если сравнить её с прошлыми веками можно заметить, какой значительный скачок она сделала. И именно с открытиями возникают новые вопросы, с которыми ученым помогают философы. Так философия предложила антропный космологический принцип, благодаря которому были сформированы научные гипотезы [4]. Не менее важно то, что философские осмысление способствуют в обоснование новых фактов, концепций и базисов научного познания. В свою очередь и астрономия влияет на философию. В наблюдениях за космическими объектами стало ясно, что свет до нас доходит за миллионы лет, что поставило под сомнения существование времени в рамках вселенной.

В данной работе мы рассмотрели понятия астрономии и ее ключевые вопросы, а также развитие философских подходов к астрономии в ходе человеческой истории. Из этого можно прийти к выводу о неоспоримости её огромного вклада в современную астрономию. Но сказать что астрономия зависит от философии будет неправильно, скорее эти два понятия состоят в постоянном диалоге между собой, ведь вопрос о месте человека во Вселенной один, но путь к ответу производится разными методами.

Литература

Шемардова Елизавета Евгеньевна
бакалавриат, 1 курс, «лингвистика»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
lizashemardova@gmail.com

НЕЙРОСЕТИ И ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ: МОГУТ ЛИ АЛГОРИТМЫ ПОНИМАТЬ ЯЗЫК, КАК ЧЕЛОВЕК?

В эпоху 21 века мы добились множества открытий, одно из которых искусственный интеллект. Нейросетевые технологии с лёгкостью вошли в нашу повседневную жизнь и стали её частью. А нейросети, такие как ChatGPT-3 и его новые модели, способны имитировать человеческое общение, работать с текстом и даже генерировать новое. Такие алгоритмы выглядят настолько убедительно, что возникает ощущение присутствия понимания у машины. Однако, когда мы говорим о том, что нейросеть «понимает» что мы имеем в виду?

Нейросеть работает по определённому в ней алгоритму, всё то, что она выдаёт, заложено в ней изначально. Но тот факт, что системы искусственного интеллекта выполняют задачи, к которым их не готовили, очень впечатляет. Это непредвиденное умение говорит о том, что нейросети развиваются внутреннюю сложность, которая не ограничивается поверхностным статистическим анализом интернет-текстов. Все большее число тестов показывает, что системы искусственного интеллекта создают внутри себя модели реального мира так же, как это делает человеческий мозг, только технология у машин иная. Например, Элли Павлик и ее аспирантка Рома Патель обнаружили, что сети черпают в интернете описания цветов и создают свои внутренние представления о них. Когда они видят слово «красный», они воспринимают его не просто как абстрактный символ, а как понятие, имеющее отношение к бордовому, малиновому, фуксии, ржавчине и так далее. Чтобы проверить, не являются ли ее представления простым повторением цветовых отношений из онлайн-источников, они попытались ввести систему в заблуждение, сообщив ей, что красный на самом деле является зеленым. Система в ответ не стала транслировать устаревшую информацию, а должным образом пересмотрела соответствия между цветами и объектами [1]. Развивая мысль о том, что система ищет логику, можно предположить, что для обработки и объяснения такого разнообразного потока информации в современном мире, искусственному интеллекту нужно дорасти до человеческого разума.

Многие учёные и специалисты по нейросетям утверждают, что искусственный интеллект, способный к самообучению, даст эволюционный прогресс, а в будущем превзойдёт человека. Однако, только единицы среди учёных пишут о границах нейросетевых технологий. Саймон Хайкин считает, что возможности искусственного интеллекта определяются человеческим разумом: «Очень важно уяснить, что для создания компьютерной архитектуры, которая будет способна имитировать человеческий мозг, если такое окажется возможным вообще, придется пройти долгий и трудный путь». В основании «компьютерной архитектуры, способной имитировать человеческий мозг» наряду с принципами сенсуализма Джона Локка находится априоризм Иммануила Канта. В программное обеспечение искусственного интеллекта должна быть заложена структура понятий тех знаний, которые будут получены до опыта данной системы и независимы от него. Эти рамки программного обеспечения и будут границами возможностей нейросети, в том числе способности не столько отражать окружающий мир,

сколько творить и конструировать его. В структуру нейронных сетей должны быть встроены априорная информация, что упростила бы архитектуру сети и процесс ее обучения. Для выполнения такой задачи нужно понять, как разработать данную структуру, но, к сожалению, в настоящее время не существует четкого решения этой задачи. Здесь мы видим сходство с процессом образования «явления» в рассудке познающего субъекта, выступающего как результат соединения чувственных данных с априорными понятиями рассудка, о чем писал Иммануил Кант в своей «Критике чистого разума» [2, с. 54].

Отвечая на вопрос могут ли алгоритмы понимать язык, как человек, остается неоднозначным. С одной стороны, современные достижения в сфере нейросетевых технологий показывают нам, что искусственный интеллект не так уж и глуп в понимании наших запросов. Он вполне способен предоставить нам информацию, написать статью, выполнить задания и даже построить с нами диалог. Однако, все эти задачи заложены внутренним кодом, а перед тем, как дать нам ответ, обрабатываются гигабайты информации. Способность к «обучению» является лишь интенсивным процессом, в рамках которого разработчики прогоняют через нейронную сеть гигабайты данных и настраивают ее внутренние связи. Как говорил Маркус Фабий Квинтилиан: «Нужно стремиться не к тому, чтобы его можно было понять, а к тому, чтобы его невозможно было понять неправильно» [3]. Человеческий разум предел для искусственного интеллекта, которого он ещё не достиг. И пока этого не случится, алгоритмы нейросети не способны понять нас так, как это сделает человек.

Литература

1. Отавин К. Откуда ИИ знает то, что никто ему не говорил / К. Отавин // Naked Science. – 2023. – URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/how-ai-knows> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Махаматов Т. М. Философские основания искусственного интеллекта / Т. М. Махаматов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 52-56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-osnovaniya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 01.05.2025).
3. Oxford Dictionary of Quotations (8th ed.) / Oxford: Oxford University Press, 2014. – Р. 723.

Щёлоков Эмиль Дмитриевич
бакалавриат, 3 курс, «философия»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань)
EmilksMF@yandex.ru

МОЛЧАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКСИС

Наблюдая, происходящее в академической среде, я часто сталкиваюсь с ощущением подмены философии на что-то пустое – сухое книжное знание, лишенное собственного проживания. И более того, контекст вокруг этого, призывает к постоянной ретрансляции потребляемого контента и воспроизведения собственных опусов, на основе литературного опыта.

Философия – в моем представлении, это, в большей, части внутренняя деятельность, философствующий субъект, скорее не громогласный комментатор, а тот кто способен глубоко слышать и видеть.

«Свет спросил у Отсутствия: «Ты есть или тебя нет?» Отсутствие не ответило. Свет взгляделся пристально в его облик – такой темный, такой пустой! Целый день смотри на него – и не увидишь, слушай его – и не услышишь, хватай его – и не поймаешь. – Вот совершенство! – воскликнул Свет.– Кто из нас может достичь этого? Я могу не быть, но не могу не быть даже в своем отсутствии. А вот оно дошло до этого. Как же ему такое удалось?» [1, с. 201].

Философия как одновременно объединяющее и находящееся между светом и отсутствием – это, своего рода, динамика, отношение. Свет как сторона способная воспринимать и вопрошать, вдохновляться, свет как явная часть философствующего субъекта, который с пиететом относиться к своему учителю, и способен в нужный момент замолчать и наполниться им, отключить внутреннего комментатора, вслушаться в отсутствие, в то, что оно может раскрыть.

Я считаю, что более подлинным философствованием будет молчаливый акт слушания. Слушания внимательного, вовлеченного проживания жизни, через глубокий взгляд.

Искреннего слушания – себя, другого, деревьев вокруг, воды, города.

Иногда, чтобы мир раскрылся, нужно прекратить насилие над ним своей речью и дать ему заговорить через тишину.

Литература

1. Чжуан-цзы Ле-цзы / Чжуан-цзы; пер. с кит., вступ. ст. В. В. Малявина. – М.: Мысль, 1995.– 439 с.

**Щинова Дарья Владимировна, Герасимова Екатерина Андреевна,
Игнатьева Ангелина Олеговна**
Специалитет, 2 курс, «Лечебное дело»
Казанский Государственный Медицинский Университет
(г. Казань)
sinovadara80@mail.com

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МЕДИЦИНЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Идейным ядром раннебуржуазной культуры Возрождения стала философия гуманизма (от латинского слова "humanos" – человеческий), в центре которого был реальный человек [1]. Несомненно, это отразилось на развитии медицины того времени, вследствие чего возрос интерес к изучению человеческого тела, был заложен фундамент научной анатомии, физиологии, терапии, хирургии. Леонардо да Винчи, Андреас Везалий, Рене Декарт, Джованни Альфонсо Борелли, Парацельс, Джироламо Фракасторо, Амбруаз Паре и другие выдающиеся представители этой эпохи Возрождения развивали медицину в период развития и распространения гуманистический идей в обществе [1]. Гуманизм представляет собой общую тенденцию, которая, хотя и имеет свои корни в средние века, начинает активно развиваться с Франческо Петрарка, гуманистические идеи которого сформировали новый взгляд на человеческую природу, ценность личности и ее потенциал, что стало важным фундаментом для дальнейшего развития медицины, ориентированной на пациента в современном мире [1]. Также гуманизм проявляется в новом свете благодаря своим ярким деталям, специфическим условиям и силе выражения. Это явление знаменует собой начало нового этапа в истории мысли и культуры. В центре внимания гуманистов находился человек и его реальный мир. Они не выступали против религии и не оспаривали основные принципы христианства, признавая Бога как творца, который запустил мир, но не вмешивается в человеческую жизнь. Таким образом, культура и науки постепенно становились светскими и более независимыми от церкви [3, с. 231-253]. В человеке начали ценить разум, знания, навыки, творческую энергию и настойчивость в достижении целей, а также волю и чувство собственного достоинства. Идеальный человек стал восприниматься как энциклопедист и созидатель, способный формировать свою судьбу. Принципы уважения к автономии пациента, информированного согласия и сострадания, которые всё чаще встречаются в современной медицине, являются прямым отражением гуманистического наследия. Если рассматривать гуманизм как миссию по очеловечиванию через гуманистическую литературу, которая улучшает человеческую природу в обществе нашего времени, то он совпадает с обновлением человеческого духа. Таким образом, гуманизм и Ренессанс представляют собой две стороны одного и того же феномена [3, с. 267-282]. Гуманистические ценности, такие как справедливость, ответственность и сочувствие, стали важной частью профессиональной деятельности врачей, а гуманизм сыграл ключевую роль в формировании этических норм и стандартов медицинской практики, а именно индивидуальный подход к каждому пациенту во время лечения [2, с. 88-97].

Таким образом, необходимо подчеркнуть фундаментальную роль эпохи Возрождения в формировании современных медицинских подходов и этических норм в результате влияния

следующих идей Франческо Петрарка: акцент на индивидуальность и внутренний мир человека, возрождение интереса к античной культуре, развитие риторики и искусства убеждение, что оказало влияние на коммуникативные навыки врачей в будущем, утверждение ценности земной жизни и стремления к счастью, которое привело к повышенному вниманию качества жизни пациентов в XXI веке, формирование этических принципов, безусловно ставших основой для развития медицинской этики в наше время, а также гуманизация отношения к болезни и смерти, которая способствовала развитию паллиативной помощи и хосписов [2, с. 30-37]. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что переход от средневекового теоцентрического взгляда на человека к антропоцентрическому, инициированный гуманизмом, оказал прогрессивное влияние на развитие медицины и восприятия образа человека в сфере медицины в современном мире.

Литература

1. Пономарева И. В. Гуманизм в контексте истории развития медицины и врачевания / И. В. Пономарева. – 2018. – С. 112-115. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/62930/1/978-5-88687-247-7_27.pdf (дата обращения: 05.10.2023).
2. Балалыкин Д. А. Киселев А. С. История и современные вопросы развития биоэтики: учебное пособие / Д. А. Балалыкин А. С. Киселев. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 144 с.
3. Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры / Л. М. Брагина. – М.: Издательство Московского университета, 2002. – 384 с.

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

ФИЛОСОФИЯ В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

**Материалы I Казанской студенческой
научно-философской конференции
Казань, 15–16 мая 2025 г.**

PHILOSOPHY IN THREE DIMENSIONS

**Materials of the I Kazan Student Scientific
and Philosophical Conference
Kazan, May 15–16, 2025**

Компьютерная верстка
A.I. Галиуллиной

Дизайн обложки
A.I. Мубаракшина, Р.М. Сагитовой

Подписано к использованию 17.09.2025.

Гарнитура «Times New Roman».

Заказ 54/9

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)